

автор бестселлеров *NEW YORK TIMES* и *USA TODAY*

МЕЛАНИ МОРЛЭНД

Это Началось
с Поцелуя

Перевод группы РомКом_книги

Это началось с поцелуя. Потом стало чем-то гораздо большим. В любовь с первого взгляда Эйвери Коннор не верит. Но как насчет любви с первого поцелуя? Сделать одолжение другу, поцеловать незнакомца и уйти. Но что, если это одолжение и этот незнакомец окажутся поворотным моментом в ее жизни? Если этот поцелуй приведет к чему-то еще? Доктор Даниэль Спенсер уверен, так и будет. Он полон решимости заставить ее увидеть его. Почувствовать то, что чувствует он. Чтобы последствия этого поцелуя длились вечно. Рассказ о том, чтобы рискнуть, открыть свое сердце на мгновение, и влюбиться.

Книга: Это началось с Поцелуя

Автор: Мелани Морлэнд

Вне серии

Рейтинг: 18+

Переводчик: vl@dany (Аня)

Редактор: Анка72 (Таня)

Эйвери

— Я клянусь, Эйвери, Райан такое вытворяет своим языком... — Бэт замолчала, и ее глаза остекленели. — Оргазм был такой сильный, что я увидела звезды.

Я уставилась на свою лучшую подружку, бросила вилку и подняла руки в мольбе.

— Ради Бога, Бэт, я пытаюсь есть.

Не беспокоясь о моей реакции, она усмехнулась.

— Я просто говорю.

— Я знаю, о чем ты говоришь, — я понизила голос, оглядываясь вокруг и чувствуя себя неловко. — У вас с Райаном отличная сексуальная жизнь. У меня нет. Я поняла.

Она поддела вилкой салат, поднесла его ко рту и прожевала, задумчиво глядя на меня.

— Когда ты в последний раз трахалась?

Я тяжело вздохнула.

— Я думаю, когда отец Джастина Трюдо был премьер-министром.

— Поскольку тогда ты еще даже не родилась, я сомневаюсь в этом.

Я пожала плечами.

— Давай просто скажем — это было давно.

— У тебя было несколько свиданий после того, как ты рассталась с Грантом, — она с беспокойством посмотрела на меня. — Это было больше двух лет назад. Наверняка у тебя был секс с тех пор.

Я поковыряла вилкой в салате с немного большим усилием, чем необходимо. Это было давно.

— Несколько свиданий, да. Но, нет, я не занималась этим.

— Ты не спала ни с кем из них?

— Нет.

— Как насчет того парня, про которого ты рассказывала, что подцепила в баре несколько месяцев назад? Ты даже написала мне. Плохой парень?

Я заерзала в кресле и взяла свой холодный чай. Я написала ей слегка навеселе, думая,

что это смешно.

— «Подцепила» может быть слишком громким словом.

Она прищурила глаза.

— Тогда какое слово подойдет?

— Ну, мы зацепились. Под этим я подразумеваю, что кольцо для ключей, которое закреплено на сумочке, поймало его за свитер. Мне пришлось провести пару мгновений, отцепляя зажим, пока он ругал меня за то, что я такая неуклюжая и причинила ущерб его драгоценному кашемировому свитеру, — я смущенно пожалала плечами. — Странно, что он не пригласил меня после этого.

Бэт моргнула, а потом откинула голову в хриплом смехе.

Я усмехнулась на ее веселье.

Для девушки, внешне такой элегантной и стильной, у нее был самый гортанный и грязный смех, который я слышала.

Она вытерла глаза салфеткой.

— О, Эйвери. Только ты так можешь. Что мне с тобой делать?

Я покачала головой.

— Ничего, Бэт. Я не такая, как ты. Секс для меня — личное и... — я обвела вокруг рукой, пытаюсь найти нужное слово.

— Не существует, — закончила она.

— Я в порядке.

Она посмотрела на меня с нежностью и покачала головой.

— Я иногда беспокоюсь о тебе. Ты такой интроверт.

Я улыбнулась, отмечая ее беспокойство.

— Я справлюсь, Бэт. Я не такая общительная, как ты, но не сижу все время в своей квартире.

— Я знаю это. Ты заботишься обо всех своих пожилых соседях. Ты суетишься вокруг них, ходишь для них за покупками, помогаешь им по дому. Но я не уверена, что этого достаточно.

Мое горло сжалось.

— Мне нравится это делать. Мне комфортно с ними. Они заставляют меня чувствовать себя нужной.

— Я знаю. Но кто заботится об Эйвери?

— Я в порядке, — желая отвлечь внимание от себя и вернуться к менее личным вопросам, я сменила тему. — Что нового на работе за последнее время? Ты была так занята, я почти не слышала о тебе.

— Я знаю. Это последнее задание сводит меня с ума. Там тонны документов и бесконечные интервью. Мне нужно пробраться туда, потом сделать фильм и соединить все это вместе.

— Что это... — ее телефон завибрировал на столе, обрывая мои слова.

Она посмотрела на экран, бормоча проклятия.

— Извини, мне нужно ответить на звонок.

Я вернулась обратно к своему салату, пока она отвечала на звонок. Я раздвинула салат и помидоры в поисках жареной курицы и нашла один крошечный кусочек. Нехотя проткнула его вместе с салатом, игнорируя помидоры. Я не люблю помидоры. И действительно, зачем называть его “Салат с жареным цыпленком”, когда в нем едва ли есть курица? Его следует

назвать “Большая миска салата с дразнящим проблеском курицы”. Я отодвинула тарелку, потеряв аппетит.

Я изучала свою лучшую подругу, пока она говорила по телефону. Бэт была высокой, элегантной и утонченной, по крайней мере, пока не открывала рот. Ее длинные глубокого шоколадного цвета волосы красиво струились по плечам гладкими локонами. Ее макияж был идеальным, карие глаза — пронзительными и проницательными. Она была страстной, энергичной и талантливой.

Тем не менее, на данный момент она была невероятно раздражена.

— Чертовски здорово, — пробормотала она, бросая свой телефон на стол. — Я клянусь, стресс от этой съемки убьет меня.

— Что случилось?

— Еще один волонтер отказался. Завтра съемка, а у меня нет человека.

— Наверняка у тебя есть замена?

— Это была моя последняя замена.

Я похлопала ее по руке.

— Ты что-нибудь придумаешь. Ты всегда это делаешь.

Она уставилась на меня на мгновение, кивая, как будто приняла решение.

— Мне нужна помощь.

— Какая?

— Мне нужно, чтобы ты была моей заменой.

— Что я должна буду делать? Помочь с вещами? — я уже делала это для нее в прошлом.

Всегда было весело.

— Нет. На этот раз ты будешь перед камерой.

Я немного побледнела.

— О, хм, что конкретно? Я не актриса.

— Мне не нужно, чтобы ты была актрисой. Мне нужно, чтобы ты была Эйвери.

— И что я должна сделать?

— Поцеловать незнакомца.

Эйвери

Звуки шумного ресторана исчезли, когда я в полном шоке уставилась на Бэт.

— Ты хочешь, чтобы я сделала что? — я хмуро посмотрела на ее спокойное лицо.

Должно быть, она дразнит.

— Ты должна приехать завтра в студию и поцеловать незнакомца.

— Поцелуй, как в щеку? Быстрый приветливый поцелуй?

Бэт раздраженно фыркнула.

— Нет, Эйвери. Слияние губ, — она ехидно улыбнулась. — Встреча языков, если хочешь. Такой поцелуй.

— *С незнакомцем.*

— Такая идея.

— У тебя серьезно нет другого волонтера, которого ты могла бы попросить?

Она покачала головой.

— Нет, у меня нет времени, чтобы пойти через процесс подачи заявки. Я знаю тебя. Я доверяю тебе, — она наклонилась через стол, обхватив мою руку, ее карие глаза умоляли. — Ты не работаешь завтра — у тебя есть время. Мне нужна эта услуга. Пожалуйста?

— Почему ты снова это делаешь? Зачем это? — спросила я.

— Компания наняла меня, чтобы снять этот сегмент. Это социальный эксперимент, чтобы увидеть, как люди реагируют физически и эмоционально на незнакомца в интимный момент, — она причудливо выгнула бровь. — Отсюда и поцелуи.

— Ну, я могу доставить тебе много неприятностей. Я буду вести себя так, будто мне будет неловко, потому что именно так и будет. Я даже не смогу говорить. Ты знаешь, как я нервничаю с новыми людьми.

Бэт рассмеялась.

— Разговоры — это не то, что я хочу, чтобы делали твои губы. Да ладно, Эйвери. Ты нужна мне.

Я сделала глоток чая со льдом, оттягивая время. Я не могла вспомнить последний раз, когда кого-то целовала. Полагаю, на одном из немногих катастрофических свиданий. Никто из них не произвел на меня неизгладимого впечатления, это точно. Сомневаюсь, что я сделала его незабываемым для них, поскольку второго свидания не было. Теперь Бэт хотела, чтобы я поцеловала незнакомца? Просто мысль о встрече с новым человеком была пугающей, не говоря уже о поцелуях с ним.

Бэт откинулась на спинку стула, потягивая кофе в ожидании моего согласия. Потому что она знала, что я это сделаю. Я не могла сказать "нет" своей лучшей подруге.

— Есть ли, например, возрастные ограничения? — я вздрогнула. — Я действительно не хочу целовать старика. Или, что еще хуже, какого-то молодого прыщавого подростка.

— Все под контролем, — пояснила Бэт терпеливым голосом. — Мы подобрали возрастные группы и сексуальные ориентации. Мой доброволец, которая отменила съемку, была твоего возраста, и ты была бы идеальной заменой.

— Ты знаешь, с кем я буду, эммм, целоваться?

— Неа. Только то, что это мужчина тридцати двух лет и любит женщин в своей возрастной категории, — она ухмыльнулась. — Идеально подходит для тебя. Может быть, ты могла бы пригласить его на свидание после. Или, ты знаешь... подцепить его.

Я усмехнулась на ее поддразнивания. Это было несколько недель — нет, месяцев назад, когда я в последний раз была на свидании. Я была уверена, что это было меньше года назад, но не могу поклясться в этом.

— О какой продолжительности поцелуя мы говорим?

— Сколько тебе захочется.

— Что, если я ему не понравлюсь? Или у него неприятный запах изо рта, или... О Боже, Бэт, что, если он клоун в свободное время? Что, если он захочет пойти в цирк? — я ненавижу клоунов — они пугают меня до усрачки.

Бэт подняла руки.

— Это не «Эй, давай узнаем друг друга» ситуация! Ты не должна нравиться ему или знакомиться с ним. Все, что ты должна, это поцеловать его, и ты сможешь уйти. Не будет клоунов или цирка, я обещаю. И у тебя будут полные карманы мятных леденцов, так что все будет в порядке, — она покачала головой. — Пожалуйста, все, что мне нужно — это несколько мгновений твоей жизни. Ты не будешь там одна. Я тоже буду в комнате, и я прослежу, чтобы с тобой все было хорошо. Пожалуйста.

Я сдалась. Никогда не могла сказать «нет» Бэт, и она знала это слишком хорошо.

— Ладно.

— Серьезно? Ты сделаешь это?

— Да, — я ткнула в нее пальцем. — Если у него красный нос, большие ноги или запах

изо рта, я никогда не прощу тебя.

— Большие ноги — это плюс. Я все время это повторяю.

Я закатила глаза.

— У тебя всегда все сводится к сексу, Бэт? Все всегда сводится к, эмм, пенисам — не так ли? Большим.

— Ты заметила размер ноги Райана, моего парня? Мой мужчина упакован. И это член. Повторяй за мной, — она произнесла это, чеканя каждую букву. — Ч-Л-Е-Н. Ты не можешь заниматься сексом, не сказав этого, ты знаешь.

Мое лицо покраснело.

— У меня был секс, Бэт. Это просто было давно.

Она усмехнулась в восторге.

— Ну, может быть, завтра будет начало новой эры для тебя, — она протянула мне визитку. — На этот раз мы работаем в другой студии, чем обычно. Вот адрес. Будь там к одиннадцати.

Вздыхнув, я взяла карточку, держа ее за край, как будто она собиралась укусить меня.

На что я решилась?

Я стащила очередную рубашку через голову, бросая ее на постоянно растущую кучу на моей кровати и пытая от досады. Что следует одеть, когда собираешься поцеловаться с незнакомцем? Все, что я пробовала, казалось неправильным. Мои водолазки были слишком закрытыми. Блузки казались слишком формальными, а последняя рубашка, которую я мерила, заставляла меня выглядеть, как шляха. Я должна заколоть волосы наверх или распустить? Макияж? Духи? Что, если у него аллергия? Целовать кого-то чихающего и со слезящимися глазами будет невесело. Ничего из этого не казалось забавным.

Я села, обхватив голову руками. Мне не нужно было соглашаться на это ради Бэт. Я была замкнутой. Я теряла дар речи, когда знакоилась с новыми людьми. И никогда не знала, что сказать или сделать, поэтому оставалась тихой.

Бэт велела мне прихорошиться. За исключением того, что я не была уверена, что смогу справиться, когда дело дошло до ситуации, в которой я оказалась. Поднявшись, я изучила себя в зеркале. Если честно, выглядела я непримечательно. Мне, конечно, говорили об этом достаточно часто. Единственными людьми, которые называли меня симпатичной, были мои родители и бабушка. Я отбросила воспоминания о том, как одноклассники дразнили меня в школе, называя «призраком» из-за бледного цвета волос, или как учитель пробормотал, что мой белый цвет волос сделал меня похожей на старуху.

Я была блондинкой — мои волосы были почти белыми и свисали с плеч массой локонов и колечек. Они имели свой собственный разум, и я отказалась их приручить. Я была средней, единственной отличительной чертой были мои глаза. Большие, широкие и светло-зеленые, они были необычные. На скуле рядом с глазом была родинка, и у меня были веснушки. Глупые маленькие цветные точки, разбросанные по переносице и верхней части щек, как маленькая "дорожная карта". Я ненавидела их и перепробовала все домашние средства, чтобы избавиться от них, но безрезультатно. Я не была высокой и соблазнительной, в отличие от Бэт, которая могла остановить движение, вышагивая по тротуару. В целом моя фигура была мягкой, без намека на чувственность, которой я завидовала в других. Бэт хвасталась, что Райан может заставить четвертак отскочить от ее жесткого пресса, тогда как монета, вероятно, ударила бы мой и скатилась. Если бы я вообще

смогла найти свой пресс.

Боже, это было глупо. Почему я волновалась?

Я собиралась войти в комнату, поцеловать какого-то мужчину и уйти. Без сомнения, он забудет обо мне так же быстро, как я забуду о нем. Мы больше никогда не увидимся. Он, конечно, не будет смотреть на мой пресс — или его отсутствие. Я наверняка буду вспышкой на его радаре. Мне просто нужно успокоиться.

Порывшись в своем шкафу, я достала любимую черную цыганскую юбку в пол и скомбинировала ее с белой майкой. Схватила свой любимый пиджак-болеро, который нашла в винтажном магазинчике — ярко-красный с мелкими цветами, вышитыми по всему декольте — и откинула волосы назад, оставив их висеть за спиной. На ноги обула обычные простые балетки. Каблуки и я не ладили. Единственным украшением, которое я носила, были маленькие старинные серьги-кольца и браслет с подвесками, которые звенели и раскачивались на моей ноге, когда я шла. Я никогда не снимала их из-за сентиментальных соображений.

В ванной я попыталась надеть контактные линзы, яростно моргая от боли в правом глазу. В замешательстве вновь надела свои очки и скривилась, увидев небольшой надрыв на краю линзы. Проверив комнату, я застонала — конечно, это была моя последняя пара. У меня не было выбора, кроме как надеть очки или идти вслепую.

Я добавила тушь и блеск для губ, затем посмотрела в зеркало. Я была похожа на себя — может, немного бледнее, чем обычно, но это была я. Я уже почти вышла за дверь, но обернулась в последний момент и брызнула немного духами.

Если у него была аллергия, очень плохо.

Однако я засунула в карман юбки блеск для губ и несколько дополнительных мятных леденцов.

На всякий случай.

Я стояла через дорогу от студии, спрятавшись под аркой, ела конфеты и дергала ремешок сумочки, перекинутой через плечо. Я видела довольно много людей, и мне было интересно, мог ли кто-то из них быть мужчиной, которого я должна была поцеловать. Некоторые мужчины моего возраста оглядывались, но я не была уверена. Бэт сказала, что в студии было четыре разных павильона, где съемка шла весь день, так что это было оживленное место. Я глубоко вздохнула; интересно, есть ли способ, при котором я могла бы выйти из этого, не рискуя навлечь ярость Бэт.

Мой телефон загудел входящим сообщением, и я вытащила его из кармана, рассыпая оставшиеся мятные леденцы по тротуару. Чертыхаясь, я присела, чтобы поднять их, глядя на свой экран.

Я вижу тебя через улицу. Твой загадочный мужчина еще не пришел. Поднимай свою испуганную задницу наверх.

Ну, черт возьми, я думала, что вела себя скрытно, прячась здесь. Я должна была догадаться, что она ищет меня.

Раздраженно выдохнув, я наклонилась вперед, чтобы поднять три последних леденца, когда ботинок приземлился на мои пальцы. Я взвизгнула от боли, когда большая нога надавила сильно вниз, припечатывая два моих пальца в асфальт. Тихие проклятия заполнили воздух, когда нога отстранилась, и я упала на задницу, теряя свои очки. Я схватила свои ноющие пальцы здоровой рукой, стараясь не заплакать.

Фигура материализовалась передо мной.

— Черт, мне так жаль! Я не видел тебя здесь! Ты в порядке?

Я подняла глаза на высокого мужчину в черном, нависшего надо мной. Без очков я могла видеть лишь размытое лицо, увенчанное темными волосами. Я немного прищурилась, пытаюсь сфокусироваться, но это не сработало. Из-за слез, с которыми я боролась, и без очков у меня не было надежды что-то рассмотреть.

— Я думаю, что ты раздавил мои леденцы, — захныкала я.

Неясное лицо наклонилось ближе, его голос был низким и обеспокоенным.

— Я на самом деле немного больше беспокоюсь о твоей руке, чем о конфетах.

Я посмотрела на тротуар.

— Мне нужны были эти конфеты. Сейчас у меня только одна. Мне придется поделиться, если есть неприятный запах изо рта.

Мистер Размытый хмыкнул. Это был приятный, дружелюбный звук.

— Хм, ладно. Мы что-нибудь придумаем. Могу я взглянуть на твою руку?

Я моргнула, когда его мягкий, ласковый голос окутал меня, его тембр успокаивал.

Мой телефон загудел, и я подавила стон — чувствовалось, как нетерпение Бэт пробивается через звук. Не сомневаюсь, что она теряет терпение и притопает вниз в любую секунду, чтобы затащить меня наверх для поцелуя с моим мужчиной-загадкой.

— Нет, все нормально. На самом деле, мне кое-где нужно быть, — я встала, игнорируя протянутую руку, маячащую в воздухе. — Я должна идти, — повторила я.

Длинные пальцы, обернутые вокруг моего запястья, вызывали любопытное тепло, поднимающееся по руке от неожиданного контакта.

— Пожалуйста, дай мне взглянуть на твою руку. Мне нужно посмотреть, как сильно ты пострадала.

Я вырвала руку, не зная, почему кожу покалывало.

— Нет.

Голос мистера Размытого стал дразнящим.

— Я куплю тебе целый мешок мятных конфет, если ты позволишь мне проверить ее.

Это заставило меня остановиться. Мне нужны эти конфеты.

— Типа Спearминт?

— Любые, какие захочешь, — теперь его голос звучал настойчиво. — Пожалуйста. Я чувствую себя ужасно.

Он звучал так сладко, я больше не могла сопротивляться, так что протянула ему руку.

— Сделай это быстро.

Его нежные пальцы исследовали и проверяли, разгоняя странное тепло по моей коже.

— Они не сломаны, но посинеют и будут болеть. Мне так жаль, — я вздрогнула, когда он снова пошевелил пальцами. — Они будут очень болеть.

Я отдернула свою руку.

— Слишком поздно — они уже болят. А теперь, мои мятные леденцы?

Он еще раз хмыкнул. Мне нравился этот звук.

— Нетерпеливая крошка, не так ли? Вниз по улице есть аптека. Я также найду шину на пальцы. Жди здесь, — приказал он. — Я скоро вернусь.

Потом он ушел.

Мой телефон снова загудел, и со вздохом я опустилась на колени, нашла свои очки и направилась через дорогу.

Мне придется обойтись без шины, и надеюсь, что мятные конфеты уже не понадобятся. Даже если мистер Размытый позаботится о возвращении — в чем я сильно сомневалась.

Мне жаль, что я не увидела лицо за добрым голосом и нежным прикосновением. Каким-то образом за эти несколько минут я почувствовала себя очень... безопасно.

— Что с тобой случилось?

— Я уронила мятные леденцы, и какой-то парень прошелся по моей руке, — я протянула пальцы для осмотра. — Он раздавил последние.

Бэт подняла руку, тыкая в мои ушибленные, быстро синеющие пальцы. Морщась, я прижала руку к груди. Мистер Размытый был гораздо нежнее.

— Ноги были большие? — съязвила она.

Я застонала.

— Когда я упала, очки слетели, поэтому я не видела его ступни и лицо и назвала его мистер Размытый. Хотя его ноги очень тяжелые.

Бэт фыркнула.

— Только ты, Эйвери. Пойди, вымой руки и поправь макияж — ты в четвертом павильоне.

Я сглотнула, горло пересохло.

— Он, ах, здесь?

— Он написал, что задерживается, но уже в пути. Иди, приведи себя в порядок. Я жду его в любую секунду.

Я замялась.

— Не нервничай. Все нормально. Я буду в комнате.

— Ты снимаешь?

— Я буду курировать. Клифф займется съемками. Я подумала, что так ты будешь чувствовать себя лучше.

Я вздохнула с облегчением. Я буду чувствовать себя лучше, если Бэт будет в зале.

Она толкнула меня в сторону туалета.

— Иди. Мы сделаем это, и я принесу лед для твоей руки.

— Хорошо. Встретимся там.

Эйвери

Я вошла в комнату, наполненная нервным ожиданием. Бэт и другой сотрудник разговаривали с мужчиной, который стоял ко мне спиной. Он был высокий, возвышался над Бэт. Его блестящие волосы были роскошными, сияющая бронза под светом софитов. Широкие плечи были упакованы в черную кожаную куртку. Узкие джинсы облегали длинные ноги и оформляли довольно эффектный зад. Он засмеялся над какой-то шуткой Бэт, запрокинув голову в веселье, и положил руки на свои бедра. Я призадумалась, глядя на него. Он был невероятно высокий. Я не была уверена, что достану ему хотя бы до середины груди. Мне придется встать на цыпочки, а ему пригнуться, если мы собираемся целоваться. Это уже была ходячая катастрофа.

Бэт увидела меня и помахала.

Мой партнер повернулся, и я чуть не упала лицом вниз. Он был великолепен. Его яркие, синие глаза сверкали за толстой черной оправой. Точеное лицо подчеркивали высокие скулы и щетина, завершали картину волнистые волосы. Эти узкие джинсы висели низко на бедрах, и прежде чем я смогла остановить себя, мой взгляд упал на ноги. Его большие ноги, которые были заключены в пару черных, пыльных Док Мартинс.

Его очень большие ноги.

От этих мыслей краска опалила мои щеки. Это было, как будто меня направляла моя внутренняя Бэт. Я только и смогла, что поднять глаза и встретиться с ним взглядом. Его глаза расширились за стеклами очков, небольшая улыбка заиграла на полных губах. Губах, которые я буду целовать через мгновение.

Я сглотнула и невольно облизала свои губы.

У меня было такое чувство, что мне не придется делиться с ним последним леденцом. Который я пыталась нащупать в кармане. Я уже съела шесть, но, возможно, седьмой будет хорошей идеей. Я положила конфету в рот, возможно, слишком поздно осознав, что мы будем целоваться, прежде чем она растворится, так что я разгрызла ее, судорожно пережевывая. Он наблюдал за мной все это время, его губы причудливо изогнулись, как будто он пытался скрыть улыбку.

Я знала, без сомнения — когда он улыбнется, это будет похоже на солнце, осветившее комнату. Я хотела это увидеть. Хотела заставить его улыбнуться. Почему, я понятия не имела.

Нерешительно я пересекла комнату, чтобы присоединиться к Бэт и таинственному мужчине. Всегда профессионал, Бэт протянула клипборд каждому из нас, поручив нам прочитать и подписаться. Я слегка поморщилась, держа доску, мои травмированные пальцы протестовали. Дважды я поднимала взгляд от бумаг, только чтобы встретиться с его глубокими изумрудами, пристально меня разглядывающими. Каждый раз, когда я чувствовала, что мои щеки краснеют, я опускала глаза обратно на документы, которые должна прочитать. Я понятия не имела, о чем они, поэтому просто нацарапала свою подпись и передала обратно Бэт.

— Хорошо, — усмехнулась она. — Вот что произойдет. Вы двое стойте там, — она указала на пустое пространство позади нее. — Клифф начнет продвигаться с камерой. Делайте, что хотите. Поговорите, представьтесь, пожмите руки — как вам будет удобно. Или ничего не делайте. Вы можете поцеловаться и уйти, если этого хотите. У вас есть полчаса, но в какой-то момент времени, отведенного вам, нужно, чтобы вы поцеловали друг друга. Ясно?

Мужчина-загадка заговорил, его голос был на удивление нервный и низкий и странно знакомый.

— Ты будешь снимать все время?

Бэт кивнула в подтверждение.

— Мы могли бы использовать дополнительные нарезки видео, — она подняла клипборды. — Вот тут вы дали нам разрешение. Еще вопросы?

Мы покачали головами и двинулись к центру комнаты, куда указала Бэт. Под фонарями его волосы были хаосом из сплетения красного, коричневого, золотого и бронзового цветов, образуя нимб вокруг его головы. Они были взъерошенные и неряшливые, что ему очень шло. У меня была безумная потребность похоронить в них свои пальцы и посмотреть, были ли они такими же мягкими, как выглядели. Мы молча смотрели друг на друга, он потер свою шею, не сводя с меня глаз. Я хотела потерять себя в его глазах, темно-синих и прекрасных, как цвет океана в солнечный день. Картинки, где я лежу под ним, когда волны омывают нас, заполнили мою голову, и я вновь покраснела.

Откуда взялись эти мысли?

Внезапно его руки зарылись в беспорядок из волос на голове, дергая и вытягивая,

создавая еще больше хаоса. Затем он выпрямился, и решительный взгляд появился на его лице. Он стянул с себя куртку, бросив ее кучей гладкой кожи на полу, теперь он был в простой белой футболке, которая обнимала его безупречную грудь и торс. Чернила выглянули из-под рукава правой руки, и у меня появилось неразумное желание увидеть рисунок.

Он шагнул ближе и протянул руку ладонью вверх, пальцы слегка согнулись в безмолвном приглашении.

— Привет, — сказал он тихо, его голос был нежной лаской для моих ушей. — Я — Даниэль. Даниэль Спенсер.

Я уставилась на его руку. Ладонь была широкая, пальцы длинные и изящные. Нерешительно я положила свою руку поверх его, и все мое тело ощутило знакомый прилив тепла, когда его пальцы сомкнулись, обволакивая мою руку своим прикосновением.

— Эйвери.

— Эйвери, — пробормотал он. — Очень приятно с тобой познакомиться.

Мои ноги начали дрожать. Медленная, мучительная дрожь пробежала по моей спине, когда его рука сжала мою.

— Могу я поцеловать тебя, Эйвери?

— Если ты хочешь, — выдохнула я.

Боже, я надеялась, что он захочет.

Он привлек меня к себе, моя дрожь усилилась, когда я почувствовала тепло, его тепло, исходящее от его тела.

— Да. Да, я хочу.

Его глаза ни на миг не покидали мои, пока он склонялся ниже.

Недолго думая, я положила руки на его плечи и сжала футболку, несмотря на боль в пальцах, и поднялась на цыпочки, чтобы встретиться с ним на полпути. Мои глаза закрылись сами собой, у меня вырвался небольшой вздох от прикосновения его губ к моим.

Его рот был ласковым, прикосновения легкими, а губы нежными, как летний бриз, что дразнит вашу кожу под жарким солнцем. Они обещали облегчение, но только чтобы оставить вас желать больше — гораздо больше.

Он отстранился, и мои глаза распахнулись от затопившего меня разочарования.

Что это было? Тихий стон протеста покинул мой рот. Я хотела большего.

Его голос был тихим гулом в моих ушах.

— Эйвери, могу я кое-что сделать?

Я кивнула.

Он мог делать все что угодно.

Даниэль

Меня не было всего пять минут. Максимум семь. Я помчался в аптеку, схватил шину, мгновенный лед, Тайленол и самый огромный пакет мятных конфет, которые только смог найти — Спирминт типа. Я понятия не имел, зачем ей столько мятных леденцов, но потому, что казалось, что она в них нуждалась, я хотел найти их для нее. Стоя в очереди, я барабанил пальцами от нетерпения. Мне нужно вернуться к маленькому Спрайту (п.п. — это фея или эльф), на которого я ненароком наступил. Я торопился и не заметил, как она присела в дверном проеме, и не увидел ее руку, пока не стало слишком поздно, и я услышал, как она ахнула от боли.

Ничто не подготовило меня к приливу невероятного желания, которое сокрушило меня,

когда я наклонился и впервые увидел ее. Она была самой неповторимой женщиной из всех, что я когда-либо видел. Буйные белые локоны обрамляли ее лицо. Глаза ее были зелеными — настолько яркими, что она ослепляла меня, когда смотрела. Ее бледная кожа была усеяна веснушками. Крошечные песчаные частички, разбросанные по переносице и щекам. Выдающаяся метка красоты сидела на вершине ее щеки, слева от глаз.

Она напомнила мне картинку в книге, которую я вчера читал племяннице, называется «Лесной спрайт». Сходство было поразительное. Она была восхитительной даже с огромными глазами, слезящимися от боли. Она была упрямой и независимой, отказываясь от моей помощи. Вместо этого сама вскочила на ноги, ее красивая юбка струилась по ногам, когда она двигалась. Ее крошечный подбородок демонстративно задирался на мои просьбы, *мои мольбы* позволить мне осмотреть ее руку, но, в конце концов, она смягчилась. Когда она все же *неохотно* вложила свою руку в мою, потрясение от тепла, пробежавшего сквозь меня на ее прикосновение, было удивительным. Я был благодарен, что ее пальцы не выглядели сломанными, и после некоторого попрошайничества она согласилась разрешить мне их шинировать — если я куплю ей мятные конфеты. Ее инструмент переговоров позабавил меня.

За исключением того, что, когда я вернулся, она исчезла. Единственное, что осталось — раздавленные мятные конфеты, красные и белые вихри и ничего, кроме пыли на тротуаре. Пока я стоял и смотрел, как ветер уносит разорванные этикетки и рассыпанные конфеты, мой телефон загудел, я знал, что это Бэт из студии интересуется моим местонахождением.

Я уже писал ранее, что задержусь из-за неотложного пациента, и теперь задерживался еще больше, потому что прошелся по девушке, прячущейся под аркой.

Меня немного заинтересовало, почему она там притаилась. Она пряталась от кого-то? Она в порядке? Куда она пропала? Что еще более важно, как я мог найти ее?

Мой телефон снова загудел, и я вытащил очки из кармана, чтобы написать сообщение, что я буду там через минуту.

Я бы никогда не согласился на это, но я проиграл последнее пари, которое заключил с моей сестрой Кейтлин, и ставкой было участие в этом исследовании.

Широчайшая ухмылка расплылась на ее лице, когда она придвинула газету в мою сторону, указав на рекламу.

— Ты проиграл и должен подписаться на этот эксперимент, Даниэль.

Я едва обратил внимание на объявление и согласился, потому что был уверен, что обыграю ее в новейшую версию видео игры, в которую мы любим играть. Мы делаем это уже много лет, и она редко выигрывала. Хотя идея поцеловать незнакомку не привлекала меня, это не было большой проблемой, поскольку я не ожидал, что так произойдет. Если бы она проиграла, она должна была приехать на вечеринку в честь помолвки, которую мы должны были посетить, в костюме на мой выбор — и это не костюмированная вечеринка. Для моей элегантной сестры это было бы трагедией. Все, что должен был сделать я — поцеловать незнакомку и уйти. Я думал, она откажется, когда я предложил мои условия, но она согласилась.

Когда мы начали играть, стало понятно, почему она была так уверена. Она тренировалась, и даже притом, что я назвал это несправедливым, она категорически отказалась уступить, настаивая, что я не умею проигрывать. Крепя сердце, я предложил принять любую другую ставку, но Кейтлин стойко держалась, так что мне пришлось выполнять свое обещание.

То, что казалось маловероятным, стало слишком реальным.

Я пересек улицу, бросив еще один взгляд через плечо. Я предпочел бы остаться и убедить упрямого маленького Спрайта присоединиться ко мне на кофе. Я хотел бы приложить к ее пальцам пакет со льдом и немного с ней поговорить.

Однако оказалось, что моей мечте не суждено было сбыться. Подавив разочарование, я нажал на кнопку лифта. Я надел свои очки, вспомнив, как Бэт упоминала о документах, которые нужно подписать, и мне понадобится их прочитать. Я порылся в своей сумке и схватил леденец, положив его в рот.

Я купил их — имею право воспользоваться. Я промычал от удовольствия, они были очень вкусными. Парочку в карман на всякий случай.

Может быть, предложу одну своей партнерше по поцелую.

Когда я обернулся, чтобы увидеть свою пару на сегодня, я был в восторге.

Мой упрямый Спрайт стоял в дверях, выглядя крайне нервной. Теперь на кончике носа сидели очки, которые подчеркивали ее широкие глаза и их необычный цвет. Она прикусила нижнюю губу, и мне понадобилась вся сила воли, чтобы не пересечь комнату и вызволить ее из плена зубов.

Я хотел поцеловать эту губу. Погладить ее своим языком, затем погрузиться в ее рот и увидеть, так ли она вкусна, как я думал.

Ее глаза расширились, и она опустила взгляд на пол. Казалось, она смотрит на мои ноги, и я посмотрел вниз, интересуясь, признала ли она ботинки, наступившие на ее пальцы. Подняв глаза, я нахмурился, она покраснела и завопилась с чем-то в кармане. Я пытался подавить улыбку, когда она сунула конфету в рот и почти сразу начала хрустеть. Мне пришлось сдерживать смех, вспоминая ее бормотание о неприятном запахе и дележке. Я покачал головой в развлечении, понимая, что я раздавил леденцы, которыми она хотела поделиться со мной.

Впервые с тех пор, как согласился на это безумие, я с нетерпением ждал, что произойдет.

Я собирался насладиться поцелуями с моим Спрайтом.

Выглядело все так, что она не узнала меня сначала и не пнет по яйцам в отместку за то, что я наступил на ее пальцы.

Я надеялся, что этого не произойдет. Целовать ее было бы намного лучше.

Я подписал бланк, не читая его, не в состоянии оторвать от нее глаз. Я видел ее вздрагивания, когда она держала клипборд, ее пальцы все еще были красными и болезненными. Она щурилась, даже в очках, и я знал, что она не узнала меня. Я был уверен, что она не видит без своих очков, в то время как мои мне нужны только для чтения и работы, но я должен был сказать ей.

Как только съемка будет окончена, я хочу исповедоваться и полечить ее пальцы. Я обязан ей, по крайней мере.

Каждый раз, когда ее глаза встречались с моими, она краснела — краска путешествовала от вершины ее скул до ушей и вниз на шею. Цвет, окрашивающий ее щеки, только увеличивал огромное влечение, которое я испытывал к ней. Я хотел ощутить тепло ее кожи под моими пальцами, я хотел знать, как далеко краснеет ее тело.

Бэт дала нам указания, и мы молча вышли на середину комнаты, глядя друг на друга. Я знал, что мы не должны были называть наши имена. Или разговаривать друг с другом. Я мог

бы поцеловать ее и уйти оттуда за тридцать секунд.

Однако это не то, что я хотел.

Я хотел узнать ее имя. Я хотел, чтобы она знала мое. Я хотел, чтобы она знала, что за человек перед ней. Потом, когда поцелуи на камеру закончатся, я мог бы отвести ее куда-нибудь и узнать о ней все, что возможно, чтобы я мог поцеловать ее снова.

Нервозность усилилась, когда я посмотрел на нее, и я потянул себя за волосы. Но напряжение рассеялось от того, каким нежным взглядом она изучала меня. Я сбросил куртку, когда тепло заполнило мое тело, и вытер влажные ладони о свои джинсы. Решительность сменила беспокойство, и я протянул руку, молча умоляя девушку принять ее.

Сначала она немного испугалась, помедлив, прежде чем позволила себе вложить свою руку в мою. Когда я обернул пальцы вокруг нее, в изумлении замер от того, как правильно ощущалась ее маленькая рука, заключенная в мою большую.

Я подошел ближе, наслаждаясь ее руками, скользящими по моим плечам. Она была такой крошечной, что мне пришлось пригнуться, чтобы быть на одном уровне с ее лицом. Она закрыла глаза, и самый сексуальный вздох покинул ее рот, когда я наклонил голову, едва коснувшись ее губ своими.

Невыносимая жара пронзила меня при малейшем прикосновении. Наши очки стукнулись, заставляя меня нахмуриться и отстраниться.

— Эйвери, — прошептал я, — могу я попробовать кое-что?

Ее глаза, эти завораживающие бассейны синевы, смотрели на меня — такое же желание, которое чувствовал я, отражалось в изумлении.

Она кивнула.

Эйвери

Медленная улыбка, снисходительная и сладкая, скривила губы Даниэля. Губы, которые разожгли огонь внутри меня такой силы, что я была удивлена, почему я еще не лежу кучкой пепла у его ног. Губы, которые я вновь хотела почувствовать на своих. Он выпрямился и снял свои очки, толкая их на волосы.

— Можно я? — пробормотал он. — Они мешают, — даже не дожидаясь ответа, он протянул руку и стащил мои, складывая их. Он огляделся вокруг, без сомнения, в поисках места, куда их положить, и я открыла глубокий карман моей юбки, позволив ему засунуть их внутрь.

Он *не* закончил со мной.

Слава Богу.

Он осторожно двинулся вперед, его длинные пальцы скользнули вверх по моей шее в волосы, лаская мою кожу нежными, обожающими прикосновениями. Его мятное дыхание омыло мое лицо, разжигая страсть.

— Мне нужно быть ближе, — пробормотал он. — Мне нужно больше, — он наклонил голову, прижимая меня ближе. Я обняла его за шею, прижимаясь к его губам.

Время остановилось.

Комната вокруг нас исчезла.

Не было яркого света или съемки на камеру.

Не было Бэт.

Только он.

Только мы.

Теплые губы встретились с моими. Полные, упругие, но такие нежные. Его язык

ворвался внутрь, чувственно скользя по моим губам.

Небольшой стон сорвался с моих губ, когда он начал обрабатывать мой рот. Его вкус был ошеломляющим — сладким, горячим и чем-то таким уникальным — как Даниэль. Я знала, мне никогда не будет достаточно этого.

Медленный и нежный перерос в глубокий и чувственный. Дразнящий и легкий стал мощным и горячим. Он овладел мной. Подчинил меня. Разрушил меня.

Я отдала ему себя. Всю себя.

Он заскользил руками по моим бокам в мучительно медленном темпе, заключая меня в кольцо своих рук, придавливая к своему телу. Глубокий грохот в его груди заставил меня задрожать. Низкий гортанный стон сорвался с его губ, его губы ни на миг не покидали моих, не прекращая свое изысканное обладание.

И я не хотела, чтобы он прекращал.

Он резко выпрямился, одной рукой нырнул под мою задницу и поднял меня. Я ахнула ему в рот и обернула свои ноги вокруг его талии. Другая его рука скользнула под мою рубашку, лаская спину, пальцы гладили и дразнили, разгоняя стаи мурашек по моей коже.

Игнорируя боль в пальцах, я зарылась в его волосы, грубо потянув мягкие пряди.

Его ворчливое одобрение заглушил мой рот.

Затем я почувствовала, как холодная ровная поверхность стены ударила меня сзади, я даже не почувствовала, что мы движемся. Даниэль припечатал меня к стене, его возбуждение сейчас очевидно прижималось к моему животу. Мы разорвали поцелуй, когда потребность в кислороде взяла верх, но по-прежнему оставались неразделимы, наши тела сплелись вместе.

Наши глаза встретились — синие против зеленых — желание и жажда сливались и закручивались. Припухшие губы блестели под светом софитов, грудь вздымалась, и незримая волна сильнейшего желания прошла между нами. Казалось, наши взгляды провели тихий короткий разговор.

Наша жизнь только что изменилась, мы оба это почувствовали, знали это. Теперь уже не было возврата — и обратно никто из нас не хотел.

Я крепче обняла его за шею, нуждаясь в том, чтобы его рот вернулся обратно. Он опустил голову, а я всхлипнула, как его губы нависли над моими.

— Ну, я думаю, мы получили то, что хотели, — потрясенный голос Бэт взорвался в комнате. — Мы закончили.

Даниэль вскинул голову, его испуганный взгляд встретился с моим. Мы забыли, что не одни. Однако он не ослабил хватку и не отошел.

— Ладно, хорошо, — сказал он резко через плечо, едва удостоив ее взглядом.

— Мы... ээ, просто оставим вас... да... ах, заканчивайте. Или что вы... ах, хотите. Да. Зайди ко мне перед отъездом, Эйвери.

Торопливые шаги и тихий щелчок двери дал мне знать, что теперь я была наедине с Даниэлем. Я закрыла глаза, откинув голову назад на стену с небольшим стуком.

— Эй. Посмотри на меня.

Я открыла один глаз, щурясь на него.

Он широко улыбался.

— Можешь ли ты видеть меня?

— Когда ты так близко, да — ну, по большей части, так или иначе. А ты можешь видеть меня?

Он приблизил свое лицо, его губы были всего на расстоянии дыхания от моих. Пульсирующий жар вновь прокатился вверх по моему позвоночнику, маленькие огоньки желая прожигали мою кожу.

— Да, — он оставил нежный поцелуй на моих губах. — Я не думал, что ты можешь быть красивее, чем раньше, — пробормотал он.

— Раньше?

— Я думал, что ты была прекрасна, когда вошла в комнату, — пояснил он. — Но теперь, когда ты выглядишь так. Ты восхитительна.

— Как? — спросила я. Я, казалось, не могла ничего делать, кроме как повторять слова, которые покидали его рот. Его идеальный, сексуальный рот.

— Хммм. То, как ты ощущаешься прижатой ко мне. Твои губы распухли от моих, твои щеки порозовели, и то, как твои глаза смотрят на меня. Ты сирена, Эйвери, — прорычал он. — Чертова сирена. — Он уткнулся лицом в мою шею, его язык парил над моей кожей, оставляя горячую, влажную дорожку к моему уху, и прикусил мочку. — Я знаю, что мы должны были только целоваться, но я хочу тебя. Боже, я хочу тебя так сильно.

Я застонала, выгибаясь ему навстречу. Я могла почувствовать, как сильно он хотел меня. Я хотела его. Я никогда прежде не испытывала такого желая до сих пор. До этого мужчины.

Его рот накрыл мой, и я потерялась.

Отдалась во власть его поцелуев.

Его тепла.

Его.

Что-то загудело, напугав нас обоих.

Даниэль, чертыхаясь, отстранился, аккуратно поставив меня на ноги. Он снова надел свои очки обратно, полез в карман и схватил свой телефон, ответив грубо “привет”. Он внимательно слушал, большим пальцем лаская мои губы и не покидая мои глаза. Он застонал в отчаянии, опрокидывая назад голову.

— Я буду там, как только смогу, — он сунул телефон обратно в карман.

— Ты должен идти, — печаль заполнила мою грудь, и я не могла посмотреть ему в глаза.

— Один из моих пациентов плохо себя чувствует.

— Ты доктор?

Длинные пальцы обхватили мой подбородок, заставляя посмотреть на него. Даже размыто я видела хмурый взгляд на его лице.

— Я ветеринар. Мне пришлось провести экстренную операцию собаке, которую привезли этим утром, и ей плохо. Мне надо идти, — он сделал паузу и вздохнул. — Но я не хочу. Я хочу остаться здесь с тобой.

— В самом деле?

Он обвил свои руки вокруг меня, прижимая к себе.

— Ты глупая девочка. Да. Я хочу остаться с тобой. Я хочу забрать тебя и поговорить. Узнать тебя, — он крепче меня обнял. — Поцеловать тебя, если ты позволишь. Без камер на этот раз.

— Я бы хотела, доктор Спенсер.

— Ты хочешь снова увидеть меня? Или поцеловать? — подразнил он, уткнувшись губами в мою голову.

— И то и другое.

— Я могу увидеть тебя сегодня вечером? Пригласить тебя?

— На свидание?

— Да, на свидание. — Он обхватил мою щеку. — Но мне нужно как-то дожить. Скажи мне три вещи.

Я нахмурилась в замешательстве.

— Три вещи?

— О себе.

— Хм, синий мой любимый цвет.

Он ухмыльнулся, проследив пальцем под моим глазом.

— А мой — зеленый.

Его заключение почему-то заставило меня улыбнуться.

— Бэт — моя лучшая подруга.

Он кивнул.

— Еще одно.

— Я бухгалтер.

— Умная и красивая. Это потрясающее сочетание.

Я моргнула.

Прекрасная. Красивая.

Я не привыкла слышать такие слова, когда кто-то описывал меня.

— Ты такая.

О Боже, я произнесла это вслух.

— Видишь? Мы узнаем друг друга. Итак, сегодня вечером? — повторил он. — У меня еще есть вопросы. Много.

Я наклонила голову.

— Да.

Он поцеловал меня. Долго, медленно, глубоко. Потом опять.

И снова.

Со стоном, он отступил.

— Мне надо идти.

— Я знаю.

Смущаясь, он протянул мне свой сотовый телефон и схватил куртку, натягивая ее.

— Могу я узнать твой номер, пожалуйста, Спрайт? И твой адрес.

— Спрайт? — удивилась я. Я выудила очки из кармана, надев их, чтобы я могла видеть экран телефона.

— Да, раньше... — его голос затих, и хмурый взгляд исказил его черты.

— Эйвери, я должен кое-что тебе сказать, прежде чем уйду.

— Мне не нравится, как это звучит, — мое сердце бьется чуть быстрее при звуке его голоса. — Ты женат?

— Нет.

— Девушка? — пискнула я.

Он хмыкнул.

— Нет. По крайней мере, до того, как я вошел сюда, — он подмигнул.

У меня перехватило дыхание от этих слов.

— Что тогда? — прошептала я.

Он глубоко вздохнул.

— Это я наступил на тебя.

— Что?

— Раньше. Снаружи. Я наступил на тебя. Я, эм, раздавил твои леденцы и пальцы.

— Это был ты?

— Да.

— Но твои очки — на тебе не было очков!

— Они нужны мне только для чтения и работы вблизи, но не за рулем. Так что, большую часть времени я ношу их на голове или в кармане, — он хмыкнул. — В противном случае, я оставляю их в самых странных местах, — он сдвинул свои очки на голову. — Видишь?

Я покачала головой.

Со смешком Даниэль снял мои очки.

— Теперь видишь?

Я ахнула. Теперь я поняла, почему его прикосновения были такими правильными, а его голос знакомым.

— Это ты! Мистер Размытый!

Он засмеялся и снова надел мои очки обратно, целуя меня в кончик носа.

— Мне очень жаль. Я так волновался, что опаздываю, и нервничал из-за того, что меня ждет здесь, поэтому я не увидел тебя, — он поднял мою руку, целуя пальцы. — Я пошел, чтобы принести некоторые вещи, чтобы помочь с болью, но когда вернулся, тебя не было.

— Бэт продолжала мне писать. Я честно не думала, что ты вернешься.

— Я вернулся. Мне было очень грустно видеть, что ты пропала. Я не знал, как тебя найти, — его голос упал. — И тогда ты пришла сюда. Ты меня нашла, Спрайт.

Опять это имя.

— Спрайт?

— Ты выглядишь как картинка из книги, которую я читал своей племяннице прошлым вечером — «Лесной спрайт», — он ласкал мою щеку тыльной стороной пальцев. — Оно подходит тебе.

— А?

Он хмыкнул.

— Озорная, упрямая и своенравная. Ты показала все эти черты за те несколько минут, которые я провел с тобой, прежде чем ты исчезла. Еще одна черта, которой вы похожи. Исчезать. Нам придется поработать над тем, чтобы ты больше так не делала.

Я хихикнула.

Даниэль открыл свою сумку и хлопнул пакет в руке, обернув его вокруг моих пальцев. Сразу же успокаивающий холод впитался в мою кожу.

— Лед должен помочь снять боль и отек, — он передал мне пакет. — Здесь шины, если понадобятся, Тайленол и, конечно, твои мятные леденцы.

— О.

— Неприятный запах? — спросил он, забавляясь.

— Я волновалась, — призналась я с ухмылкой.

Что-то надавило на мои губы, и я открыла их, чтобы Даниэль мог положить конфету.

Я перекатила ее на языке, задыхаясь, когда он глубоко поцеловал меня.

Он отстранился, выглядя озорным, и открыл рот, чтобы я могла увидеть, что мой

мятный леденец покоится на его языке.

— Так гораздо слаще, — промурлыкал он.

Желание взорвалось во мне. Как он сделал что-то вроде кражи конфеты из моего рта таким невероятно сексуальным? Я была уверена, что захныкала.

Отступая назад, он покачал головой.

— Я боялся прийти сюда. А теперь не хочу уходить.

— Увидимся вечером.

— Могу я позвонить тебе днем?

— Да.

— Я сожалею о твоей руке.

— Ты можешь поцеловать ее позже.

Его глаза потемнели.

— Я поцелую все, что ты захочешь. Просто пообещай, что больше не исчезнешь.

— Обещаю.

Его теплые губы прижались к моему лбу.

— До вечера.

Я проводила его взглядом до выхода. Он повернулся, подмигнул и прижал пальцы к своим губам, прежде чем скрылся за дверью.

Я вздохнула и сползла по стене на пол.

Что только что произошло?

12

Эйвери

Я была так потеряна в водовороте мыслей, кружащих в моей голове, что вздрогнула, когда другое тело сползло по стене рядом со мной.

— Привет, Бэт, — пробормотала я.

— Эйвери.

Я искоса посмотрела на нее.

Ее карие глаза сверлили мои, и она хмурилась.

— Что?

— Что? Ты серьезно спрашиваешь меня, что? Ты пришла сюда, не особо горя желанием, и выглядела так, будто столкнулась с эскадроном смерти, а спустя пятнадцать минут мне чуть не пришлось использовать лом, чтобы расцепить вас! И теперь ты спрашиваешь "что"? — Ее голова упала назад, ударяясь об стенку. — Иисус, Эйвери.

Я в шоке разинула рот.

— Пятнадцать минут? Мы целовались целых пятнадцать минут? — по ощущениям это длилось не более минуты или двух. На мой взгляд, недостаточно долго.

Она рассмеялась.

— Ну, около двенадцати. Вы подписали кое-какие бумаги. С горем пополам.

— С горем пополам? Что это значит?

— Вы двое были так заняты игрой в гляделки друг с другом, что ни одна из ваших подписей не была разборчивой или в правильном месте. Они обе выглядят, как куриные царапины.

Я не смогла сдержать улыбку. Я была довольно отвлеченной, и мне нравилось знать, что и он тоже.

Она наклонила голову ко мне с огромной ухмылкой на лице.

— Это была одна из самых горячих вещей, которые я когда-либо видела. Клянусь, камера почти растаяла.

— Было очень жарко.

— Мне пришлось отправить Клиффа из комнаты.

— Почему?

— Он пять минут простоял со стояком в штанах. Когда Даниэль толкнул тебя к стене, я боялась, что он кончит в штаны. Черт, я боялась, что тоже смогу. Я написала Райану, что встречу с ним на обеде. И не будет никакого бутерброда для его рта, — она подмигнула. — Если ты понимаешь, о чем я.

Я спрятала лицо в ладонях, смущаясь от ее слов, но не могла перестать смеяться. Я не была уверена, что смогу когда-нибудь снова посмотреть Клиффу в глаза — или Райану, если на то пошло. Однако ничто не смутило Бэт.

Она шутя толкнула меня в плечо.

— Я думала, что мне придется применить к вам шланг.

Моя голова упала назад, и мы обменялись изумленными взглядами.

— Ну, это случилось с кем-то еще?

— Неа. Мы видели несколько горячих поцелуев, несколько чмоков и парочку действительно неудобных попыток, но ничего, и я имею в виду ничего, настолько испепеляющего, как здесь, — она сделала паузу. — Ты хочешь поговорить об этом?

— Это был он, Бэт.

— Кто он?

— Мистер Размытый.

— Парень, который наступил на твои пальцы? Это был Даниэль?

Я кивнула, касаясь своих губ. Они все еще горели огнем от его собственнического рта.

— Эйвери, что происходит? Я никогда не видела тебя такой... никогда.

— Понятия не имею. Но я встречаюсь с ним сегодня вечером, — я глубоко вздохнула. — Между нами что-то есть, не могу объяснить, что. Я почувствовала это. Мы оба.

— Это его член. Я пыталась тебе это объяснить. — Она хлопала меня по колену. — Я даже произносила тебе это по буквам.

Еще один смешок вырвался из меня. Я чувствовала его возбуждение, прижимающееся ко мне — жесткое и внушительное. Я выгнула на нее бровь.

— Кроме того, Бэт, — я колебалась, не уверенная, как объяснить ей то, что чувствую. — Где-то... в глубине души. Он заставил меня чувствовать себя очень комфортно. Я забыла о смущении. Он заставил меня чувствовать себя в безопасности. Как если бы я была дома, — я проглотила комок в горле. — Думаю, он тоже это почувствовал.

— Святое дерьмо, — прошептала она. — Эйвери, ты никогда не говорила ничего подобного.

— Я знаю.

— Ты должна была лишь поцеловать его. Не влюбляться.

Я испепелила ее взглядом. Я не была влюблена в Даниэля. Я познакомилась с ним только час назад. Это невозможно.

Не так ли?

Бэт пожала плечами.

— Странное дерьмо случается.

О. Верно.

Она усмехнулась.

— Подожди, пока Даниэль узнает, что ты часто бормочешь вслух. Я уверена, что это развеселит его.

— Я думаю, он уже это знает.

Она рассмеялась.

Мой телефон загудел.

Я улыбнулась, увидев его имя на дисплее.

Перед уходом он позаботился, чтобы мы обменялись телефонными номерами, и у него был мой адрес. Он сказал, что погуглит его по дороге на своем грузовике, чтобы знать, куда заехать за мной позже.

Я так и не узнал твою фамилию, Спрайт.

Коннор.

Эйвери Коннор — тебе подходит. Но я предпочитаю Спрайт. Я освобожусь в 6. Могу я забрать тебя в 6:45?

Я быстро ответила.

С нетерпением жду этого.

На самом деле, если я срежу путь, могу быть там примерно в 6:41.

Пожалуйста, будь осторожен. Я бы предпочла подождать эти 4 минуты.

ОК. 6:45. Я добавляю 4 минуты в конце нашего свидания — не откажусь от 4 минут времени, которые я могу провести с тобой.

Я покраснела от его слов.

Ладно. Верно подмечено.

Если наше свидание вообще закончится сегодня. Просто говорю.

Я покачала головой на его слова. Он заставил меня чувствовать себя такой... нужной.

Тебе лучше иметь полный карман мятных леденцов. Они тебе понадобятся.

Заметано.

Бэт выхватила мой телефон и прочитала наши сообщения.

— Спрайт?

Она начала ухмыляться, когда я рассказала ей, почему он меня так называл, а когда закончила говорить, Бэт улыбалась так широко, что я была уверена — ее щекам больно.

— Он уже дал тебе прозвище, Эйвери. Он любитель животных. Ты знаешь, что это значит. После того, как они дают тебе прозвище, они держат тебя. Ты попалась.

Прежде чем я смогла возразить, мой телефон снова загудел. Мы оба посмотрели на экран.

Еще нет 6? Кстати, завтрашний день тоже мой.

Извини, я забыл о своих манерах. Моя мать всегда учила меня говорить «пожалуйста». Так что, пожалуйста. Завтра.

— Вот дерьмо, — пробормотала она. Затем она встала с пола, потянув меня за собой. — Мне нужно заняться исследованием.

— Исследованием?

— Бронирование церкви и все такое. На это требуется время, знаешь ли. Такими темпами, я чувствую, она тебе понадобится.

Посмеиваясь, я пошла за ней.

— Бэт?

— Хм?

— Ты видела, какие у него большие ноги?

Она остановилась так внезапно, что я наткнулась на ее спину, чуть не сбив нас обоих.

Она начала смеяться, закинув руку мне на плечи.

— Я действительно заметила. Я, конечно, была впечатлена. Но чтобы это заметила ты? Вот что впечатляет, и я знаю, что это серьезно — для вас обоих. Давай, Спрайт. Нам надо кое-что обсудить, — она подмигнула. — Может быть, сходим в аптеку в очередной раз. Ноги большие — нам нужен размер МАГНУМ.

Я начала обмахивать себя.

Здесь действительно было настолько жарко?

Около трех я начала расхаживать. Мои нервы меня одолели. Должна ли я переодеться в другой наряд? Он сказал, что моя юбка была красивой. Может быть, он хотел, чтобы я осталась в ней. О, Боже, может быть, он сам хотел ее снять.

Почему здесь так жарко?

Я не знаю, что мы будем делать на нашем свидании.

Хотя я надеялась, что какую-то часть вечера мы будем целоваться.

Много целоваться.

Было бы обидно, если бы Даниэль потратил весь вечер, используя этот сексуальный рот только для разговоров.

Нет. Нужно больше целоваться.

Мой телефон зазвенел, и я в замешательстве вытащила его из кармана. И начала смеяться. Бэт поставила мелодию на звонки Даниэля «Если бы я мог говорить с животными» из комедии «Доктор Дулиттл». Она была весьма забавной.

Мне нужно найти какую-нибудь мелодию для Райана и установить в следующий раз, когда увижу ее. Я встретила его в холле, покидая здание. С огромной ухмылкой на лице он сообщил мне, что пришел на обед, но у него не было никакого пакета в руках. Вспоминая предыдущие слова Бэт, мне пришлось сжать губы, чтобы не рассмеяться, и я поспешила уйти. Может быть, «Дневное наслаждение» (п.п. — песня Afternoon delight — Starland vocal band) подойдет для него.

Я все еще хихикала, когда ответила на звонок.

Низкий хрипловатый голос Даниэля заставил меня дрожать.

— Похоже, ты в хорошем настроении, Спрайт.

— Бэт меня насмешила.

— Ты еще в студии?

— Нет, эмм, я объясню позже.

— Хорошо. Послушай, Эйвери, я не хочу этого делать...

— Нет, — выдохнула я, боль пронзила мою грудь. Я села, когда мои ноги обессилели. Он отменял. Он все обдумал и понял, насколько бессмысленна вся ситуация. Он пришел в себя.

Как будто он мог читать мои мысли, его голос стал громче.

— Нет! Нет! Послушай, пожалуйста!

— Ладно.

— Я не хочу ничего отменять. Это последнее, что я хочу сделать. Но собака — Люси — помнишь, которую я оперировал? У нее тяжелый послеоперационный период. Я не могу

оставить ее одну, поэтому я должен остаться. Все, о чем я прошу, могли бы мы отложить свидание до завтра, — он помолчал. — Пожалуйста?

Я с облегчением выдохнула.

— О.

Даниэль усмехнулся.

— Ты действительно думала, что я позвонил, чтобы все отменить, как будто у меня был выбор? Боже, я так разочарован, что могу попробовать это на вкус.

— Так что, ты будешь просто сидеть весь вечер в клинике и следить за ней?

— Ну, вроде того.

— Вроде того?

— Мой дом пристроен к клинике, поэтому я перенесу Люси туда и обеспечу ей комфорт. Но, да, я останусь с ней на всю ночь.

— Ты живешь в ветеринарной клинике?

— Я владею ветклиникой.

— Ой. Я не знала.

— Ты еще многого обо мне не знаешь. Это была одна из моих целей на сегодня. Я не могу передать тебе, с каким нетерпением я жду, чтобы увидеть тебя снова. Но Люси...

Я перебила его.

— Даниэль, все нормально. Я понимаю. Я думаю, это замечательно, что ты так заботишься о своих пациентах.

— Да. Сегодняшний вечер был важен. Я хотел увидеть тебя — больше, чем могу сказать — но я должен остаться. Если только...

— Если что?

— Смогу ли я убедить тебя приехать сюда? Я знаю, что это не свидание, но я могу заказать ужин, и мы сможем поговорить, пока я буду присматривать за Люси? Она, наверное, проспит весь вечер от обезболивающих, но мне нужно внимательно следить за ней, — его голос упал почти до шепота. — Я все сделаю для тебя завтра. Я хочу увидеть тебя, Эйвери. Так сильно.

Это было нетрудное решение. Я тоже хотела его увидеть.

— Да. Но при одном условии.

— Хочешь больше мятных леденцов?

Я усмехнулась.

— Нет. Я принесу что-нибудь и приготовлю ужин.

— Ты не должна этого делать.

— Я хочу. Я люблю готовить.

— Что с твоими пальцами?

— Они в порядке. Немного болят, но все еще работают.

— Хорошо. Я снова хочу их осмотреть.

— Отлично. Итак, ужин?

— Как будто я упусти шанс увидеть тебя? Ужин, несомненно. Я напишу тебе адрес.

— Ты хочешь, чтобы я приехала около шести?

— Ты будешь думать обо мне хуже, если я скажу, что хочу, чтобы ты взяла все необходимое и приехала как можно скорее?

— Правда?

— Мысль о том, что ты войдешь в мою дверь, и я увижу тебя в моей кухне, готовящую

ужин для нас, вроде, эм, делает кое-какие вещи со мной. Так что, да, мне нравится это. Очень.

— Я смогу получить приветственный поцелуй? — прошептала я.

— Привет, добрый вечер, как дела, хорошая юбка, как вкусно пахнет — любой или все из них.

— Я отправляюсь в магазин.

— Отлично.

— Ты не спросил, хороший ли я повар, Даниэль.

— Это неважно.

— Может, то, что я приготовлю, будет несъедобным.

Самый сексуальный смешок раздался на том конце линии.

— Тогда, я думаю, мне придется съесть тебя.

Я уронила телефон.

Я сидела в своей машине, глядя на клинику Даниэля. Она находилась на выезде из города, но все еще достаточно близко, чтобы быть удобной для клиентов. Здание выглядело как магазин, но в нем ощущалась какая-то домашняя, деревенская атмосфера. Клиника располагалась в стороне от дороги с просторной парковкой у главного входа и простой вывеской, которая гласила, что это «Ветеринарная клиника». Сбоку от дороги был еще один знак «Частная собственность», и я предположила, что позади клиники был дом Даниэля. Он сказал, что клиника была пристроена к большому гаражу, что облегчало ему доступ.

В сообщении он поручил мне припарковаться у входа, и он поедет со мной. Он хотел мне все показать, затем вернуться на работу, пока я буду готовить для нас ужин.

Мы проведем вечер наедине.

Одна только мысль заставила меня задрожать.

И обязательно будет парочка поцелуев, не так ли?

Мои пальцы тряслись, пока я нажимала на кнопку, чтобы опустить окно. Мое тело снова неожиданно нагрелось. Я не была уверена, чувствовала ли я что-то кроме жара и возбуждения, когда закончила разговор с Даниэлем ранее.

Когда я подняла трубку после падения, заикаясь, произнося извинения, он начал хихикать. Он засмеялся еще сильнее, когда я спросила, держал ли он под рукой бобы и Кьянти для гостей. Перестав смеяться, он заверил меня — очень низким, сексуальным голосом — что он имел в виду не этот вид еды. Он планировал поглотить меня совершенно иным образом.

Я снова уронила телефон. Он смеялся так громко, что едва мог попроситься.

Несколько минут спустя он прислал сообщение, и я подняла свой телефон с пола.

Ням, ням, Эйвери.

Я в очередной раз его уронила.

Я вздохнула, подбирая мобильник. Такими темпами он долго не протянет.

Я оставила окно открытым на несколько минут, нуждаясь в прохладном воздухе для моих разгоряченных щек. Я сунула еще один леденец в рот и пожевала, смакуя сладкий, мятный вкус. Наконец, успокоившись, пошла по дорожке в клинику Даниэля.

Я нерешительно замерла перед входом. Как мне его называть — Даниэль? Доктор Спенсер?

Они нашли бы странным то, что у меня не было с собой животного?

Вышла женщина, держа в руках переноску с небольшой кошкой внутри, и придержала для меня дверь.

Не в состоянии больше тянуть, я вошла в клинику. Зал ожидания был пуст, но за стойкой регистрации невысокая женщина с длинными темными волосами и дружелюбным лицом приветливо мне улыбалась.

— Здравствуйте! Могу я вам помочь?

Я шагнула вперед, чтобы спросить Даниэля, когда он вышел из-за угла.

Наши глаза встретились, и он поспешил ко мне, бросив файл на стойку.

— Спрайт, — выдохнул он мое прозвище, оборачивая руку вокруг моей талии, и притянул меня к себе. Не задумываясь, он поднял меня, как будто я ничего не весила, другой рукой обхватил мою голову, захватывая мои губы своими.

В одно мгновение я была в огне. Обвив руками его шею, я вплела пальцы в его густые волосы.

Наши очки столкнулись, впиваясь мне в кожу.

Меня это не волновало — Даниэля тоже.

Я захныкала от его собственнической хватки, чуть не плача от облегчения, что ощущаю его рот на моем. Сейчас на вкус он напоминал больше кофе, чем мяту — и если возможно, это заводило даже больше, чем раньше. Но он по-прежнему ощущался как Даниэль. Ему, должно быть, понравилось, как я дегустировала его, так как он застонал глубоко в горле, его хватка усилилась.

Покашливание позади нас прозвучало, словно выстрел в комнате. Я дернулась назад, глаза в панике расширились, когда я вспомнила, что мы не одни.

— Это новая давай-станем-для-клиентов-более-приветливыми-политика, о которой ты говорил, Даниэль? Или я могу предположить, что это Эйвери? — хихикнул насмешливый голос.

Не отпуская меня, Даниэль обернулся.

— Эйвери, — прохрипел он. — Это моя сестра Кейтлин.

— Привет, — пискнула я, мое лицо горело от смущения.

Она усмехнулась.

— Я думаю, ты должен мне за это утро, брат.

— Конечно.

— Я могу оставить одну из пони?

— Да. Выбирай в конюшне. Любая, какую захочешь — твоя.

Я уставилась на него. У него были пони?

Мне нравятся пони.

— Я подарю тебе одну. Двух, если захочешь, Эйвери, — пробормотал он, уткнувшись мне в волосы.

О. Я что, сказала это вслух?

— Ты собираешься поставить ее вниз? — поинтересовалась Кейтлин, выглядя так, будто пытается не засмеяться.

Я посмотрела вниз. Я была завернута в одну сильную руку, прижатая к его груди, мои ноги болтались в воздухе. Одна моя рука похоронена в его волосах, а другая сжимает его белый халат. Мы должны были выглядеть нелепо.

Даниэль, казалось, был другого мнения.

— Неа. Когда у меня следующая встреча?

— Через десять минут. Миссис Мюллер подойдет с Сэмом. Она хочет его кастрировать. Я должна была спросить.

— Сэм — это собака, верно?

Даниэль посмотрел вниз, его глаза блестели под лампами.

— Нет, Сэм — это ее муж. Мы делаем это для особых пациентов.

Мои брови взлетели вверх, а Даниэль и Кейтлин рассмеялись. Даниэль снова поцеловал меня в лоб.

— Конечно, Сэм — это ее собака.

— Десять минут? — спросил он Кейтлин.

Она пожала плечами.

— Миссис Мюллер часто опаздывает.

— Черта, которую я люблю в этой женщине, особенно если она приедет позже сегодня. Я собираюсь показать Эйвери мой офис.

Затем со мной, все еще висевшей на его руке, он пошагал мимо его очень забавной сестры.

— Приятно познакомиться, — сказала я через плечо Даниэля.

— Мне тоже! — закричала она.

Даниэль вошел в комнату, которая, полагаю, была его кабинетом. Толкнув дверь ногой, он захлопнул ее за нами, и одним движением я была зажата между двумя твердыми поверхностями во второй раз за день.

Даниэлем и стеной.

Я не возражала.

— Сними мои очки, — проинструктировал он. — Свои тоже.

Я сделала, как он велел, дрожащими руками, положив их поверх шкафчика возле нас.

— Милый кабинет, — прошептала я.

— Ты знаешь, что в нем самое лучшее?

— Нет.

Он пошевелил рукой, и я услышала щелчок.

— Дверные замки.

Затем его губы обрушились на мои.

Да. Это был отличный офис.

Эйвери

Быстрый стук в запертую дверь испугал меня, и я отстранилась от сексуального талантливой рта Даниэля.

Его голова двинулась вперед, следуя за моими движениями, и он рукой притянул мое лицо к своим губам.

— Нет, пока нет, — прошептал он, омывая своим дыханием мое лицо. — Больше.

— Даниэль, звонила миссис Мюллер, — раздался голос Кейтлин, она едва сдерживала смех. — Она приедет немного позже, но, я думаю, тебе нужно показать Эйвери, где вещи? В твоём доме? — она замолчала. — Верно, Большой Брат?

Даниэль тихо выругался, и его голова откинулась назад.

— Да, спасибо, Кейтлин. Я отведу Эйвери в дом.

Я подавила смешок от его недовольного голоса. Потянувшись, схватила наши очки, водрузив свои на нос. Как только Даниэль неохотно поставил меня на ноги, я встала на цыпочки и вернула ему на голову его очки.

— Мне нужно готовить нам ужин, — я погладила его подбородок. — А ты должен приступить к работе, доктор.

Выражение его лица изменилось, он перестал хмуриться, и его лицо озарила искренняя, ласковая улыбка.

— Что ты должна думать обо мне, Эйвери? — он покачал головой. — Я не могу держать свои руки подальше от тебя.

— Я думаю, что ты самый удивительный человек, которого я когда-либо встречала, — ответила я. — И я не хочу, чтобы ты пытался держаться от меня подальше.

Обхватив мое лицо ладонями, он посмотрел на меня с выражением, переполненным эмоциями и нежностью, отчего мои глаза наполнились слезами.

— Как же мне так повезло? — он прикоснулся губами к моему лбу, нежно скользнув по виску, отстранился и протянул руку. — Да ладно, Спрайт. Давай преодолеем эту тропу позора перед моей сестрой. Без сомнения, Стивен ждет вместе с ней.

— Стивен?

— Мой партнер и зять.

— О.

Он обернул своей большой рукой мою ладонь, ухмыляясь.

— Не смотри им в глаза. Они чувствуют страх и набрасываются. Просто продолжай идти.

Я опустила голову, стараясь не смеяться над его инструкцией.

Он отпер дверь.

— Готова?

— Готова.

Я немного дрожала, пытаюсь согреть ноги. Керамическая плитка в кухне Даниэля была холодной для моих босых ног, но когда мы прошли в его дом, он снял ботинки, поэтому я сделала так же.

Он проверил мои раненные пальцы, убедившись, что они не были сломаны, а затем настоял на том, чтобы я обернула их для защиты, пока буду готовить.

Наша прогулка по тропе позора, как назвал ее Даниэль, оказалась легкой, потому что пришел клиент, чтобы забрать еду для своего питомца, и Кейтлин была занята. Стивен понимающе нам улыбнулся, помахав пальцами, но Даниэль тянул меня вперед и мы не остановились.

Оказавшись в доме, он провел для меня краткую экскурсию по его большой современной кухне. Он сказал, чтобы я чувствовала себя комфортно и использовала все, что мне нужно.

Затем он оставил меня, но прежде подарил моему рту один из его горячих поцелуев; на этот раз я сидела на столешнице, а он стоял между моих расставленных ног. Это была идеальная высота для него, и он продемонстрировал свое удовольствие самым щедрым способом.

Я еще долго сидела там после его ухода, пытаюсь успокоиться. Никогда еще я не встречала такого мужчину, как Даниэль. Никогда никто не целовал меня так, как он. Казалось, что каждый раз, когда его губы прикасались к моим, он воровал еще один маленький кусочек моего сердца и забирал его с собой.

Он всецело обладал мной.

Я покачала головой на свои странные мысли и с трепетом осмотрела его кухню. Богатые кленовые шкафы цвета красного дерева, кварцевые столешницы и приборы из нержавеющей стали — все блестело под встроенными светильниками. Холодные оттенки темно-серого и кремового оттеняли насыщенные глянцевые и черные поверхности. Его плита заставила меня плакать, когда я подумала о своей маленькой, я едва могла дождаться, чтобы использовать ее. Я готовила спагетти, надеясь, что Даниэль любит пасту, а также салат и мой чесночно-сырный хлеб. К счастью, настала моя очередь приносить выпечку на работу, так что в моем морозильнике остались кексы, которые я захватила с собой. Мужчины всегда любили кексы. Они были любимчиками у моего отца.

Я приготовила соус и оставила его на медленном огне, обнаружив, что слегка замерзла. Чтобы избежать случайного попадания томатного соуса, я сняла пиджак, а с голыми руками и без обуви мне было холодно. Я прошла в гостиную, осматривая внушительного размера комнату с четкими плавными линиями. Уютное кресло у панорамного окна словно приглашало, и я осторожно села, поглаживая большого серого кота, растянувшегося на солнышке. Даниэль познакомил нас ранее.

— Это Декс, — он наклонился, чтобы поднять большого кота, который терся вокруг его ног, требуя внимания. Кошачий мех был коротким, кое-где отсутствуя совсем, не хватало части хвоста, а кончиков ушей уже не было. Он выглядел, как бездомный кот, которому выпала немалая доля боев, но его золотые глаза были нежными, и он позволил мне погладить его.

— Привет, Декс, — пробормотала я, запустив пальцы в мех на его спине.

— Я нашел его однажды вечером по пути домой с занятий. Была буря, и он лежал на снегу, явно больной. Я принес его в квартиру, где жил в то время, и ухаживал за ним, пока он не выздоровел, — пояснил Даниэль. — С тех пор он живет со мной. Он вроде как хозяин здесь.

Я засмеялась.

— Я запомню это.

Даниэль хихикнул, когда Декс лизнул мою руку и позволил мне почесать его голову.

— Ты ему нравишься.

— Разве он не любит людей?

— Я думаю, что с ним плохо обращались, прежде чем я нашел его. Полагаю, его бросили, и ему пришлось постоять за себя, именно поэтому он жил так плохо. Он немного осторожен в общении с другими людьми, кроме меня. Почему-то с тобой я не вижу в этом проблемы.

Было видно, как он любит это существо, которое с таким удовольствием лежало на его руках.

— Ему повезло, что ты нашел его.

Даниэль кивнул.

— Он был отличным компаньоном.

Декс позволил мне гладить его, пока я рассматривала детали интерьера.

Огромный диван и кресло в темно-зеленом цвете заполнили пространство. Я провела рукой по изогнутой спинке дивана, касаясь пышности переплетения в ткани. Та же цветовая палитра, как на кухне, сделала комнату уютной и притягательной. Одну стену украшал массивный камин, над которым висел большой телевизор.

Последний раз погладив Декса по голове, я встала, чтобы изучить камин, но не знала,

как им пользоваться и должна ли я быть такой навязчивой. Толстый ковер в центре комнаты давал некоторую передышку моим замерзшим ногам, но мне все еще было холодно. Не желая самовольничать в доме Даниэля, я достала свой телефон и написала ему сообщение.

У тебя есть пара носков, которые я могу одолжить?

Его ответ был быстрым.

Верхний ящик в комод. Ты в порядке?

Я чувствовала его беспокойство в коротком сообщении.

Ноги замерзли. Я не хотела самовольничать.

Спальня в конце коридора. Самовольничай везде, где хочешь.

Спасибо.

Я стояла в дверном проеме, вдыхая запах комнаты. Комнаты Даниэля. Она пахла, как он.

Теплая. Цитрусовая. Чистая. Сексуальная.

Комната была оформлена в темно-синей и кремовой палитре. Она была огромной и просторной, как и весь дом: аккуратная, опрятная и ухоженная. Королевского размера кровать, расположенная посреди длинной стены, была покрыта мягким одеялом. Я сглотнула, представляя, как под ним спит Даниэль, как я сплю рядом с ним — или, может быть, не сплю. Картинки, где Даниэль прижимает меня к матрасу, как его подтянутое тело накрывает мое, его сексуальный рот делает греховные вещи повсюду...

Внезапно мне стало уже не так холодно, как несколько минут назад.

Покачав головой, я подошла к комоду, открыла верхний ящик и захихикала, что мне пришлось встать на цыпочки, чтобы достать его носки. Этот мужчина был смехотворно высоким — как и его комод.

Повернувшись, я ахнула от удовольствия. Двойные французские двери, расположенные по центру торцевой стены, демонстрировали ошеломляющий вид. Словно притягиваемая невидимой струной, я поплыла в их сторону и осмотрела собственность Даниэля. Холмы, леса и открытые поля открылись моему взору. Вдалеке в солнечном свете мерцала вода. Ближе к дому расположился красный амбар, а слева от него в загоне паслась пара лошадей. У него действительно есть пони. Вся сцена напоминала очаровательную картину — живописную, спокойную и прекрасную.

Я стояла, словно зачарованная. Легко было представить свое будущее здесь.

Небольшой стол и два стула стояли на террасе, и я могла увидеть себя, сидящую рядом с Даниэлем в ленивые летние дни с чашкой кофе в руках. Я покачала головой на своеобразные мысли, возвращая взгляд к прекрасной картине передо мной. Какое замечательное место для жизни. Оно подходит Даниэлю своей открытой безмятежной атмосферой.

Я вздрогнула, когда теплые руки обвились вокруг моей талии, притягивая меня к твердой груди.

— Тебе нравится? — прошептал Даниэль мне на ухо, его губы ласкали чувствительные изгибы.

— Это захватывающе. Так спокойно, — прошептала я, не желая нарушать тишину.

— Мне здесь нравится.

— Это все твое?

— Да. От моего деда мне досталось наследство, которое я использовал, чтобы купить недвижимость и открыть клинику. Я люблю ездить, и когда купил землю, сарай и загон уже были здесь. Я снес старый дом и построил клинику и этот дом. Я развожу лошадей и

ухаживаю за ними для людей. Что-то вроде дополнительного дохода.

— Здорово!

— Ты катаешься?

— Нет. Я никогда не была так близко к лошадям. Они, эм, довольно большие и пугающие.

— Как-нибудь я покажу тебе их, — он сжал меня. — Я могу научить тебя ездить, если хочешь — тебе понравится. — Он развернул меня в своих объятиях. — Теперь о том, что тебе холодно. Могу я что-нибудь сделать, чтобы согреть тебя?

— Я нашла носки.

— Твои ноги не согреются, если ты будешь держать носки в руках, Эйвери, — он ухмыльнулся. — Ты должна надеть их, чтобы это сработало, ты же знаешь.

Я усмехнулась.

— Я собиралась сделать это, но вид за окном отвлек меня.

Он увлек меня на кровать, посадил на матрас и взял носки.

— Позволь мне помочь.

Стоя на коленях передо мной, он цыкнул, когда почувствовал, насколько холодны мои ноги. Он быстро растер их, а затем натянул носки на мои озябшие пальцы, улыбаясь, когда я вздохнула от облегчения. Они были слишком велики, но он завернул их вокруг моей лодыжки несколько раз.

Мне стало теплее. Хотя я не уверена, было ли это от носков или от того, что он стоял на коленях передо мной, и его руки все еще лежали на моих ногах.

Его пальцы заскользили по моей коже.

— Такая мягкая, Эйвери, — промурлыкал он. — Твоя кожа такая мягкая. — Его руки поползли выше, скользя по моим коленям, лаская.

Наши глаза встретились. Неприличный, почти умоляющий стон сорвался с моих губ, когда я увидела в них страсть и желание.

Он был на ногах в одно мгновение, возвышаясь надо мной, притягивая меня к своей груди и целуя.

Глубоко.

Влажно.

Жестко.

Я прижалась к нему, желая больше.

Он дал мне это.

Опуститься вместе с ним на матрас было даже лучше, чем я себе представляла.

Он утверждал меня, клеймил своими прикосновениями. Его руки были везде, поглаживали мои, забрались под майку, лаская кожу и заставляя меня дрожать, мое тело гудело так, как никогда и ни с кем.

Его телефон завибрировал, и мы разорвали поцелуй, хватая ртом воздух. Он уткнулся лицом в мою шею, его горячее, тяжелое дыхание омывало мою кожу, затем отстранился и ответил на звонок.

— Уже иду.

Мы уставились друг на друга.

Нежное, любящее выражение отразилось на его лице, и милая улыбка изогнула губы. Он наклонился, оставляя серию легких, нежных поцелуев на моем лице. Щеки, нос и лоб — все было охвачено его полными губами, а затем он три раза нежно поцеловал мои губы. Он

надел мои очки обратно — я даже не заметила, как он их снял.

— Прости меня. Я не могу заставить себя остановиться, когда речь идет о тебе. Я вижу тебя, и все, что я хочу... все, что мне нужно... чувствовать тебя рядом со мной.

— Я тоже это чувствую, Даниэль.

— Хорошо. Но когда я вернусь, постараюсь вести себя как джентльмен, которого во мне воспитывала мама, и не быть похожим на озабоченного неандертальца, ладно? — его пальцы танцевали по моей щеке. — Я хочу узнать тебя. Всю тебя. Речь идет не только об этом интенсивном притяжении к тебе, — он вздохнул. — Я никогда не испытывал ничего подобного в своей жизни. Никогда.

— Я тоже.

Он поднял меня, чтобы я встала перед ним. Потом нахмурился и потер мои руки.

— Тебе все еще холодно. Где твой маленький пиджачок?

— О. Он довольно старый и тонкий, поэтому я не хотела поставить на нем пятно. Я сняла его, пока готовила.

Он скрылся за дверью и вернулся, держа в руках бежевый вязаный свитер. Он помог мне натянуть его на плечи и засмеялся, закатывая длинные рукава.

— Это поможет тебе согреться. Плюс я включил камин в гостиной. Меня весь день не было дома, и я не подумал о том, что здесь так холодно.

— Теперь я чувствую себя намного лучше.

— Хорошо. Но прежде чем я уйду, мне нужно три...

Ему не нужно было заканчивать свою фразу. Я посмотрела на него, зная, чего он хотел.

— Я люблю арбуз.

Он просиял и кивнул мне продолжать.

— Я люблю животных, но у меня никогда не было питомца, пока я росла.

— Твои родители были против?

— Нет, они хорошо к ним относились, но это вроде как больше чем три вопроса. Моя бабушка жила с нами, и у нее была аллергия.

— Ах. Она...? — он позволил вопросу повиснуть в воздухе.

Я покачала головой.

— Она умерла, когда мне было четырнадцать, — я проглотила комок в горле, который всегда возникал при мысли о бабушке. — Я до сих пор скучаю по ней.

— Прости.

Я пожала плечами, не зная, что сказать дальше.

— Я не хотел, чтобы тебе стало грустно.

— Все в порядке. Она была замечательной и огромной частью моей жизни.

— Ты можешь рассказать о ней позже.

— Мне бы хотелось.

Он быстро притянул меня в объятия.

— Я скоро вернусь.

Он пересек комнату, останавливаясь у двери.

— Бери все, что нужно. Осмотришься вокруг, хозяйничай, где хочешь, — заверил он и подмигнул. — Я планирую, что ты будешь здесь часто, поэтому устраивайся поудобнее, Спрайт. Чувствуй себя, как дома. Кстати, ты выглядишь очаровательно в моих носках и свитере. Мне это нравится.

Затем он ушел, оставив меня окруженной заботой, обожанием и с сильным желанием

его скорого возвращения.

Я услышала, как открылась боковая дверь, и поставила чесночный хлеб в духовку, чтобы нагреть. Даниэль написал, что скоро придет, и ему понадобится только десять минут на быстрый душ.

Он вошел, толкая мягкую корзину на тележке. Он поманил рукой, чтобы я присоединилась к нему.

— Познакомься с Люси, — сказал он тихо.

Свернувшись калачиком, внутри лежала прекрасная собака колли, которая позволила мне погладить ее, слегка виляя хвостом.

— Как она?

Он стянул очки со своей головы, бросая их на столешницу.

— Сейчас лучше. Я очень доволен, — он вздохнул. — И могу вздохнуть с облегчением.

— Хорошо.

Он притянул меня к себе.

— Привет.

Я застенчиво взглянула вверх.

— Привет.

— Я вроде как задолжал тебе такого рода поцелуй, не так ли?

Я скользнула руками вверх по его груди и шее. С низким стоном его губы нежно коснулись моих.

— Как дела?

— Хорошо, — прошептала я. — Теперь лучше.

— Отлично, — его губы опять прикоснулись к моим, на этот раз с большим давлением.

— Все нашла?

— Да.

Его язык скользнул внутрь, дразня и лаская.

— Теперь теплее?

— Гораздо.

— Идеально.

И я потерялась.

Его губы шевелились, прижимаясь к моим. Его вкус переполнял меня, заставляя стонать. Легчайшим прикосновением его рука ласкала мою щеку, пальцы танцевали по моей коже. Он отстранился, прижимая меня к своей груди, устраивая под своим подбородком. Его сердце колотилось в груди — ускоренный ритм был под стать моему.

— Боже, что ты делаешь со мной, — пробормотал он. — Это настолько интенсивно.

Я прижалась ближе в молчаливом согласии. Никогда до этого я не испытывала такой связи с кем-то. Его прикосновения казались мне домом.

Наконец, он отстранился, лучезарно улыбаясь.

— Я и раньше думал, что здесь хорошо пахло, а сейчас запах невероятный.

— Это всего лишь спагетти.

— Я люблю спагетти. Хотя и не умею делать соус, поэтому приходится есть из банки.

— Голоден?

Он облизнул губы и сузил глаза.

— Умираю с голоду.

Мое дыхание дрогнуло. Я почувствовала, что он имел в виду не только ужин.

Возможно, я захныкала.

— У меня есть время на душ?

Я кивнула, не в состоянии говорить.

— Я устрою Люси и вернусь через несколько минут.

— Как Декс отреагирует на собаку в доме?

— Декс — старая курица-наседка. Он будет сидеть рядом с Люси всю ночь и следить за ней так же, как я. Он всегда так делает, когда я приношу раненых животных с собой. Я думаю, он понимает, потому что сам был ранен. Он словно чувствует их боль, — Даниэль пожал плечами. — А может, и нет. В любом случае он очень добрый.

— Это удивительно.

Он снова поцеловал меня в голову.

— Да.

Я наблюдала, как он отвез Люси в гостиную, устраивая ее корзинку у камина, где ей будет тепло. Декс спрыгнул вниз, исследуя корзину, и Люси подняла голову, два животных с опаской обнюхивали друг друга. Люси засопела и положила голову обратно вниз, а Декс свернулся калачиком на полу возле корзины, пока Даниэль бормотал что-то им обоим, поглаживая мех.

Я улыбнулась и повернулась к плите, чтобы перемешать соус. Мой собственный доктор Дулиттл, говорящий с животными. Он вновь появился в дверном проеме, и я заметила его гримасу, когда он протянул руку и потерял центр своей спины.

— Ты в порядке? — спросила я, чувствуя себя виноватой. Сегодня он много меня поднимал. — Я не самая легкая, чтобы поднимать.

Он покачал головой.

— Ты почти ничего не вешишь. И ты прекрасно вписываешься в мои руки, так что перестань так думать. Мне нравится, как ты идеально мне подходишь.

Его слова застали меня врасплох, и я уставилась на него. Никто никогда не говорил мне, что я была идеальной.

— Так и есть.

О.

Очевидно, я опять говорила вслух.

— Но тебе больно? — спросила я, по-прежнему волнуясь.

— Я в порядке — просто немного тянет. К концу дня я много склоняюсь над смотровым столом — недостаток высокого роста. Это не имеет ничего общего с подниманием тебя. Это была самая лучшая часть моего дня — до сих пор, — он подмигнул. — И все же я надеюсь, что не уроню шампунь. Не уверен, что смогу наклониться и поднять его, — его лицо расплылось в озорной ухмылке. — Если я это сделаю, ты придешь... поможешь мне в душе, Спрайт?

Из моего горла вырвался странный звук, а лицо опалило жаром.

Помочь ему?

В душе?

Где он будет голым.

Мокрым и голым.

В душе.

— Я... я... — единственные слова, которые я смогла выдохнуть.

Я перевела взгляд на его довольное, озорное выражение лица. Он снова подмигнул, повернулся и побрел по коридору, все время смеясь. Он только дразнил меня.

Дерзкий, сексуальный мужчина.

Не удержавшись, я вышла в коридор.

— Да, я бы пришла!

Настала моя очередь хихикать, когда его шаги дрогнули.

Попался.

— Эйвери, ужин был потрясающим. Но ты приготовила слишком много.

— Я подумала, что ты мог бы доесть позже.

— Отлично. — Он наклонился, целуя меня в щеку. — Спасибо, Спрайт.

Я хихикнула.

Я хихикала каждый чертов раз, когда он называл меня Спрайт или дразнил или целовал мне руку, щеку или висок. Я была похожа на школьницу, но ничего не могла с собой поделать.

Даниэль откинулся на спинку стула, пригубив вино. Он полностью наслаждался своим ужином, съев две полные тарелки спагетти, плюс салат, и пугающее количество чесночного хлеба.

— Твоя мама учила тебя готовить?

— Нет. Мама умела готовить, но это не было ее сильной стороной. Моя бабушка научила меня. После смерти деда, она стала жить с нами. Родители беспокоились, что она жила одна. Мне было около шести, когда она переехала. Она любила готовить и печь. Именно так она проявляла свою любовь ко всем.

Он улыбнулся поверх своего бокала, прищурился глазами.

— И сейчас ты так же проявляешь свою?

Я кивнула в знак согласия.

— Мы проводили часы на кухне. Она всегда ждала, когда я вернусь домой из школы, и буду делать домашнее задание, а она готовить. Когда с уроками было покончено, я должна была помочь. Это была моя любимая часть — тогда и сейчас.

— Твоя мама тоже работала?

— Она занималась финансовым планированием, работала из дома. Я любила сидеть и слушать ее разговоры о тенденциях рынка, процентных ставках и инвестициях. Я находила это увлекательным. Думаю, с этого началась моя любовь к цифрам.

— Так ты стала бухгалтером.

— Да.

— Ты была очень близка с твоей бабушкой.

Я вздохнула, думая о ней и обо всем, что мы делали вместе.

— Она была сильной. Не припомню, что она чего-то не могла. Если она не умела, она училась. Она была маленькой, энергичной, и всегда в движении. У нее было доброе слово для всех, и каждый, кто встречался с ней — любил ее. — Я указала на родинку на своей щеке. — У нее была такая же родинка, светлый цвет волос и бледная кожа. Она называла меня ее близнецом — кроме того, что она была открытой и прекрасной.

Даниэль нахмурился.

— Ты тоже.

Я оставила его замечание без комментария. Подняв ногу, я заставила подвески на

браслете заиграть.

— Это было ее. Она носила его задолго до того, как браслеты для ног стали популярны. Я никогда его не снимаю.

Он наклонился, перебирая серебро, от его прикосновения тепло распространялось по моей коже.

— Он подходит тебе. — Он поднял глаза, нежно глядя на меня. — Ты очень сентиментальна.

— Да.

Его хватка на моей лодыжке усилилась.

— Мне нравится это, Эйвери. Это соответствует мне.

Я уставилась на свою тарелку, краснея.

Мне нравилось соответствовать Даниэлю.

Декс свернулся калачиком в той же корзине, где спала Люси, наблюдая за ней. Она чувствовала себя гораздо лучше, и Даниэль расслабился.

Мы вместе убрали со стола, и я сварила кофе, который принесла в гостиную вместе с кексами.

Его глаза загорелись, когда он увидел маленькие лакомства, и жадно потянулся к одному, запихивая его в рот. Оказалось, что Даниэль был большим поклонником кексов — особенно ему приглянулся «Красный бархат» с глазурью из сливочного сыра.

Я была хорошо вознаграждена за мои усилия.

Он привлек меня к себе, основательно целуя. Сладость кексов усилила его вкус, заставляя меня стонать от желания.

Он целовал меня безрассудно.

Как результат, я была одурманена желанием.

Я хотела его.

Мы двигались так быстро, что голова кружилась.

Он застонал и сместил меня со своих колен.

— Я обещал вести себя как джентльмен, а не заниматься такими чертовски горячими вещами, да?

Я пожалала плечами и подмигнула.

— Я не знаю. Я чувствую себя довольно жарко.

Он рассмеялся.

— Я буду хорошим. Я хочу узнать о тебе. Я хочу, чтобы ты узнала меня. — Он нежно провел пальцами по моей щеке. — Давай поговорим.

Мы провели остаток вечера либо разговаривая или целуясь. Иногда все вместе. Он задал больше вопросов о том, что я делала в качестве бухгалтера и об офисе, где я работала. Он признался, что цифры и таблицы были за гранью его понимания. И улыбнулся чересчур широко, когда невинно заявил, что может быть ему нужен совет по ведению бухгалтерской отчетности в его клинике. Проигнорировав его маленький намек, я спросила его о практике. Мне не терпелось узнать, как он решил стать ветеринаром.

Его лицо просияло, когда он пояснил, что с семи лет знал о своем желании работать с животными. С десятилетнего возраста он проводил каждые выходные и лето, работая волонтером в приютах для животных и клиниках, впитывая все, что мог узнать от персонала или самих ветеринаров, когда у них было свободное время. Смущаясь, он признался, что

всегда был любимчиком в тех местах, где добровольно работал, что позволяло ему свободно учиться. Он был первым в своем классе в ветеринарной школе, и ни разу не колебался в выборе профессии.

Я видела, как сильно он любил свою клинику и всех своих пациентов. Его лицо светилось, когда он говорил о своей практике.

— Ты проводил все свободное время в клиниках? — Дразнила я. — Не было времени для знакомств? Девушки, должно быть, были убиты горем.

Он покачал головой на мои подшучивания.

— Я был слишком высок и неуклюж для девочек, пока был подростком. Я был длинноруким и длинноногим, все время спотыкался. Носил очки и слишком много учился.

— Держу пари, ты был привлекательнее, чем думаешь.

— Мое тело поздно созрело, в старших классах. Тогда я открыл для себя тренажерный зал и любил заниматься. Свиданий не было, пока мне не исполнилось почти семнадцать.

— Ого.

— А что насчет тебя? Расскажи мне больше о подростке Эйвери.

— Мне не разрешали встречаться, пока не исполнилось шестнадцать. Я была маленьким сюрпризом для моих родителей, и мой отец был довольно строгим.

— Сюрпризом?

— Родители много лет пытались завести детей, но безуспешно. Они как бы сдались, и мама забеременела мной, когда ей было сорок четыре.

— Действительно, сюрприз.

— Она думала, что у нее ранняя менопауза, но в итоге получила меня.

— Хороший сюрприз.

— Думаю да. Они прекрасные родители — пожилые, но очень активные.

— Они живут здесь?

— Нет, они на пенсии и сейчас живут в Британской Колумбии. Там зимы помягче. Я их вижу пару раз в год. — Я замолчала, задумавшись. — Я сильно скучаю по ним.

— Имена?

— Мама и папа.

Он хмыкнул.

— Джанетт и Даг. — Я пояснила. — Джанетт с двумя «т». Оно произносится как Жанет, но пишется по-другому. Это семейное имя.

— Хах, оно интересное. Мне нравится. — Он расслабился, скрестив ноги в лодыжках. — Так значит, Джанетт и Даг были очень защищающими?

— Особенно папа. Он был директором в местной школе и довольно жестким. Все дети боялись его. Мама была более мягкой. Но они были справедливыми и любящими, даже если папа иногда перегибал палку.

Даниэль усмехнулся.

— Директор, ха? Полагаю, это было довольно устрашающе для любого мальчика, который был заинтересован.

— Я могла ходить на групповые встречи, и тому подобное, но никаких свиданий. Он всегда должен был знать, где я и с кем я была. — Я захихикала от воспоминаний. — Томми Форсайт был первым мальчиком, с которым я ходила на свидание. Он так боялся моего отца и допроса, что когда это произошло, он даже не пытался держать меня за руку. Он проводил меня до двери ровно в десять часов и, буквально махнув на прощание, убежал.

— Никакого второго свидания?

— Нет. Я не очень часто ходила на свидания до окончания школы. Я родом из маленького городка на севере, так что все знали моего отца. Полагаю, это было слишком для мальчиков. — Я пожала плечами. — У меня были хорошие друзья, и мы все тусовались вместе.

— А свидания в университете?

— Тогда тоже было не много, никогда на самом деле.

— Мне трудно в это поверить.

— Мне сложно находить общий язык с новыми людьми. — Я подобрала небольшую нитку, свисающую с моей юбки. — Я... я немного застенчива и, как правило, держусь в стороне. Это отталкивает некоторых парней, я думаю.

— Как так?

— Я чувствую слабость и нервозность. Некоторые люди видят во мне сноба, но иногда я просто не знаю, что сказать.

— Я заметил застенчивую часть. — Он понизил голос. — Но если быть честным, нахожу это привлекательным.

— О.

— Все, что нужно было сделать, это заглянуть в глубину твоих глаз, и они знали бы, что ты не сноб.

Я уставилась на него.

— Может быть, никто не заглядывал достаточно глубоко.

— Твоя душа в твоих глазах, Эйвери. Когда я смотрю в них, я вижу тепло.

Я покачала головой в изумлении. *Кто этот человек?*

Он усмехнулся.

— Ты не кажешься застенчивой со мной.

Он был прав. С Даниэлем я не чувствовала такой же подавляющей робости.

— Ты заставляешь меня чувствовать... иначе. Мне очень комфортно с тобой.

Он поднял мою руку, целуя костяшки пальцев.

— Хорошо.

— Расскажи мне о своей семье.

Он немного нахмурился на смену темы, но уступил.

— Ну, ты познакомилась с моей сестрой Кейтлин. Она на два года моложе меня. — Должно быть, ему в голову пришла мысль. — Сколько тебе лет, Эйвери?

— Ты не знаешь?

— Нет, мне не предоставили никакой личной информации о моей партнерше.

— Двадцать семь.

— Мне тридцать два.

— Бэт сказала мне твой возраст, когда просила поучаствовать, — призналась я. Затем я подвигала бровями. — Пожилой человек. Я люблю мужчин постарше.

Он рассмеялся над моим поддразниванием. Наклонившись вперед, он поцеловал меня в кончик носа.

— Ты очаровательна.

Я закатила глаза.

Откинувшись на спинку кресла и скрестив ноги, он посмотрел на меня с забавным выражением лица.

— Мои родители живут примерно в двадцати минутах езды отсюда. Мой отец, Шон, дипломированный адвокат, а мама, Джулия, управляет собственным детским садом.

— Ты близок с ними?

— Да. Семья играет большую роль в моей жизни.

— Это мило.

Он поднял мою руку и поцеловал костяшки пальцев, его взгляд был напряженным.

— Они любят тебя.

Затем он продолжил, как будто то, что он только что сказал, не было таким глубоким и многозначительным, как казалось.

— У меня было вполне нормальное детство и подростковые годы. В любом случае, я не был идеальным, и мы часто спорили, но они были и остаются отличными родителями. — Он помолчал. — Я не всегда был так близок с отцом, как сейчас. Когда я был моложе, он не часто находился рядом, и я был импульсивным.

— О?

— Он был футболистом в КФЛ (пп-Канадская Футбольная Лига). Так что часто был в отъезде на играх, а когда не играл, он тренировался или был на сборах, а также часто участвовал в каких-либо мероприятиях для СМИ. Даже в межсезонье, он был занят. Он играл, плюс ходил на учебу и работал.

— Ух ты. Это выглядит впечатляюще. Хотя я немного знаю о спорте. Я должна была слышать имя Спенсер?

Он рассмеялся.

— Нет, все нормально. Это было много лет назад. Твой отец может знать его имя, если он любил футбол.

— Надо спросить у него. Зачем ему работать, если он играл профессионально?

— Игроки в КФЛ не получают так же как в НФЛ. Они должны работать и играть, чтобы заработать на жизнь, особенно тогда. Плюс, он учился, поэтому всегда был занят. Моя мама была тем клеем, который держал нас вместе. — Он немного поерзал в кресле. — Я очень скучал по нему, и выплескивал все наружу.

— Я думаю, что это, наверное, нормально.

— Наверно. Мне до сих пор плохо, когда я думаю о том, как порой вел себя.

— Я уверена, что твои родители все понимают.

— Они, особенно мама, были очень терпеливы. Она всегда была рядом со мной. Когда мне было восемь лет, в конце сезона, мой отец получил сильную травму. Он повредил колено и был вынужден уйти в отставку — это была завершающая карьеру травма.

— Как ужасно!

— И да, и нет. Некоторое время он был расстроен, но ему нравилось быть дома. Он нашел хорошую работу в уважаемой фирме и работает там с тех пор. Мне нравилось, что он был рядом, ну, всем нам, но я действительно любил это. Я успокоился и вскоре нашел свое место в жизни.

— Твой отец никогда не хотел, чтобы ты стал спортсменом, как он?

Он покачал головой.

— Нет. Я люблю спорт, и с удовольствием играл в школе, но у меня никогда не было такого драйва, как у него. Позже он признался, что рад этому.

— Почему?

Даниэль помолчал, выглядя печальным.

— Его тело старше своих лет. Он немного прихрамывает из-за колена, бедра причиняют ему боль, и мизинец на левой руке так часто был сломан, что торчит под прямым углом. Профессиональный спорт — это тяжело для организма.

— О боже.

— Мы вместе над этим работаем, и он посещает терапевтов. Он пытается двигаться дальше и заботиться о себе. Некоторые новые технологии хорошо ему помогают. Видя, как это повлияло на него, я рад, что застрял с животными. — Он подмигнул мне. — Поднимать кошек, собак, и случайных лесных Спрайтов гораздо легче для тела, чем трехсотфунтовый человек, постоянно пытающийся повалить вас на твердую землю (пп-речь идет об американском футболе).

Я засмеялась над его аналогией.

— Как твои родители познакомились?

— Мама пошла на футбол с друзьями. Она немного знала о спорте, и после того, как игра закончилась, они столкнулись с игроками в баре. Она понятия не имела, кто он и не обращала на него внимания. Но отец заметил ее, и к концу вечера, они были парой.

— Похоже в твоей семье спонтанность частое явление.

Он улыбнулся.

— Мой папа всегда говорит: «Ты знаешь, когда знаешь». — Его улыбка стала шире. — Теперь я должен признаться ему, что он был прав.

Не в силах сопротивляться, я заразилась его энтузиазмом.

— Расскажи мне о своей практике?

— Мы с моим зятем управляем клиникой. Он специализируется на сельскохозяйственных животных, в то время как я занимаюсь домашними.

— Это делает вашу практику разнообразной.

Он кивнул, делая последний глоток бренди, который потягивал.

— Я познакомился со Стивеном в школе. Мы быстро подружились, и я пригласил его домой на очередных выходных. — Он усмехнулся при этом воспоминании. — Моим родителям он понравился сразу, но с Кейтлин они не ладили.

— Правда?

— Они оба, похоже, не соглашались во всем — все выходные. После обеда в субботу вечером, они вступили в жаркие дебаты по некоторым вопросам экологии. Наблюдая за ними со стороны, казалось, их спор напоминал пинг-понг. Это было хуже, чем борьба двух кошек, и в какой-то момент я думал, что мне придется их разнимать. Я был уверен, что это его единственный визит ко мне домой.

— Очевидно, они справились с этим.

— На обратном пути на учебу я извинился, но он посмотрел на меня так, будто я сошел с ума и сказал мне, что он еще никогда не проводил выходные так хорошо. Ему нравилось не соглашаться с Кейтлин. Когда мы вернулись в кампус, он отправился в библиотеку и откопал еще больше информации. Они писали друг другу несколько недель, доказывая. Наконец, Кейтлин призналась, что он был прав, а он сообщил ей, что она должна ему свидание. С тех пор они вместе.

— Вау. Какая история.

— Они дополняют друг друга. Она очень общительная, а он очень спокойный. Во время спора, который у них случился первый раз, я впервые видел Стивена взбешенным. — Даниэль усмехнулся. — Она — единственный человек по сей день, кто может это сделать.

— Таким образом, между ними сразу возникла некая связь.

— Я полагаю. — Он погладил мою щеку своими длинными пальцами, легким прикосновением принося с собой столько тепла. — Не такая как у нас.

Ранее за ужином мы поделились своими историями, как мы оказались в этой студии сегодня. Я сделала это в качестве одолжения Бэт, в то время как он должен был сделать это, потому что проиграл пари. Я смеялась, когда Даниэль рассказывал о пари, которые они с Кейтлин заключают все время. Он скривил лицо, описывая поедание им кровяной колбасы, и как смешно было смотреть на пьющую острый соус Кейтлин, а потом она бегала по кругу, обдувая лицо руками и хватала ртом воздух, в попытке охладить рот. Я фыркнула, когда он рассказал мне, что однажды вынужден был носить платье в клинике, включая туфли на каблуках. Над своими проигрышами он смеялся так же сильно, как и ее. Они явно были очень близки.

— Думаю, что вечно буду благодарен за это проигранное пари, — сказал он. — На самом деле я выиграл, очень сильно. Я познакомился с тобой.

Я не была уверена, как описать нашу связь, но она была там, живая, дышащая между нами — пульсировала и окружала нас.

Даниэль поцеловал меня, его губы были мягкими и нежными. Мы, не отрываясь, смотрели друг на друга, и я почувствовала, как мои щеки краснеют под его взглядом. С ухмылкой, он схватил последний кекс с тарелки и откинулся на спинку кресла.

Он продолжил рассказывать, как сейчас Кейтлин управляет клиникой, занимается документами, и вместе они содержат конюшню. Втроем они создали отличную команду, и каждый из них привносит в дело свою силу.

Наблюдение за ним, рассказывающим о своих родителях, сестре, и пациентах, было вдохновляющим. Когда он говорил о своей любимой племяннице, Хлое, дочери Кейтлин и Стивена, его глаза и голос были наполнены нежностью. Любовь буквально волнами исходила от него, когда он обсуждал самых дорогих людей.

Его голос был спокойным, когда он спросил:

— Ты хочешь детей?

— Да.

Он обернул свою руку вокруг моей и сжал ее.

— Хорошо. Это хорошо.

Еще одна из тех странных, молчаливых бесед протекала между нами.

Я хочу их с тобой.

Я сделала глубокий вдох.

— Я не могу поверить... — я запнулась.

Он притянул меня к себе на колени, заправляя пряди волос мне за ухо ласковым жестом.

— Спроси меня, — умолял он.

— Почему ты все еще не занят? Нет жены и полного дома детишек? Ты слишком хорош, чтобы этого не было.

Не говоря уже о том, как офигительно сексуален.

Я фыркнула и вздохнула.

— А как ты целуешься? Я имею в виду действительно, почему ты все еще один? —

Потом, поняв, что я ляпнула, захлопнула рот.

Даниэль обхватил мое лицо, притягивая ближе, и поцеловал. Крошечные, легкие прикосновения его губ.

— Я могу спросить тебя о том же, — пробормотал он. — Как, черт возьми, мне так повезло встретиться с тобой сегодня? Я знаю, ты сказала, что редко ходишь на свидания, но я все еще не могу поверить.

— У меня никогда не было серьезных отношений, или даже особенно долгих. — Я пожала плечами. — Помимо очевидного, я думаю, что может быть слишком скучна. Я всегда была застенчивой, прилежной девочкой, легко пройти мимо.

— Очевидного? Что это значит?

Я играла со своими волосами, держа прядь для его осмотра.

— Я странно выгляжу. Мои глаза и волосы настолько светлые, что я почти похожа на альбиноса. Единственный цвет на моем лице — это адские веснушки, от которых я не могу избавиться. Я всегда знала, что не красавица, или даже не нормально выгляжу, так мне говорили, но...

Он опустил руки и сжал мои бедра.

— Подожди. Странно выглядишь? Кто тебе такое сказал?

Я пожала плечами.

— Я слышала это всю свою жизнь.

— Откуда? Не от родителей, конечно.

— Нет. Они всегда говорили мне, что я прекрасна. Я выделялась в школе, своими белыми волосами светлыми глазами. Дети, ты знаешь. Они любили дразнить. Мои волосы, если в это можно поверить, в школе были еще светлее. Одноклассники называли меня призраком. И учителя... Однажды я услышала, как учительница называла меня старухой с детским лицом. Все это засело в моей голове.

— Она не должна была так говорить, и ты не можешь заикливаться на том, что говорят дети. Маленькие засранцы полны дерьма. Они изливают его, чтобы чувствовать себя лучше.

Я горестно вздохнула.

— Я знаю, но другие тоже так думают.

— Кто?

— Это не имеет значения. Он был прав. Я...

Он снова прервал меня.

— Кто?

— Мой последний парень, Грант. Когда мы расстались, он сказал мне, что всегда находил мою необычную внешность отвлекающей — и не в хорошем смысле, — призналась я, смущенно.

Он скользнул руками вверх по моим рукам, и наклонил мой подбородок пальцем, вынуждая посмотреть на него.

— Твое лицо, — начал он медленно, его глаза ни на секунду не отрывались от моих, — красивое. Все в тебе прекрасно. Ты ни в коем случае не странная. Уникальная, да. Совершенная, да. Я подумал так в тот же миг, как тебя увидел. Красавица, — повторил он твердым голосом. — Поняла? Игнорируй любые глупые комментарии от лузеров. Он явно был на всю голову ебанутый.

Его последнее предложение заставило меня улыбнуться. Я начала хихикать, и он присоединился ко мне, его широкие плечи тряслись от смеха. Его пальцы выводили маленькие круги на моих щеках.

— Не слушай его, ладно?

— Я должна слушать тебя?

— Я врач. Значит я умный — так что, да. Слушай меня.

— Хорошо, — выдохнула я. — Постараюсь.

Озорная улыбка изогнула его губы, когда он приблизился к моему лицу. Его дурманящий запах окружил меня, пока его губы парили над моими.

— Хорошо. И спасибо, Спрайт. Я думаю, что ты тоже офигительно сексуальна.

Я ахнула, когда он прижал меня к своей груди.

Проклятые бормотания.

Эйвери

Задыхаясь от страстных поцелуев Даниэля, я отпрянула, переместившись в угол дивана. Он провел рукой по волосам и вздохнул.

— Сделал это снова, не так ли? Ты рядом, и я хочу тебя ближе.

— Я не возражаю, это просто...

— Я знаю, — заверил он меня. — Мы только сегодня познакомились. Я ничего не жду. Хотя мне нравится целовать тебя.

— Мне тоже это нравится. Может быть, слишком сильно.

Он подмигнул.

— Я буду иметь это в виду.

— Ты не ответил на мой вопрос, — начала я. — Почему ты не женат?

Он откинулся назад, закинув руки за голову, вытягивая длинные ноги.

— У меня были подруги. Однако я не игрок, и у меня не было много отношений. Полагаю, я больше все-или-ничего-парень. У меня не было долгосрочных и серьезных отношений. Моя последняя девушка Карен, мы были вместе больше года.

— Что случилось?

Он пожал плечами.

— В том то и дело, что ничего. Ни огромной драмы, ни ссоры. Она была замечательной женщиной. Красивая, веселая, и мы отлично ладили. Моей семье она понравилась, и у нас было много невероятных моментов вместе. Все было хорошо. Она удивительный человек, на самом деле.

Мой живот скрутило от его тона, незнакомое чувство ревности зародилось внутри. Он так нежно о ней отзывался.

Он продолжил с кривой усмешкой.

— Но у нас была одна проблема.

— О?

Он наклонил голову, изучая меня.

— Что ты чувствуешь, когда я целую тебя, Эйвери?

— Не хватает воздуха. Слабость, — я вспомнила наш первый поцелуй. — Хочется больше. Намного больше.

— То же самое чувствую я. Я не могу насытиться. Мне все время мало. У нас с Карен никогда не было такой всепоглощающей искры. Мы были отличными друзьями — так и должно было оставаться. Однажды я понял, что мы не виделись уже больше месяца, и мне было все равно. Мы сели и поговорили, и она призналась в том же самом. Так мы и расстались больше года назад.

— Я сожалею.

Он рассмеялся.

— Не стоит. Никто из нас не был особенно расстроен, мы поняли, что приняли

правильное решение. Жизнь слишком коротка, чтобы довольствоваться малым. Мы по-прежнему близки и до сих пор дружим. Через пару месяцев после того, как мы расстались, она встретила Бака, и месяц спустя они поженились. Она сказала мне, что впервые пожав ему руку, уже не могла отпустить, и то же самое было для него. Она нашла свою половинку. Она счастлива, и я рад за нее.

— Она, эмм, живет здесь?

— Нет. Они переехали не так давно. Он — юрист и получил отличное предложение в Нью-Йорке. Карен там нравится. Она любит большие города. Мы поддерживаем связь, она очень счастлива.

— О, — я вздохнула с облегчением. Не уверена, что хочу встретиться с его бывшей девушкой, о которой он так отзывается даже после года окончания отношений.

Он ухмыльнулся.

— Не ревнуй. Мое отношение к Карен сильно отличается от того, как я отношусь к тебе. Это все равно, что сравнивать озеро и океан, — он потянулся к моей руке, оставляя легкий поцелуй на костяшках. — А если тебе не ясно? Она озеро, а ты океан.

— О.

— Я встречался с ней вскоре после ее свадьбы и видел, как они взаимодействуют вместе. Они идеально друг другу подходят. Увидев это, понял, что никогда не смогу довольствоваться чем-то меньшим. Она сказала мне, что никогда не была счастливее, и, когда это случится со мной, я пойму. — Он понизил голос. — Я ей не верил до сегодняшнего дня.

От его слов мое сердцебиение ускорилося.

— Я чувствую это. Я почувствовал это в первый раз, когда ты позволила мне прикоснуться к твоей руке. Это было похоже на то, что я нашел один недостающий кусочек моего пазла. Единственное, чего мне не хватало, чтобы сделать меня полным.

Он потянул меня за руку, переместив обратно на колени.

— Ты чувствуешь это, Спрайт? Это притяжение? Ты чувствуешь, насколько сильно оно между нами?

— Да.

Он наклонился ближе, тепло его тела проникло мне под кожу.

— Ты останешься со мной, Эйвери Коннор? Ты будешь моей?

— Пожалуйста.

Его улыбка стала ярче солнца в середине июля.

— Хороший ответ.

Даниэль тяжело вздохнул, глубже зарываясь головой в подушку на моих коленях.

Разговор прекратился некоторое время назад после того, как он проверил Люси. Вернувшись к дивану, он лег головой на мои колени. Я зарылась пальцами в его волосы, с удовольствием перебирая шелковистые пряди, мы продолжили разговор, пока я не заметила, что его глаза закрылись, а тело расслабилось. Он интересовался моим любимым хобби, когда его голос запнулся, затем он замолчал, его дыхание замедлилось, и хватка ослабла. Хотя полностью он не отпустил.

Я смотрела на него в изумлении. Даже во сне он поражал, возможно, даже больше. Спокойный и расслабленный, морщины на лбу разгладились, а его полные губы были поджаты, как будто в ожидании поцелуя.

Боже, поцелуй Даниэля.

Какой опыт.

Меня целовали раньше, но не так, как целовал Даниэль. Я никогда не испытывала ничего похожего на пожар, разгоравшийся внутри, стоило его губам коснуться моих. Я никогда не хотела мужчину так, как хотела его. Теперь, когда я знала, как реагирую на него, я могла только представить себе, как чертовски горячо будет заниматься с ним любовью. Одна мысль об этом заставила меня дрожать от предвкушения.

Я никогда не испытывала такого ощущения правильности, когда дело доходило до отношений с другим человеком. Я никогда не испытывала желание заботиться о ком-то или ждать его заботы взамен. Разговоры и знакомство с ним еще больше укрепили мои чувства. Наши пристрастия и цели были схожи — как будто мы были частью друг друга. Я знала, что хочу, чтобы Даниэль обратился ко мне в нужное время. И хотела знать, что он поймает меня, когда я буду нуждаться в нем.

В мгновение ока я увидела всю жизнь с Даниэлем. Это было также легко, как дышать. Я видела наше будущее: вечера, подобные этому, в обнимку на диване, выходные дни, посвященные изучению мира вокруг нас. Ночи, проведенные в его объятиях. Я видела все это с ним — детей и домашних животных, смех и любовь, даже слезы и страдания.

Я продолжала поглаживать его голову. Здравый смысл говорил мне, что я была смешна: я никак не могла ощущать все это, только встретив его сегодня.

Но я так чувствовала.

И по всем признакам, Даниэль тоже.

Я должна быть напугана и опасаться того, как он заставил меня чувствовать себя.

Но страха не было.

Вместо этого я чувствовала себя цельной.

И не хотела терять это чувство.

Даниэль сместился, обвиваясь вокруг меня, словно знал, о чем я думала.

Я прижала его к себе, надеясь, что даже во сне он знал, что я была рядом.

Нежные поцелуи разбудили меня.

Голос Даниэля мягко звучал в моем ухе.

— Идем в кровать, Спрайт.

Смутившись, я посмотрела на него, затем на часы. Было уже два часа ночи.

— Я должна идти домой!

Он покачал головой.

— Уже поздно. Я не хочу, чтобы ты ехала, — он опустил на колени передо мной, заправляя прядь моих волос за ухо. — Я заснул на твоих коленях посреди свидания.

— Ты устал, это нормально. Кроме того, мне понравилось.

— Мне тоже. Останься, пожалуйста, Эйвери.

Когда я замешкалась, он обнял меня.

— Ничего не случится, обещаю. Я даже спать буду на диване. Мне нужно знать, что ты в безопасности. Пожалуйста.

— Ты не должен спать на диване. Я доверяю тебе.

Он подхватил меня на руки и понес по коридору. Я крепко прижалась к его груди, мне нравилось ощущать его рядом со мной.

Его губы коснулись моей головы.

— Ты лучше оставь свитер, — пробормотал он. — Иначе я не уверен, что мне можно доверять.

— На сегодня, — согласилась я.

— Да. На сегодня.

Даниэль

Просыпаться с Эйвери, свернувшейся рядом со мной, было невероятно. Она едва ли двигалась всю ночь, несмотря на то, что я вставал с кровати, чтобы проверить Люси, которая понемногу выздоравливала. Каждый раз, когда я возвращался в постель, Эйвери прижималась ко мне с довольным вздохом. Обнимая ее, я чувствовал то же самое.

Удовлетворение. Счастье. Полноту.

Я с трепетом смотрел на нее. В ту секунду, когда я прикоснулся к ней, что-то в моей груди расслабилось. Я никогда не испытывал такой реакции в своей жизни. Каким-то образом за короткий промежуток времени ее влияние на меня возрастало в геометрической прогрессии.

Вернувшись в клинику накануне вечером, я не мог перестать думать о ней. Образы ее на моей кухне, готовящей ужин для нас, дрейфовали в моей голове, отвлекая. Воспоминания о ее сладких губах под моими, о том, как она ощущалась в моих руках, держали мое тело в напряжении. Я снова хотел почувствовать ее рядом — вкусить ее сладкие губы и почувствовать тело, прижатое к моему. Осознание ударило меня, когда я сидел за своим столом, что я оставил незнакомку в своем доме. Кроме ее имени, я вообще не знал, кто она. За исключением того, что по какой-то причине я знал, что полностью могу доверять ей. Тем не менее, мое поведение было необычным для меня. Я был уравновешенным, Кейтлин — импульсивной.

Я потер лицо, удивляясь, о чем я вообще думал.

Когда, фактически, знал, что я не думал. Я чувствовал.

Кейтлин просунула голову в мою дверь.

— Эй... — она затихла. — Даниэль, что случилось?

— Что я делаю?

Она села напротив меня.

— Ты имеешь в виду Эйвери?

— Я оставил ее в моем доме. Одну. Я не веду себя так — я не веду себя беспечно и импульсивно.

— Ты волнуешься?

Я покачал головой.

— Нет. Меня другое беспокоит. Я должен волноваться.

Она нахмурила брови.

— Ты волнуешься, что не волнуешься?

— Да.

Она изучала меня мгновение.

— Ты знаешь, что говоришь как папа, да?

— Заткнись.

— Это правда. Он рассказывал о том, как мама поразила его за секунду. Ты говоришь в точности как он.

Я помахал рукой.

— Убирайся из моего офиса.

Ее смех дрейфовал по коридору.

Она была права. Как бы то ни было, Эйвери сразила меня. Меня потрясло то, что я уже испытывал к ней, и насколько хорошо она вписывалась в мою жизнь. Знание, что она была там, пока я был в клинике, заставило меня стремиться поскорее закончить работу. Обычно я никогда не спешил уходить, но теперь не мог дождаться завершения дня, чтобы иметь возможность провести с ней больше времени. Предлог помочь ей найти носки был всем, что мне нужно, чтобы поторопиться и увидеть ее. Было трудно оставить ее, хотя я знал, что меня ждут обязанности. Мне пришлось напомнить себе, что я увижу ее через пару часов.

Казалось, эти часы тянутся вечность.

Мысли о ней всплывали в моей голове между пациентами, и не раз Кейтлин пришлось повторять свои слова, когда мы разговаривали. Она смеялась и дразнила меня из-за необычного отсутствия концентрации. Потом составила список подарков, которые я должен купить ей, чтобы сказать спасибо. Я взъерошил ее волосы, когда проходил мимо, и бросил листок в мусорную корзину, чтобы позлить ее, и она взвизгнула, хлопнув меня по руке. Она ненавидела, когда ее волосы были растрепаны. Я чувствовал, что имею право сводить ее с ума, как ее брат, даже если в данном случае она попала в самую точку. Позже этот список появился на моем столе, и я сунул его в ящик. Она действительно заслужила. Возможно, я попрошу Эйвери помочь мне выбрать для нее сюрприз.

Даже мои клиенты заметили мое настроение, одна пожилая женщина сказала, что у меня «то самое» выражение лица. Я засмеялся вместе с ней, не комментируя это, так как не знал, что сказать. Это была загадка, но мне нравилось это чувство. Конечно, Эйвери породила что-то во мне, и наша связь была сильной, даже если она была еще новой.

Увидев ее на моей кухне вчера вечером, я почувствовал себя по-настоящему дома. Просыпаться с ней утром было так естественно — ее распущенные волосы, свободно струящиеся по подушке, ее рука, сжимающая мою футболку.

Все в ней было подарком. Ее милая улыбка, выразительные глаза и застенчивое поведение были восхитительными, но ее душа — открытая и щедрая — была поистине удивительной. Наблюдая, как эмоции мелькают в ее глазах, когда она рассказывала о своей бабушке, или как грустно ей было, когда она говорила, как скучает по родителям, мне хотелось стереть ее боль. Я слушал ее смех, когда она больше рассказывала о бабушке и подростковом возрасте — я знал, какие глубокие чувства Эйвери испытывала к людям в ее жизни. Я также знал, что хотел быть одним из тех людей.

Я был благодарен, что мне посчастливилось познакомиться с ней. Теперь я хотел быть человеком, в котором бы она нуждалась, к кому она могла обратиться и кто всегда будет любить и заботиться о ней. Я хотел быть ее. Как только все произошло, я был уверен в этом. Это было то же самое, как я знал, что хотел сделать со своей жизнью несколько лет назад — уверенность, непоколебимая убежденность. Мы принадлежали друг другу.

Осторожно, чтобы не разбудить, я поцеловал ее в лоб и выскользнул из постели, чтобы подготовиться к этому дню. Я бы очень хотел остаться с ней, но знал, что если сделаю это, то не смогу противостоять ее телу рядом со мной, теплоте и сонному.

Мой член был твердый и изнывающий для нее, но я знал, что она не готова к такому серьезному шагу. Я был согласен двигаться в том темпе, который она установит. Пока она была рядом со мной, это все, что имело значение.

Я еще раз оглянулся, прежде чем вышел из комнаты, чтобы спуститься вниз и заняться спортом. Она была такой маленькой под моим одеялом.

Мой маленький Спрайт.

Я ухмыльнулся, спускаясь по лестнице.

Да.

Моя.

Когда я вышел из душа, кровать была заправлена, и она ушла. Я надел джинсы и побежал по коридору, расслабившись, когда почувствовал запах кофе.

Я облокотился на дверной косяк, наблюдая за утренней Эйвери. Она стояла, скрестив ноги, пальцами барабанила по столешнице, наблюдая, как кофе капает в стеклянный контейнер. Я в развлечении покачал головой на ее нетерпение. Она рассказала мне о своем пристрастии к кофеину и любви к кофе. Она все еще была в моих носках и в старой отцовской футболке с большими буквами СПЕНСЕР на спине, которую я дал ей одеть прошлой ночью. Футболка была изношенная и тонкая, но мне нравилось видеть Эйвери в ней. Она выглядела очаровательно и очень сексуально. И мне очень понравилось мое имя на ней. Член слегка дернулся в штанах в знак согласия.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я прочистил горло, и она повернулась, искренняя улыбка осветила ее лицо. Я подавился воздухом. Если я думал, что она выглядела хорошо прошлым вечером, сегодня утром она была прекрасна в моей кухне. Ее волосы были длинные и растрепанные, словно вспышка солнечного света на ее плечах. Глаза были сонными, но излучали такое тепло, мою грудь сдавило.

— Привет, — она выглядела настороженно. — Я, эмм, приготовила кофе. Надеюсь, это нормально.

— Более чем нормально.

— Я проснулась, а тебя не было. Подумала, что ты пошел в клинику, но Люси все еще была здесь, поэтому я предположила, что ты тоже.

— Я был внизу. У меня есть небольшой тренажерный зал, где я занимаюсь каждое утро, — с хитрой усмешкой я размял руки. — Я много поднимаю на работе. Нужно поддерживать свою силу.

Ее открытый и откровенный взгляд бродил по моему торсу.

Я встретил ее взгляд.

— Это работает, — похвалила она. — Что бы ты ни делал. Так держать.

Я почти сказал ей, что у меня нет проблем поддерживать это для нее, но потом решил — действие было лучше.

Я прошагал через всю кухню и через две секунды подтянул ее на столешницу.

Она издала слабый писк, когда ее ноги коснулись холодного камня, но писк превратился в хныканье, когда я прижал ее к себе и поцеловал. Долго, медленно и глубоко, мой язык исследовал ее рот, и я потерял себя в ощущении ее, прижатой ко мне.

— Ты выглядишь так прекрасно прямо здесь, Эйвери, — я снова поцеловал ее. — На моей кухне. — Поцелуй. — В моей одежде. — Поцелуй. — Я хочу видеть это каждое утро. — Поцелуй. — Каждое. — Поцелуй. — Утро. — Поцелуй.

Она прижала меня ближе, обвивая руками мою шею.

— Это кажется правильным, Даниэль.

Мне понравилось начинать свое утро таким образом.

— Что в контейнере?

— О, я сделала тебе обед. Это просто остатки спагетти. Я не знала, возьмешь ли ты его с собой или вернешься домой... Так что да, я, ах, в общем, он готов.

— Спасибо. Я заберу его с собой. Сегодня еще один напряженный день.

— Хорошо, — она сделала глоток кофе. — Там еще осталось на ужин для тебя сегодня.

— Отлично. Подожди... Разве ты не ужинаешь со мной сегодня вечером? — я нахмурился. — Я вчера застолбил все дни. — И тогда мысль ударила меня, и я уставился на нее, мой желудок сжался. — Разве только у тебя уже есть планы?

— Нет! Я, умм, просто не хотела ничего предполагать. Я не хочу, чтобы ты думал, что должен...

Я протянул руку, вытянув чашку кофе из ее рук, и наклонился, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Забиваю. Сегодня, завтра, выходные. В любое время, когда ты сможешь, я хочу. Пока это то, что ты хочешь, я тоже. Поняла?

— В самом деле?

— О, Эйвери, — я ухмыльнулся и провел пальцами по ее спутанным волосам. — Я даже не знаю, как отпущу тебя сегодня утром. Жалко, что ты не лесной Спрайт. — Я поцеловал ее в кончик носа. — Тогда я мог бы положить тебя в карман и быть с тобой целый день. — Я злобно хмыкнул. — Бог знает, какой хаос ты бы посеяла, находясь в моем кармане. Я мог бы напугать людей.

— Как ты это делаешь? — прошептала она с широко распахнутыми глазами.

— Что делаю?

— Заставляешь меня чувствовать себя такой... желанной.

Я завернул ее в свои объятия.

— Ты желанна. Очень сильно.

Эйвери

Я была в оцепенении все утро. Мне не раз пришлось перепроверять цифры в отчетах, над которыми я работала, и дважды на нашей утренней планерке мои мысли блуждали.

Все, о чем я могла думать, был Даниэль. Его ласковый взгляд, как он ухаживал за Люси, как он обращался со мной весь вечер, как будто я была особенной. Я не привыкла так себя чувствовать, но мне это безумно нравилось.

Еще одна вещь, о которой я не могла перестать думать — его рот.

Его талантливый, греховный, сексуальный рот.

Мягкие, пухлые, сочные губы, которые дразнили и улыбались. Смеялись и морщились. Бормотали ругательства, а потом напевали сладкие ласки на ухо.

И когда они касались моих...

Мои щеки покраснели, когда я, сидя за своим столом, подумала о прощальном поцелуе, который он подарил мне, прежде чем скрылся за углом своей клиники. Он оставил меня задыхающимся беспорядком, пока я стояла, безвольно облокотившись о свою машину. Я смотрела ему вслед, Люси шла рядом с ним, она быстро поправлялась и была в состоянии пройти короткое расстояние. Он остановился, чтобы бросить еще один воздушный поцелуй в мою сторону, который я якобы поймала, все время хихикая. Мы были тошнотворно сладкими, но ни один из нас не хотел останавливать это.

Я была поражена тем, как он заставил меня думать о себе. Впервые в жизни я почувствовала себя красивой. Для него я не была необычной или сбивающей с толку.

Серьезные слова Даниэля, его пристальный взгляд и то, как его сильное тело реагировало на меня. Он хотел меня — так же, как и я. Это было пьянящее чувство.

Я не уверена, что произойдет сегодня вечером, когда не будет Люси, чтобы отвлечь нас. Наверное, хорошо, что мы шли на ужин.

— Эйвери?

Я посмотрела на Дениз, ухмыляющуюся мне с порога.

— Хей.

— Доставка для тебя.

— О, ладно. Это, наверное, файл Симпсона. Они сказали, что пошлют его сегодня утром.

Она покачала головой, ее ухмылка стала шире.

— Я так не думаю.

Озадаченная, я пошла на стойку регистрации и ахнула от восторга. Меня ожидал прекрасный букет цветов. Не было никаких сомнений о том, кто послал их — все мои любимые были там. Это был один из давай-узнаем-друг-друга вопросов Даниэля.

Розы, лилии, гвоздики, фрезии, альстромерии занимали огромную вазу, их благоухание наполняло комнату. Розовый, желтый, фиолетовый, белый и красный цвета заполняли сосуд — взрыв цвета для моих глаз.

Я отнесла тяжелую вазу в мой небольшой кабинет, улыбаясь тому, что она заняла большую часть крошечного пространства. Я вытащила карточку из конверта, и мои глаза наполнились слезами, когда я прочитала слова.

Один поцелуй изменил мою жизнь.

Бронирую все остальное твое время.

— Даниэль

Он снова оставил меня бездыханной. Он был замечательным человеком.

Я набрала его номер, нервно кусая губы, особенно когда он ответил в профессиональном режиме.

— Доктор Спенсер.

— Привет, Даниэль.

Его голос мгновенно потеплел.

— Спрайт.

— Я не хотела мешать. Просто хотела поблагодарить тебя за цветы. Они такие красивые.

— Не настолько красивые, как ты.

— Я...

Он засмеялся.

— Люблю лишать тебя дара речи. Хотя предпочитаю использовать свой рот для этого, а не слова, — он понизил голос, который теперь стал грубым и хриплым. — Я люблю чувствовать твои вкусные губки под моими.

— Даниэль, — прошептала я его имя, желание пронзило меня.

— Эйвери?

— Ты должен остановиться. Я... я на работе.

— И я тоже.

— У тебя большой офис. С дверью, которую можно закрыть. Прекрати.

— У тебя нет двери?

Я засмеялась.

— Ну, есть конструкция, но фактически дверь не закрывается. У нас небольшая площадь, стены даже не доходят до потолка. Типа открытой планировки.

— Хм, хорошо, тогда я не приду к тебе в гости. Совершенно недостаточно.

— Недостаточно?

— Я не могу поцеловать тебя, если не смогу закрыть дверь, Эйвери. Не так, как мне нравится.

— Ох. О-о.

Он промурлыкал в знак согласия.

— Да. Именно так.

— Даниэль... — предупредила я.

— Остановись сейчас, — пропел он, все еще посмеиваясь.

— Дразнилка.

— Я люблю тебя дразнить. Послушай, я хотел спросить... Я знаю, что сегодня вечером собирается дождь, но слышал, что завтра должно быть жарко. Ты хотела бы покататься со мной на лошадях?

— Ты уверен, что не хочешь подождать и увидеть, как свидание пройдет сегодня вечером?

— Нет необходимости. Я уже знаю, что это будет потрясающе. Я просто проявляю инициативу.

— Хорошо. Но я не умею ездить.

— Я покажу тебе. Обещаю.

— У тебя есть, хм, маленькие лошадки?

— Для тебя я выберу самую низкую.

Я подняла глаза и увидела своего босса в дверях.

— Хорошо. Но мне надо идти.

— Все в порядке. Шесть сорок одна, Спрайт. Будь готова.

Я засмеялась. Его на четыре-минуты-короче-путь.

— Увидимся.

После ухода моего начальника я взяла свой телефон и отправила Даниэлю сообщение.

Хочешь, я организую пикник на завтра? Я подумала, мы могли бы пообедать на солнышке?

Через полчаса, когда я была на собрании, пришел его ответ.

Я люблю тебя

Я чуть не проглотила свой язык.

Даниэль

День проходил отлично. Эйвери понравились цветы. Я увижу ее сегодня вечером на нашем свидании и отвезу в мой любимый ресторан.

Кроме того, она согласилась покататься со мной на лошадях. Она, казалось, нервничала по этому поводу, поэтому у меня было чувство, что моя идея прокатиться с ней на одной лошади понравится ей. Я смогу держать ее крепко. Это меня радовало.

Ее сообщение сделало меня счастливым. Обед на солнышке с Эйвери. Пикник. Е котором обычно участвует одеяло. Эйвери, лежащая на одеяле под солнцем. Я рядом с ней. Близко.

Да, это была отличная идея.

Я быстро отправил ей подтверждение.

Кейтлин позвала меня, и я нажал «отправить», а затем вышел, чтобы посмотреть, в чем дело. После оказания Кейтлин помощи с доставкой, я вернулся в свой кабинет, удивленный тем, что не нашел ответа на мое сообщение.

Прокрутив вверх, я чуть не подавился. Мое сообщение, которое должно было звучать, как «мне нравится идея с пикником» (п.п. — I love your idea of a picnic) было обрезано. Весь текст гласил:

Я люблю тебя

Я послал Эйвери сообщение о том, что люблю ее, через день после того, как мы познакомились. Я тихо выругался, уставившись на экран.

Что она подумает обо мне?

И почему мысль сказать, что я люблю ее, больше не беспокоила меня?

Я уронил голову на руки. Из-за отсутствия ответа она, без сомнения, думала, что я какой-то неудачник, который ходит вокруг, рассказывая о своей любви к женщинам, с которыми познакомился только накануне.

Которым я не был. До Эйвери.

Кейтлин вошла в мой кабинет.

— Даниэль, что ты хочешь... — ее голос затих, когда она взглянула на мое обезумевшее лицо. — Что случилось?

Молча я протянул ей свой телефон. На мгновение наступила тишина.

— Ты отправил это Эйвери?

— Да.

— Ты имел это в виду? Или это работа твоего подсознания?

— Что? Нет! Я хотел сказать, что мне нравится ее идея! Ты позвала меня, и я нажал «отправить» слишком быстро!

Она усмехнулась.

— И она не ответила?

— Нет. Она, несомненно, слишком занята, меняя номер и бронируя фургон, чтобы сбежать от моей нетерпеливой нуждающейся задницы.

— Не будь такой королевой драмы. Позвони ей и объясни. Я уверена, она посмеется над этим.

Кейтлин была права. В смс все время случаются ошибки. Я был уверен, что Эйвери знала об этом.

Это было лишь ошибкой. Я не то имел в виду.

Я был уверен в этом.

— Убирайся, сестра моя.

Все еще смеясь, она ушла, помахав через плечо.

Нерешительно я набрал номер Эйвери. Она ответила тихим голосом.

— Хей, Спрайт. Я, мм, да, иногда я идиот, ладно?

— Что?

— Я написал тебе раньше и в спешке нажал «отправить». Я хотел сказать — я люблю твою идею, — я подчеркнул слова. — Не тебя. Но Кейтлин позвала меня помочь ей, я торопился, поэтому не посмотрел, прежде чем отправить. Итак, ты получила сообщение, которое, без сомнения, заставило тебя задуматься обо мне, и... да. Как я уже сказал — я идиот.

— О. Так ты не это имел в виду?

Я посмотрел на свой телефон. Она хотела, чтобы я это имел в виду?

— Ум.

— Все в порядке, Даниэль. Я уверена, что смогу вернуть депозит.

— Депозит?

— На церковь. К счастью, я не успела выбрать меню для приема. Тогда деньги было бы трудно вернуть.

Тишина. В телефоне была полнейшая тишина. Похоже, мой голос пропал. Я прочистил горло.

— Хм, Эйвери?

— Да?

— Ты... издеваешься, да?

Она мило захихикала.

Я с облегчением выдохнул.

— Супер. И ты еще называешь меня дразнилкой.

— Я сожалею.

— Я не думаю, что это так, — я понизил голос. — Думаю, я должен заставить тебя заплатить за эту выходку.

— Что ты собираешься сделать?

Я усмехнулся в трубку.

— Готовься.

— Ты первый начал.

— Я и закончу. Сегодня вечером. Шесть сорок одна.

Она засмеялась, и я повесил трубку.

Я пришел рано, но она была готова.

Одета в другую красивую юбку, с распущенными волосами; я хотел запрыгнуть на нее, как только она открыла дверь.

Я так и сделал.

Ее рот был идеальным, двигаясь в унисон с моим. Прижатые к ближайшей стене, ее изгибы облепили мое тело, когда она завернулась вокруг меня. Приглушенные стоны и всхлипывания смешались с тихими приветствиями и низким стоном, когда мои руки исследовали ее тело, выгибающееся под моими прикосновениями. Мой член изнывал от желания похоронить себя в тепле, которое было так близко — ее жар опалял через тонкий материал, разделяющий нас. Наконец, тяжело дыша, я с сожалением отстранился, опустив голову на ее плечо.

— Черт возьми... что ты делаешь со мной, — застонал я в ее кожу, кружа языком по шее. — Ты сводишь меня с ума. — Я втянул ее мочку в рот, прикусывая зубами, отчего она всхлипнула. — Я хочу тебя.

Она зарылась пальцами в мои волосы, потянув их, чтобы привлечь мое лицо к своему.

— Я тоже, — прошептала она, наши взгляды встретились. — Так сильно, что это пугает меня.

Эти слова остановили меня. Я отстранился, осторожно поставив ее на пол. Обхватив ее лицо, я поцеловал ее с таким обожанием, как только мог.

— Я не хочу, чтобы ты боялась. Я действую слишком напористо, не так ли? —

пробормотал я в ее губы.

— Нет, — настаивала она. — Не ты пугаешь меня. Я боюсь своих чувств к тебе, — она глубоко вдохнула. — Я боюсь того, как сильно мне понравилось твое сообщение. Хотя я предполагала, что оно было отправлено по ошибке, мне все равно понравилось.

Я скользнул пальцами в ее густые волосы, лаская затылок.

— Кейтлин думает, что я послал его подсознательно. Потому что я хотел, чтобы ты знала.

— Зна-знала что?

— Что я чувствую... что-то. Чего я никогда не чувствовал ни с кем. Я не готов использовать слово "любовь", но оно сильное. Оно реальное.

— Это не...

— Что?

— Не просто вожделение?

Я засмеялся.

— Ну, вожделение, без сомнения, есть. Но это нечто большее, — я оставил легкий поцелуй на ее губах. — Когда ты будешь готова, мы исследуем это вместе. До тех пор я буду рад познакомиться с тобой на каждом уровне.

— Ты ведь не прекратишь поцелуи, верно?

Я прижал ее к своей груди.

— Никогда, — я поднес ее руку к своему рту и поцеловал костяшки, затем осмотрел пальцы, которые повредил днем ранее. — Как они себя чувствуют?

Она с ухмылкой пошевелила пальцами.

— Гораздо лучше. Я продолжаю охлаждать их.

— Хорошо. Я все еще чувствую вину, что причинил тебе боль.

Она пожала плечами.

— Это был несчастный случай. Ты более чем компенсировал это.

Я оставил еще один поцелуй на ее коже.

— Хорошо. Я буду продолжать.

— Мы сошли с ума? Я имею в виду, сорок восемь часов назад я беспокоилась о поцелуе с незнакомцем, а теперь...

— Теперь мы больше не чужие, — улыбаясь, я ласково потерся кончиком носа об ее. — Это делает нас сумасшедшими? — я пожал плечами. — Может быть, но мне это нравится.

— Мне тоже.

— Хорошо, — я снова прижал ее ближе, наши рты едва касались. — А теперь о поцелуях...

Даниэль

— Да ладно, Спрайт. Ты в полной безопасности.

Она покачала головой, Даниэль. Это просто одеяло.

Я тихо засмеялся, поглаживая шею Дзена.

— Он привык, что я не использую седло. Это самый лучший способ... езды, — я подмигнул и протянул руку. — Держись, и я подниму тебя. Либо так, либо я оседлаю тебе собственную лошадь.

Я бы так и сделал. Как и подозревал, она слишком нервничала рядом с крупным животным, чтобы сидеть на нем самой. С выражением решимости она протянула руки, и я легко поднял ее и усадил перед собой. Дзен повел ушами, но в остальном просто стоял,

терпеливо ожидая мою команду. Эйвери судорожно вздохнула, и я наклонился вперед, пробегаясь губами вверх и вниз по ее шее, языком пробуя ее вкус. Сладкий, слегка солоноватый и просто Эйвери.

— Ты действительно думаешь, что я позволю чему-нибудь случиться с тобой? Дзен — нежный великан, — я пощипывал мочку ее уха, улыбаясь ее дрожи. — Как и я. — Я схватил корзинку, которую она собрала для пикника, с верхней части забора. — Итак, ты готова? Мы начнем медленно.

Она сделала глубокий вдох и шумно выдохнула.

— Да.

Я легко прищпорил коня, и мы двинулись. Было забавно слушать ее тихие визги восторга, смешанные с ужасом. Я крепче прижал ее к себе, когда мы пустились трусцой, ее руки накрыли мои, державшие поводья.

— Я держу тебя.

Она повернула голову, улыбаясь мне. Я поцеловал ее, когда мы сорвались галопом.

Еще один визг сорвался с ее губ, и она прижалась ко мне.

Пока что мне нравились уроки верховой езды без седла.

Очень сильно.

Солнце согревало мое лицо, пока я лежал на одеяле, дожевывая яблоко; вкусный пикник, который Эйвери принесла с собой, был съеден. Листья над головой пробуждались к жизни, высокая трава колосилась, и повсюду цвели полевые цветы. Ночью прошел дождь, поэтому воздух был свежим и ароматным.

Я наблюдал за Эйвери, которая бродила вокруг, собирая листья и камни, внимательно их осматривая. Счастливая улыбка вспыхнула на ее лице, когда она обнаружила то, что ей понравилось, и странный камень исчез в ее кармане. Мне нравилось смотреть, как она восхищается простейшими вещами вокруг нее, и я с нетерпением ждал, чтобы порадовать ее и заставить чувствовать себя таким образом как можно чаще. У меня было ощущение, что она никогда не была слишком избалована, и я буду наслаждаться, радуя ее.

Солнце отражалось в ее волосах, превращая светлый цвет в серебристо-белый вокруг ее лица. Она сбросила клетчатую рубашку, подставляя свои голые бледные руки солнечному свету.

Я рассмеялся, когда она вышла из машины, у нас был соответствующий наряд — джинсы, белые футболки и клетчатые рубашки. И все же она выглядела гораздо сексуальнее в своем. Почему-то вид ее в джинсах и простой футболке был даже более привлекательным, чем в красивой юбке. Джинсы облевали бедра, и я мог видеть маленький кусочек кожи на спине за поясом у нее каждый раз, когда она наклонялась. Да, мне нравились джинсы все больше и больше. Я хотел пробежаться пальцами по гладкой коже. А потом исследовать языком. Я хотел попробовать ее — везде.

Самым удивительным был тот факт, что она понятия не имела, насколько сексуальна. Это была бесхитростная, непринужденная сексуальность, которая сводила меня с ума. Я знал, что она сравнила себя с Бэт, ее ростом и общим видом, но для меня не было никакого сравнения. Мягкие изгибы Эйвери и крошечный рост подходили мне таким образом, которым Бэт не могла — или любая другая женщина. Эйвери была создана для меня. Ее тело безупречно вписывалось, когда я держал ее в своих руках. Ее рука уютно располагалась в моей. Ее сладкие губы были сформированы только для моего рта. Она была создана для

меня.

Я подавил смех, когда она с опаской подошла к Дзену, протягивая свою крошечную дрожащую руку, чтобы предложить ему последнее яблоко. Мой любимый конь — всегда ласковый — уткнулся носом ей в ладонь, прежде чем принять предложенное угощение. Поднявшись на цыпочки, Эйвери погладила его нос, хихикая над его довольным фырканьем.

Еще один мужчина, которому понравилась ее забота, что едва ли удивляло меня, хотя я подозревал, что она не знает об этом.

Эйвери была потрясающая. Ужин и весь прошлый вечер были слишком короткими. Время пролетело, пока мы разговаривали и ели, редко расцепляя руки. Столик был приватный и уединенный; наша официантка улыбнулась в понимании, когда мы сели на одну сторону, чтобы быть близко друг к другу. Всё с Эйвери было настолько естественно: обмениваться кусочками нашего ужина, делиться десертом, пить вино и смеяться. Казалось, будто мы делаем это уже много лет, а не часов.

— Дай мне три, — улыбнулся я.

— Что такое с тобой и тройками?

Я откусил кусочек от булочки, пережевывая, пока размышлял об этом.

— Когда я был моложе и расстраивался из-за проекта или чего-то еще, отец советовал мне перестать думать обо всей картине. Разбить ее так, как они делали в футбольной практике. Так я обнаружил, что если я разбиваю проблему на мелкие куски, вещи не переполняют меня так сильно.

— И три работало для тебя?

— Да. Я выбирал три вещи, на которых мне нужно было сосредоточиться, и работал с ними. Потом следующие три, и так далее. Я также использую это в своей практике. Люди приходят, и они расстроены или у них слишком много информации, поэтому я спрашиваю их о трех самых важных вещах, которые они должны сказать мне, и мы идем дальше.

Ее глаза были обеспокоенными.

— Я подавляю тебя, Даниэль?

Я наклонился и коснулся ее губ.

— Только самым лучшим образом. Но я люблю узнавать немного фактов о тебе.

Она расслабилась и взяла вино.

— Я встретила Бет в мой первый день в университете. Она завернула за угол и налетела прямо на меня. Затем поднялась, обругала меня за то, что не смотрю, куда иду, и помогла мне встать.

— Но это она столкнулась с тобой.

— Я знаю. Я сказала ей об этом, добавив в голос столько злости, сколько смогла, и она начала смеяться. Потом она затащила меня на чашечку кофе, чтобы извиниться, и с тех пор мы дружим.

— Я познакомился со своим лучшим другом в университете. Ной Кук. Он гений и многого добился в сфере маркетинга в Торонто.

— Вы все еще близки?

Я вздохнул.

— Мы как бы отдалились друг от друга. У него были трудные времена, и я связался с ним. Мы снова общаемся. Он бросил маркетинг и сейчас занимается семейным бизнесом. Я познакомлю тебя с ним в ближайшее время. У них в Онтарио есть магазин органических продуктов и собственная винодельня. Ты могла бы покупать там продукты и готовить для

меня.

Она закатила глаза.

— Второе.

— Я пристрастилась к мятным леденцам.

— Это я уже знал. Я не уверен, что зависимость-это правильное слово. Не знаю, есть ли такое слово, способное описать твоё отношение к мятным конфетам.

— У моей бабушки всегда были полные карманы леденцов. Папа всегда покупал их для неё. Думаю, что продолжаю эту традицию. После её смерти он начал покупать их для меня.

— И теперь у тебя их полные карманы?

Она покраснела.

— И моя сумка. Я держу вазочки с ними на рабочем столе и дома тоже, — призналась она. — Это моя слабость.

Я помедлил, затем сказал то, что было у меня на уме.

— Ты также можешь использовать их, чтобы скрыть нервозность. Ты не можешь говорить с полным ртом конфет.

Она проследила край своей тарелки, не встречаясь со мной взглядом.

— Да, наверное.

— Я не осуждаю, — заверил я её. — Это просто наблюдение. Мы все делаем определенные вещи, когда нервничаем.

— Что делаешь ты?

— Я тяну себя за волосы, и мои руки потеют, — я подмигнул. — Если все действительно плохо, я беру красивых девушек с серебристо-зелеными глазами и безумно целую их.

Она хихикнула и фыркнула одновременно, подняла свой бокал, сделав глоток.

Чтобы успокоить, я поцеловал её в лоб.

— Полагаю, раз твой отец далеко, я должен принять меры по пополнению твоих запасов.

Она выглядела довольной.

— Ещё один.

Она нахмурила брови.

— Ненавижу клоунов.

Я подавил улыбку.

— Какая-то особая причина?

— Я никогда не была их большой поклонницей. Всегда находила их пугающими. Но папа взял меня в цирк, когда я была маленькой, и как-то я заблудилась.

— Ох.

— Я бродила вокруг и оказалась в палатке клоунов.

Я чувствовал, как она напрягается, рассказывая историю. Я обнял её за плечи, потирая круги на шелковистой коже.

— Что случилось?

— Все они были на разных стадиях готовности к шоу. Все это было слишком для меня. Грим, парики, костюмы — некоторые с наполовину разрисованными лицами, — она вздрогнула. — Они пытались быть полезными, но некоторые были просто слишком близко и слишком старались. Смеялись, дразнили, делали животных из воздушных шаров и

вытаскивали различные вещи из карманов, чтобы развлечь меня. Они пугали маленькую девочку, — сообщила она мне серьезно и добавила, — и шумели. Тьфу. Страшные, ужасные маленькие засранцы.

Я посмотрел в сторону, стараясь не смеяться; ведь я знал, что это было болезненное воспоминание для нее. Я прочистил горло.

— Но они нашли твоего отца?

— Да.

— И ты не смогла с этим справиться.

— Нет, — она покачала головой, раскусив меня. — Ты можешь смеяться. Я знаю, что это смешно.

Я засмеялся.

— Прости.

— Я волновалась в тот день, когда мы познакомились... об этом.

— О чем?

— Что возможно ты держал в шкафу клоуна или еще что-нибудь.

На этот раз я не смог себя остановить. Я начал смеяться, моя грудь болела от сдерживаемого звука. Мне понравилось, как работает ее ум.

Она засмеялась со мной, закатив глаза на собственную глупость.

Я жестко ее поцеловал.

— Я гарантирую тебе — никаких клоунов в шкафу. Я сам не слишком люблю их, так что ты в безопасности.

— Приятно знать.

— Обещаю держать бродячих клоунов подальше от тебя, Спрайт, и никогда не возьму тебя в цирк, — я опустил голову, встретившись с ней взглядом. — И на будущее, у нас не будет никаких страшных засранцев на днях рождения наших детей, ладно?

На мое замечание ее рот образовал удивленное О, но я заработал еще один поцелуй.

Официантка появилась с едой, поставив тарелки перед нами.

Эйвери горячо поблагодарила ее и ласково улыбнулась, попросив еще воды.

После того, как официантка ушла, я взял вилку.

— Ты очень любезна.

— Прости?

— Ну, в общем, но с обслуживающим персоналом в особенности.

Она поболтала с хозяйкой, поблагодарила официантку за вино, была очень дружелюбна со всеми сотрудниками в ресторане. Я находил это милым.

— Мои родители прививали мне хорошие манеры и вежливость с юных лет. Они чувствовали, что все заслуживают приятную улыбку или доброе слово. Бабушка обычно говорила мне, что ты никогда не знаешь, что переживает другой человек, и иногда улыбка может скрасить их день.

Я уставился на нее, мое уважение к ней еще больше возросло. Я полностью согласился с ней и восхищался ею за это качество.

— Я работала официанткой в местном кафе, когда была подростком, — добавила она. — Я знаю, насколько эта работа тяжелая, и люди должны уважать их за их усилия.

— Тебе понравилось?

Она сморщила нос.

— Слишком сильно сказано. В маленьком городке, где я жила, не было избытка рабочих

мест. Я работала няней, когда была моложе, но мне нужны были деньги на учебу, поэтому я воспользовалась шансом. Во время учебного года я работала по выходным, а летом взяла больше смен. Это послужило своей цели, но также дало мне здоровое уважение к людям, которые делают это в качестве карьеры.

— Твои родители не платили за учебу?

— Они внесли свой вклад, но я хотела сама заплатить столько, сколько могла. Это было важно для меня.

Я кивнул в знак понимания. Я чувствовал то же самое, когда учился, поэтому ее заявление меня не удивило. Я знал, что она была независимой и упрямой. Мне нравились обе эти черты.

С каждой чертой, которую в ней обнаруживал, с каждой рассказанной мне историей я понимал, что сильнее влюбляюсь. Я любил узнавать все, что делало Эйвери такой особенной. Ее нежный голос был как бальзам на мою душу. Ее тихий смех делал меня счастливым, и когда я заставлял ее громко смеяться над некоторыми своими комментариями, звук был таким заразным, что я не мог сдержать свой смех.

После ужина мы гуляли вдоль реки, почти не разговаривая, но тишина была комфортной. Она легко взяла меня под локоть, как будто это место принадлежало ей.

Я с любовью смотрел на нее, когда она сунула деньги в руку бездомного, останавливаясь ненадолго, чтобы поговорить с ним. Моя любовь выросла, когда она потащила меня в кондитерскую и купила печенье и хлеба, чтобы поделиться с ее пожилыми соседями. На обратном пути она остановилась, чтобы дать немного тому же бездомному, который благодарил ее со слезами на глазах. Я притянул Эйвери ближе, целуя в голову в молчаливом одобрении, поражаясь ее доброте. Она, очевидно, была заботливой и любила одаривать вниманием людей — даже тех, кого не знала. Ее сострадательное сердце переполняла любовь.

Она заботилась о других, и сейчас я решил, что пора кому-то позаботиться о ней.

И этим кем-то был я.

Оставить ее у двери ее квартиры было трудно; мне потребовалась вся моя сдержанность, чтобы не умолять ее собрать сумку и провести все выходные со мной. В очередной раз наши поцелуи стали глубокими и безумными. Казалось, каждый раз, когда Эйвери была в моих руках, и рядом были стена или дверь, все заканчивалось тем, что она была зажата между мной и поверхностью. Я сказал ей, что у меня нет выбора, кроме как поднимать ее во время поцелуя, иначе моя шея станет жесткой. Она засмеялась, выгибаясь мне навстречу, и ответила, что иметь дело с одной жесткой частью моего тела было достаточно. Я чуть не уронил ее, смеясь от души, но мне удалось удержать ее и еще раз поцеловать.

Ночь казалась бесконечной без нее в моей постели. Как одна ночь, которую она провела рядом со мной, могла изменить мой сон, я понятия не имел, но без нее мне было беспокойно. Подушка, на которой она спала, пахла Эйвери — медом и цветами. Я обнял подушку и притворился, что это Эйвери, только так смог заснуть. Я знал, что окончательно и бесповоротно пропал.

Я нарезал круги по подъездной дорожке, когда она приехала. Эйвери едва успела выключить двигатель, я уже вытащил ее из машины, подняв и пинком закрыв дверь, прижал к автомобилю, стремясь почувствовать ее губы под моими. Мы оба застонали, когда наши рты слились воедино, чувство завершенности накрыло меня. По милой улыбке на лице

Эйвери я знал, что она тоже это почувствовала.

Она была особенно очаровательна в конюшне. Когда я показывал ей все вокруг, она нервничала и, стараясь не показывать этого, тихо следовала за мной подальше от любых лошадей, кроме трех маленьких пони, которые на данный момент находились под моей опекой. К ним она потянулась, чтобы погладить и приласкать своими нежными руками. Я познакомил ее с Голди, самой доброй лошадью в конюшне, и предложил оседлать ее, она занервничала еще больше, скручивая свои пальцы и дергая рукава рубашки. Однако мое предложение прокатиться вдвоем она встретила с гораздо большим энтузиазмом.

Теперь, глядя на то, как она взаимодействует с Дзеном, у меня было ощущение, что в скором времени я посажу Эйвери в седло, и она сама поскачет верхом. Я надеялся на это, во всяком случае. Я любил кататься и хотел поделиться этим с ней.

Я хотел поделиться с ней всем.

Когда она посмотрела в мою сторону, я сел, прислонившись к дереву, и похлопал по земле между моих ног. Она ушла от меня слишком давно. Я стянул рубашку и подложил под спину, чтобы смягчить грубость коры дерева. Как только Эйвери устроилась у меня на груди, я обнял ее, крепко прижимая к себе.

Мы молчали, наслаждаясь близостью друг друга.

Я закрыл глаза и расслабился, положив подбородок на макушку Эйвери, ощущая биение ее сердца под моей рукой, и иногда зарывался носом в ее макушку.

Она лениво погладила пальцами мою руку.

— У тебя есть татуировки.

— У меня их две.

— Ты расскажешь мне о них?

— Эту... — я похлопал по руке, — я сделал, когда официально стал ветеринаром.

Она повернулась, изучая дизайн, и пробежала пальцами по изображению.

— Это очень круто.

— Мне она нравится. Друг разработал для меня дизайн, — объяснил я. — На ней изображены все мои любимые животные.

— Лошади, собаки и кошки?

Я прикоснулся к одному из маленьких изображений.

— Слоны тоже. Я думаю, они удивительные животные.

Она посмотрела на меня с озорной улыбкой.

— Это разрешено? Ветеринары могут иметь любимчиков?

— Я не позволяю птицам и хорькам видеть ее. Они могут расстроиться.

Она рассмеялась, все еще прослеживая чернила.

— У тебя большие руки. Сильные, — добавила она шепотом.

— Я поднимаю тяжести на работе. Мне нужна сила, чтобы работать с большими животными.

— Да, я, ах, заметила твою массивную грудь.

С низким рычанием я наклонился и прикусил ее за шею.

— Это не единственная массивная часть тела у меня, Спрайт.

С легким вздохом она поерзала в моих руках и отвернулась.

Смеясь, я прижал ее ближе и прикоснулся губами к ее уху.

— Я думаю, ты будешь приятно удивлена.

— Не сильно удивлена, — пробормотала она. — Я чувствовала, эмм, насколько хорошо

ты упакован, несколько раз.

Хорошо упакован.

Моя грудь затряслась от смеха. Она была смешная.

— Где твоя другая татуировка?

Я, ухмыляясь, покачал головой.

— Тебе придется самой найти ее.

— Ах, загадка.

— Думаю, это как карта сокровищ, — я опустил голову, понизив голос. — И в конце тебя ожидает приз, Эйвери.

Она крепко сжала мою руку.

— Место отмечено крестиком?

— О, я отмечу его, не волнуйся.

Она поежилась, ее плоть содрогнулась под моими пальцами.

Я оставил еще один поцелуй на ее шее и откинулся. Мне нравилась ее реакция. Мне она очень нравилась.

Плейлист на айпode закончился, тихие звуки музыки замерли.

Эйвери повернулась ко мне лицом.

— Почему я слышу шум волн?

Я поднялся на ноги, указывая на густой ряд вечнозеленых растений, которые скрывали мою тайну.

— Я приберег мою любимую часть напоследок. Пойдем со мной.

Я потянул ее вверх, схватил одеяло и повел сквозь густые деревья, затем вниз по грубой дорожке, убедившись, что она не упадет. Когда мы дошли, я махнул рукой.

— Мой собственный оазис.

Сияя от восторга, Эйвери прошла мимо меня. К небольшому заливу, где ленивые волны танцевали на солнце, отражаясь на нас множеством переливов. Маленький пляж был зернистым — песок, смешанный с мелкой галькой и щебнем. Несколько больших валунов обрамляли одну сторону, формируя приватную зону.

Она повернулась ко мне с широко распахнутыми глазами.

— Это твое?

— Да. Здесь заканчивается моя собственность. Вода, которую можно увидеть из дома — большое озеро; это всего лишь маленький залив.

— Это прекрасно!

— Я проделал здесь много работы. Место было довольно заросшим. Мы очистили пляж, и я перевез немного песка из другого района, чтобы сделать его более красивым, но в остальном здесь все так, как я обнаружил.

— Ты плаваешь здесь?

— Вода немного холодная, но да. Иногда в конце сезона, — я положил одеяло на песок, который был еще влажным от ранних дождей. Эйвери села, и я устроился позади, зажав ее между ног. Я обернул свои руки вокруг нее, закрыв глаза, и позволил спокойствию окружить нас. Она вздохнула с облегчением, ее тело расслабилось и стало податливым.

Солнце согревало мое лицо, бриз дрейфовал по коже, поднимая волосы со лба, когда проносился мимо. Он приносил с собой запах воды и песка; в воздухе стоял тяжелый и богатый аромат водорослей, смешанный с резким запахом выброшенных на берег коряг.

Вдыхать полной грудью воздух и аромат медовой женщины в моих руках было

ошеломляюще. Я похоронил лицо в ее локонах, уткнувшись в шелковистые пряди и вдыхая ее успокаивающий запах. Когда она потянулась, чтобы поиграть с моими волосами, я замурлыкал от счастья, крепче сжав в объятьях.

Ее сердцебиение ускорилося, когда я перекинул волосы через плечо, скользая губами вниз по ее шее и щелкая языком по теплой коже. Она всхлипнула и вжалась в меня, заставляя мой член набухнуть, ее хватка в моих волосах усилилась, удерживая меня рядом.

Неторопливо я провел рукой по изгибу ее руки, по локтю до запястья и обратно, непрерывная цепочка нежных дразнящих поглаживаний. Еще один всхлип сорвался с ее губ, и мурашки побежали по коже, когда я скользнул рукой ближе к ее плечу. Легкими прикосновениями пальцев я спустился вниз по боку, задевая край ее груди, затем снова вернулся к запястью.

Соски сморщились под моей рукой, которая держала ее для надежности.

Мой член еще больше затвердел в ответ.

Повернув голову, я проследил языком по сгибу локтя, дегустируя и оставляя влажный след, который заставил ее дрожать. Ее дыхание участилось; маленькие вздохи желания, которое увеличивалось, пока я дразнил и гладил, мои пальцы танцевали и двигались, выводя узоры, касаясь и щекоча, но не останавливались. Я притянул ее крепче к своей груди. Эйвери сжала руку вокруг моего предплечья, с губ сорвался низкий сексуальный стон, и она опустила голову на мое плечо, обнажая шею.

Я оставил влажный след, целуя открытым ртом ее душистую кожу, прикусил и потянул мочку уха.

— Тебе нравится это, Эйвери? Тебе нравится, когда я прикасаюсь к тебе? — зарычал я ей в ухо.

— Да, — задыхалась она. — *О, Боже... да.*

Я втянул мягкую кожу ее шеи и слегка пососал.

— Ты хочешь больше?

Она ахнула и прижалась ко мне, запирая мой стояк между нами.

Я застонал.

— Хочешь?

— Да. Даниэль, да.

Я схватил ее за волосы, опрокидывая голову назад. Ее глаза были широко распахнуты и наполнены желанием. Прижавшись к ее губам, проследил языком нижнюю губу, пробуя яблоко, которое она съела.

— Насколько больше?

— Тебя. Я хочу *тебя*. Пожалуйста. *Сейчас...*

Я удерживал ее взгляд.

— Ты уверена, Эйвери?

Я хотел сделать ее своей. Если она была готова, я тоже. Это было быстро, но мне все равно — это было правильно. Мы уже затрагивали тему нашего прошлого и защиты в разговоре прошлой ночью, и мы были в безопасности. Нам ничто не мешало, если она была уверена в этом — в нас. Но это был ее выбор. Всегда только ее.

— Да, — сказала она, задыхаясь. — Я уверена.

Через секунду я подмял ее под себя на одеяле, образуя массу переплетенных конечностей и тепла. Небольшой клетчатой ткани было недостаточно, чтобы защитить нас от пляжа, но нас это не волновало. Влажность песка впиталась в ткань и джинсы, грубые

песчинки прилипали ко всему.

Это не имело значения.

Я не мог подобраться достаточно близко. Я не мог насытиться ею. Ничего не существовало, кроме нее. Нас.

Наша страсть вспыхнула, наконец, выплескиваясь наружу. Я вплеп руку в ее волосы, притягивая лицо ближе, пока насильновал ее рот. Мокрый песок прилип к рукам и ногам, грубые зерна царапали кожу. Я забрался рукой под ее футболку, пробегаясь по животу, легкими прикосновениями лаская кожу. Когда моя ладонь накрыла выпуклость ее груди, она ахнула, выгибаясь мне навстречу, ее рука зарылась в песок. Другой рукой она вцепилась в мою поясницу, скользнув пальцами под пояс и сжимая мою задницу. Я одобрительно замычал в ее рот и толкнулся вперед.

Одежда исчезла быстро — каждый дюйм обнаженной кожи был исследован и продегустирован. Материал ее футболки легко порвался под моими кулаками, и я отстранился достаточно, чтобы сорвать через голову свою футболку, желая почувствовать прикосновение ее шелковистой кожи. Ее рот был таким сладким и влажным, а ее вкус разрушил меня навсегда. Отныне я не хотел быть без него. Ощущать ее под собой было ни с чем не сравнимым удовольствием.

Она стонала и ахала, пока я прослеживал ее выпуклости и впадины, изучая их своими руками и запоминая губами. Эйвери потянула меня за плечи, ее руки лихорадочно ласкали и гладили меня, ногтями царапая кожу, заставляя меня шипеть от легкой боли.

Захватив ее руки, я удерживал их над ее головой.

— Я хочу тебя, Эйвери.

— Да.

— Скажи мне, чтобы я остановился, и я сделаю. Скажи мне отвезти тебя домой и заняться с тобой любовью в моей постели, а не на песке, и я сделаю.

— Нет, я хочу этого, я хочу тебя, — она ясно дала понять, освободив одну руку и обернув вокруг моего члена.

— *Черт!* — зашипел я, глядя вниз на ее руку, обернутую вокруг меня, а затем поднял взгляд вверх, чтобы вобрать ее тело. Она была видением, лежа подо мной на солнце. Ее кожа светилась, как самый прекрасный образец слоновой кости — гладкая и сияющая на свету. Крошечные грозди веснушек были разбросаны по ее коже, как маленькие тропки, которые должны быть обнаружены. Я хотел попробовать каждый ее дюйм, прикоснуться к каждому мягкому изгибу и проследить их своим языком. Проследить круг веснушек на ее левом соске. Поцеловать треугольник точек за ее ухом, пока она не захнычет. Я хотел погрузить свои руки в ее густые кудри и притянуть ее лицо к моему, а затем целовать, пока она не забудет чужие губы, кроме моих. Я хотел претендовать и обладать каждым дюймом ее тела.

— Я хочу тебя так сильно, — признался я, мой голос был густым от желания. — Я не знаю, смогу ли я быть нежным. Я не хочу причинить тебе боль.

— Я хочу тебя так же сильно. Ты не сделаешь мне больно, — она выгнулась против меня. — Ты не сможешь.

Тем не менее, я колебался — это был такой важный момент для нас.

Ее серебристо-зеленые глаза, наполненные страстью и решимостью, встретились с моими.

— Будь нежен в следующий раз. Прямо сейчас я хочу тебя. Пожалуйста, Даниэль.

Я не мог сказать ей "нет". Никогда не смогу. Я скользнул внутрь ее гладкого

приветливого тепла. Застонав в ее шею, я замер от невероятного ощущения быть окруженным Эйвери.

Она выдохнула мое имя и обняла ногами мои бедра, притягивая и призывая.

Я потерял себя в ней. Ее вкус, запах, то, как она ощущалась подо мной — ее тело слилось с моим, пока мы качались и двигались. Влажная кожа тесно скользила. Длинные, глубокие, страстные поцелуи были общими. Низкий рокот и всхлипы вырывались из наших уст, наши руки обхватывали, гладили и сжимали, пока мы занимались любовью и трахались.

Я врвался в нее бездумно и изнывал от желания, ощущая, как она сжимается и корчится подо мной. Она встречала меня, толкаясь навстречу, ее тело прижималось к моему, принимая меня так, будто я был создан для нее. Ничто не сравнится с этим моментом — ничто и никогда. Мой позвоночник пронзало электричеством, когда я вонзался в нее, наши тела вздымались и падали, пока мы двигались, как штормовые волны, бьющиеся о берег. Каждое движение, каждый глубокий выпад, жесткий и быстрый, подводили нас к бешеному финалу.

Одной рукой я сжал в кулак ее волосы, а другой зарылся глубоко в песок, когда оргазм накрыл Эйвери. В глазах потемнело, и я выкрикнул ее имя, находя свое собственное освобождение, изливаясь глубоко внутри ее тела. Когда я, наконец, успокоился и мирное освобождение впиталось в мою кожу, я рухнул в ее объятия.

Счастливый и удовлетворенный, я откатился в сторону, увлекая Эйвери за собой, и накинул на нее край одеяла, чтобы ей не было холодно, но все же мелкая дрожь пробежала по ее позвоночнику.

Я крепче обнял ее, потирая руками вверх и вниз по ее спине.

— С тобой все в порядке?

Она уткнулась лицом в мою шею, оставляя на коже легкие воздушные поцелуи, отчего мне захотелось мурлыкать.

— Я в порядке, — промурчала она. — Так хорошо, Даниэль.

Я улыбнулся в ее волосы.

— Да, ты права. Я, эмм, не навредил тебе?

— Нет. Мои внутренности ощущаются как желе, и я не думаю, что смогу встать прямо сейчас, но мне не больно. На самом деле, я не могу вспомнить, когда последний раз я чувствовала себя такой... невредимой. Может быть, никогда.

Я усмехнулся.

— Я тоже чувствую себя немного желеобразным. Тебе не холодно?

— Нет, я вполне довольна. Я чувствую песок, но все хорошо.

Мне пришлось согласиться с песчаным чувством. Я уверен, что песок забился в места, где не должен быть найден.

— Сделать тебя своей на одеяле неизвестно где не было частью плана на сегодня.

Она подняла голову, волосы диким беспорядком обрамляли ее лицо.

— Я теперь твоя?

Я убрал назад волосы с ее лица, обхватив подбородок, и поцеловал.

— Полностью.

Вздохнув, она вернулась в исходное положение, и я расслабился, пока мы оба упивались нашей новой близостью.

Ее любопытный голос нарушил тишину.

— Какой план был на сегодня?

— Я планировал научить тебя кататься на лошади и провести некоторое время с тобой. Это было все, на самом деле.

Ее крошечные руки потянули мою голову к ее рту.

— Мне нравится дополнение к плану.

Застонав, я ужесточил свою хватку, уже чувствуя прилив нового желания.

— Мне нужно отвезти тебя домой. Я хочу тебя в моей постели, чтобы я мог насладиться тобой.

— Значит, уроки верховой езды будут позже?

— Сейчас, — я сел, потянув ее за собой так, чтобы она оседлала мои колени. — Но, может быть, ты хотела бы прокатиться на другом жеребце, — я выгнулся против нее, улыбаясь стонам, вырывающимся из ее рта, когда я задел кистку головкой моего быстро набухающего члена. Звук был эротичным; маленькие задыхающиеся звуки, которые заставили меня еще больше затвердеть. — Когда-нибудь слышала термин «объезжать жеребца»?

Она уткнулась в мою шею, и настала моя очередь стонать, когда она укусила и пососала кожу, насаживаясь на мою эрекцию.

Я плотнее завернул одеяло вокруг нее.

Все же пока мы никуда не уезжаем.

Даниэль

Мы покинули пляж, держась за руки.

Я помог ей одеться, извинившись за разорванный топ и песок, прилипший к ее коже, даже когда я попытался стряхнуть его.

Она засмеялась, отталкивая мои руки.

— Я в порядке. Мне нужен душ, но я в порядке.

Я натянул футболку через голову и поцеловал ее в лоб, стараясь не думать о том, как она будет выглядеть в моем душе.

Влажная.

Голая.

Поспешив, я потянул ее за собой. Нам нужно побыстрее попасть домой.

Мы собрали наши вещи, и я помог ей подняться на Дзена, прежде чем сам устроился за ее спиной. Мы молчали всю дорогу назад, оба потерянные в своих мыслях.

Я знал, что все изменилось.

Я изменился. Наши отношения, хотя и недолгие, изменились.

Я уже обожал Эйвери. С того самого момента, когда встретил ее.

Теперь это было глубже. Это было больше. Это было самое важное.

Когда мы вернулись в конюшню, Эйвери была более спокойна. Она даже помогла мне позаботиться о Дзене и помочь ему устроиться на ночь. Мой конюх уже позаботился о других лошадях, так что, в последний раз погладив Дзена, мы заперли ворота.

Рука об руку мы вернулись к дому, расслабленные и довольные. Заметив ее дрожь, я прижал ее к себе, увлекая внутрь.

Оказавшись в доме, я направил ее в душ, желая согреть и помочь ей успокоить боль в мышцах. Я знал, что ее ноги должны болеть, потому что она никогда раньше не сидела на лошади, не говоря уже о том, что и наши занятия любовью были достаточно энергичными. Моя поясница немного побаливала, так что я мог только представить, какие ощущения испытывает ее хрупкое маленькое тело. Добавьте к этому, что мы пахли лошадью, песком и

сексом — душ был нам необходим.

Втянув ее в ванную комнату, я увидел, как она с тоской посмотрела на огромную, ни разу не использованную ванну, расположенную в углу. Я никогда не был любителем ванны, но когда строил дом, архитектор уверял меня, что однажды я буду признателен ему за установку.

— *Легче сделать сейчас, чем позже. Вы будете благодарны мне, Доктор Спенсер, —* сказал он, подмигивая. — *Моя жена любит ту, что я установил в нашем доме.*

Судя по выражению лица Эйвери, я бы сказал, что сегодня день благодарности.

Я поцеловал ее в щеку.

— Сначала в душ, чтобы согреться и смыть, хм, песок и траву, — поддразнил я, вытаскивая мусор из ее волос. Проведя пальцем по внутренней стороне ее бедер, я собрал покрывавшую их влагу. — Не говоря уже обо мне. Ты вся буквально покрыта мной, Эйвери. На мой взгляд, это очень сексуально, но я уверен, ты предпочла бы смыть это.

Она моргнула, ее рот открылся и закрылся, взгляд заметался по комнате.

— Милосердный Боже, что ты делаешь со мной, — пробормотала она, и я знал, что она не понимала, что сказала это вслух.

Я усмехнулся. Я действительно любил говорить то, что заставляло ее волноваться, и слышать ее бессмысленное бормотание в ответ. Я находил это забавным.

— Душ, — повторил я.

Ее возбужденные глаза уставились на пустой фарфор в углу.

— Потом ванна?

— Да. И тебе лучше начать заполнять ее прямо сейчас. Думаю, что это может занять некоторое время, — я огляделся вокруг. — Я даже не уверен, где сливная пробка.

— Ты никогда не пользовался ею?

Обняв ее, я покачал головой.

— Неа. Мы никогда не были с ней близки. На самом деле, ванна и я будем девственниками, встретившимися впервые, — убрав ее волосы, я прикоснулся губами к ее уху. — Ты будешь нежна с нами, Спрайт?

— Я сделаю все возможное, — она прочистила горло. — Ты никогда не, ну, я имею в виду...

Я понял, о чем она спрашивала.

— Я живу в доме только около восьми месяцев. Сначала я построил клинику, — я обнял ее крепче. — Ты первая и единственная женщина, которая когда-либо была здесь, не считая моей сестры и матери.

Она слегка покраснела и улыбнулась.

— О.

Она выглядела довольной.

Я имел в виду душ только для того, чтобы согреться и помыться. На этом все. Но пока я смотрел, как она наклонила голову, чтобы смыть шампунь, выгибая спину и подталкивая грудь вперед, тем самым заставляя ее выглядеть такой дерзкой — такой привлекательной — крошечные округлости веснушек манили, и любые идеи о том, что могло бы произойти в душе, превратились в то, что случилось в душе.

Мыло, которое я держал, выпало из рук, когда я шагнул вперед, оборачивая одну руку вокруг ее талии и привлекая к моему телу. Я сомкнул рот вокруг розового соблазнительного

соска, потянув и дразня плоть языком и зубами.

Эйвери захныкала, схватив меня за плечи для поддержки. Самый мягкий, сладкий и самый сексуальный звук, который я когда-либо слышал.

Без раздумий я поднял ее и прижал к стене, мой член уже вздымался, каждая молекула моего существа хотела быть внутри нее.

Эйвери вздрогнула, прикоснувшись спиной к холодной плитке, и я уперся рукой о стену, пытаюсь удержать ее. Наши губы встретились в серии горячих беспорядочных поцелуев, столкновении носов, зубов и губ, когда мы сцепились и начали скользить на мокром полу.

— Черт, — пробормотал я. — Это выглядит намного проще, когда я смотрю порно. У них никогда нет проблем с гравитацией.

Эйвери начала хихикать, извиваясь от смеха, пока я пытался остаться в вертикальном положении, теперь смеюсь сам.

— Думаю, не самая романтичная вещь, чтобы сказать, да, Спрайт?

Она притянула меня ближе, обхватив ногами сильнее, и я застонал, когда мой член скользнул по ее влажным складочкам.

— *Иисус*, Эйвери. Я снова хочу тебя так чертовски сильно, но, боюсь, если мы продолжим здесь, кому-то из нас понадобится новое бедро, — я осторожно толкнулся вперед, проверяя равновесие, и выругался, когда мои ноги заскользили по гладкому дну душевой кабины. — Думаю, здесь нужно установить скамейку, — я застонал при мысли, что могу делать с ней, сидя на скамейке. Что она может сделать со мной. — Черт побери! — зарычал я. — Этот мысленный образ не помогает мне прямо сейчас.

Ее хихиканье стало откровенным смехом, когда голова упала обратно на плитку.

— Душ тоже девственен, Даниэль?

— Ага.

Она сместилась, и я скользнул глубже, ее тепло окружило меня. Я щелкнул языком по ее уху.

— Держу пари, ванна просторная. Менее опасная. Может быть, мы могли бы выбраться из душа.

Ее руки сомкнулись на моей шее.

— Ванна. Сейчас.

Я выключил воду.

Ванна была слишком скользкой, но мы это выяснили. С меньшей вероятностью операции по замене сустава мы были более дерзкими. Я показал Эйвери мокрую версию брыкающегося жеребца, пока она плотно сжимала бортики ванны, жестко объезжая меня и выкрикивая мое имя. Вода выплескивалась через край ванны, создавая большую лужу на полу, утекая в сторону двери. Меня не волновало это — что угодно. Только женщина, оседлавшая меня. Я застонал и выругался, устремляя бедра вверх в попытке похоронить себя глубоко внутри нее, мои руки были словно тиски, когда я схватил ее за бедра и закричал ее имя.

После этого я обнял ее, позволяя теплой воде закручиваться вокруг нас. Я сделал мысленную заметку купить какую-нибудь пенистую штуку, которую так любят женщины, чтобы я снова смог заманить ее сюда, и позвонить подрядчику, который строил дом, для установки скамьи в просторную душевую кабину. Когда я высказал эту идею вслух, Эйвери сообщила мне, что можно купить нескользящие коврики для ванной. Я решил, что мне

нужно завтра же выбрать один — возможно, мы могли бы повторить порно в душе. Я, конечно же, готов бросит ему вызов.

Когда мы, наконец, вышли и вытерлись, Эйвери нашла у меня вторую татуировку. На моей лопатке вспышкой цвета красовалось Кельтское дерево жизни. Ее прикосновение было легким, когда она провела пальцами по чернилам, а затем прижалась к ним губами. Я натянул на нее свою футболку и прижал к себе в моей большой, уютной кровати, призывая немного поспать. Она должна быть измотана. Я был исчерпан и с удовольствием задремал ненадолго рядом с ней.

Сейчас, проснувшись в ее объятиях, я был переполнен эмоциями. Я никогда не испытывал столько чувств к одному человеку. То, что, по моему мнению, было хорошими отношениями с Карен, не шло ни в какое сравнение с моими чувствами к Эйвери. Я хотел разделить с ней все, что было в моей жизни. Я мог видеть ее рядом со мной, делающую мое жилище нашим домом, заполняющую пустые часы своим присутствием. Я был уверен, что мои родители, особенно мама, полюбят ее. Я знал, что Кейтлин с нетерпением ждет, чтобы узнать ее поближе. Карен всегда нравилась всей моей семье, но Эйвери без усилий вписывалась в мою жизнь. И у меня было хорошее чувство, что она так же впишется в мою семью; с родителями, живущими далеко, Эйвери тоже нуждалась в этом.

Я проследил пальцем по ее щеке, заправляя локон за ухо. Мне следовало бы испугаться того, насколько интенсивные чувства я уже испытывал к ней. Но мне не было страшно. Это казалось правильным. Я знал, что она тоже чувствовала что-то сильное ко мне. В противном случае мы не занимались бы любовью. Я сказал ей, что у меня никого не было после разрыва с Карен более года назад, и она призналась, что около двух лет не была в серьезных отношениях. Из того немногого, что она рассказала мне, было похоже, что ей не очень везло с кем-то из ее предыдущих партнеров. Я планировал изменить ее взгляды на отношения.

Я знал, что мы ждали друг друга.

— Хей, — прошептала она.

Вздрагнув, я посмотрел вниз.

— Ты должна спать.

— Я проснулась, — она нахмурилась. — Ты такой задумчивый. Я отсюда вижу, как хмурится твой лоб.

Я перекатился, нависнув над ней.

— Я думал о тебе. О нас.

Она поморщилась, выражение тревоги появилось на ее лице.

— Это заставило тебя хмуриться?

— Я волнуюсь.

— Это чересчур? — поинтересовалась она. — Я знаю, что все происходит слишком быстро.

Я просунул свою руку ей под голову, приближаясь к ее губам. Долгие минуты заверял ее своими ласками, что с ней ничего не было слишком быстро.

Я отстранился, но не слишком далеко, чтобы она могла меня видеть и не сомневаться в моей искренности.

— Я беспокоюсь, что ты почувствуешь, когда я скажу, что завтра воскресенье, а это значит еженедельный поздний завтрак с моей семьей. Я хочу, чтобы ты пошла со мной и познакомилась с ними. Я хочу представить их женщине, которая, я знаю, собирается изменить мою жизнь. Которая уже изменила мою жизнь.

Ее зеленые глаза поблескивали от слез.

— Я хочу провести все выходные с тобой, Спрайт. Я хочу провести с тобой каждую секунду, пока тебе не придется идти на работу в понедельник. Затем я хочу, чтобы ты вернулась сюда, как только сможешь. Я хочу все это — твоё время, твои поцелуи, твой смех... — я сделал паузу. — Твоё сердце.

Она ахнула в изумлении.

Я пожал плечами, извиняясь.

— Вот что меня беспокоит. Мои чувства к тебе такие сильные, и они настолько твердые, настолько реальные, и я боюсь, что это слишком быстро для тебя. Я боюсь, что ты не сможешь почувствовать то же самое, — я прочистил сухое горло. — Но я надеюсь, что ты сможешь. Я хочу этого больше, чем когда-либо чего-либо хотел в своей жизни. Потому что... потому что я влюбляюсь в тебя, Эйвери. Учитывая интенсивность моих чувств сейчас, то, что я буду чувствовать к тебе через неделю или в следующем месяце, поражает меня. Я и не подозревал, что способен почувствовать что-то настолько мощное.

Я беспокойно выводил круги на шелковистой коже ее шеи, пока ее красивые глаза смотрели на меня, и слезы текли по ее лицу, исчезая в волосах. Впервые с тех пор, как встретил Эйвери, я не мог прочесть эмоции в обычно выразительных глазах.

— Пожалуйста, скажи, что это слезы счастья, — умолял я. — Скажи мне, ты чувствуешь это. Пожалуйста.

Эйвери

Я пристально вглядывалась в глаза Даниэля. Никто никогда не смотрел на меня так, как он. Как он был прав в этот момент. Его синие глаза были переполнены теплом, потребностью, желанием — любовью.

И все это было направлено на меня.

Была еще одна эмоция, плавающая в глубинах его взгляда.

Страх.

Он открыл мне свое сердце и не был уверен, что его чувства взаимны.

Не было слов описать мои чувства к Даниэлю.

Его тихое признание и последняя мольба ошарашили меня. Ворочаясь без сна прошлой ночью, я поняла, что влюбилась. Бесповоротно. Занятие любовью с ним сегодня только доказало мне это. Вместе мы были правильными. Мы подходили друг другу как две части головоломки.

Наше время вместе накануне вечером показало мне еще больше нежности в Даниэле. В ресторане как — будто только я существовала для него. С увлеченным вниманием он слушал все, что я рассказывала ему, задавал вопросы, делал комментарии или замечания, которые показывали мне, что он слушал. На самом деле слушал. Грант говорил мне, что обычно он приспособивался ко мне, так как у меня никогда не было ничего интересного, чтобы рассказать. Даниэль думал по-другому.

Его безупречные манеры проявлялись в том, как он вел себя со мной. Открывал двери, пропуская меня вперед, всегда следил, чтобы мне было комфортно, беспокоился, достаточно ли мне тепло, и предлагал свою куртку, если мне это нужно. Он не пытался выставлять свои действия напоказ. Даниэль был просто Даниэлем.

После ужина во время нашей прогулки он прижимал меня к себе, направляя вокруг препятствий, убеждаясь, что я не споткнусь о бордюры. Я чувствовала себя защищенной в его объятиях. Когда я остановилась поговорить с бездомным, он в защитном жесте держал

ладонь на моей пояснице, пока я наклонилась к мужчине.

Каждый раз, когда кто-то приближался к нам с собакой, мы останавливались, и он вставал на колени, позволяя животному обнюхать его руку, затем гладил его шерсть, тихо разговаривая со своим новым мохнатым другом. Когда я купила выпечку для моих соседей и сказала парню, что мне нравится угощать их, он пробормотал что-то о том, что считает меня удивительным человеком. Тепло в его глазах, когда я остановилась угостить бездомного выпечкой, согрело меня до глубины души.

Гордость и нежность, тлеющие в его взгляде, оставляли меня бездыханной. Даниэль видел меня в ином свете.

Точно так же видела его я.

Я знала, люди подумают, что мы сошли с ума, и будут слухи и разговоры. Я знала, есть шанс, что его семья не примет меня. Я бы не хотела вставать между ним и его семьей. Однако уже слишком глубоко увязла.

Мне было все равно.

Я обхватила его обеспокоенное лицо, разглаживая маленькую V между глаз, успокаивая уставшую кожу.

— Я принадлежу тебе полностью.

Выражение его лица было прекрасным, наполненным светом, когда одна слеза медленно стекла по его щеке.

— Ты останешься со мной, Эйвери?

— Так долго, как ты хочешь.

— Тогда я бронирую все твоё время на ближайшие девяносто лет.

Удовлетворенная и завернутая в объятия Даниэля, я крепко прижалась к его груди, целуя влажную кожу. Занятие любовью с ним было за гранью нежности, его прикосновения и поцелуи стали еще более глубокими и поклоняющимися. Он окружил меня своей любовью, пропитывая этим чувством, пока неторопливо двигался, утверждая на меня свои права даже больше, чем его более активные усилия раньше.

Его прикосновения клеймили меня, его собственнические губы и тело заставили меня принадлежать ему всеми возможными способами.

Я больше никогда не смогу принадлежать кому-либо еще. Даниэль создан для меня.

Его пальцы выводили ленивые круги на моем голом плече.

— Могу я убедить тебя завтра переехать ко мне?

Огромная часть меня хотела обнять его и выкрикнуть «да!». Более разумная часть заставила с сожалением покачать головой.

— Рано?

Это казалось неизбежным. Я хотела этого. Однако знала, что мне нужно попытаться оставаться рациональной.

— Почему бы нам не встретиться завтра с твоей семьей, прежде чем мы обсудим это?

— Я не сомневаюсь, что они полюбят тебя, — заверил он.

— Твои мама и папа знают обо мне?

— Уверен, Кейтлин уже сообщила им. Поздний завтрак — ее любимое время, и я знаю, что она умирает от желания рассказать все маме.

— Ах.

— Что? Скажи мне, что творится в твоей голове.

— Что, если они будут против? Или я не понравлюсь им? Я не могу встать между тобой и твоей семьей, Даниэль. Я не смогу это сделать.

Его рот был теплым на моем.

— Тебе не придется. Они полюбят тебя. У меня нет никаких сомнений.

— Я...

— Нет, Эйвери. Тот факт, что ты так беспокоишься об этом, говорит мне о многом. Мне не придется выбирать, — он потянул меня ближе. — А если пришлось, я бы выбрал тебя.

— Нет, ты не можешь так говорить.

— Ты. Мы. Во-первых. Всегда, — настаивал он. — И моя семья поймет, но это не будет проблемой. Нет ни одного человека на этой планете, кто мог бы встретиться с тобой и не полюбить.

Я фыркнула.

— Ну, я могу назвать несколько. Я думаю, что ты предвзят.

— Тогда ладно. Никто, кого я люблю, не сможет не любить тебя. Лучше?

— Лучше.

Мой желудок выбрал именно этот момент, чтобы заурчать, Даниэль засмеялся и сел, увлекая меня за собой.

— Давай, Спрайт. Мне нужно накормить и напоить тебя.

— Накормить и напоить меня? Как Дзена? Получу ли я мешок корма?

Он натянул штаны, протягивая мне длинную футболку, его плечи тряслись от смеха.

— Прости. Неправильная терминология. Как правило, в выходные дни мне нужно только кормить животных, за которыми я присматриваю в клинике или конюшне. Мне нравится заботиться о другом человеке, — он наклонился, губами касаясь моих. — Мне особенно нравится заботиться о тебе.

— Спасибо, — выдохнула я. — Мне тоже это нравится.

— Хорошо. Потому что это моя новая любимая работа.

Затем, засмеявшись, он подхватил меня и перекинул через плечо, хихикая всю дорогу до кухни.

Я схватила его за задницу и держала.

Для безопасности.

Это не имело ничего общего с тем, что мне нравилось, как его упругая задница ощущается под моими пальцами; как мышцы напрягаются и перекачиваются при ходьбе.

Ни в коем случае.

Даниэль

Если я думал, что Эйвери нервничала, когда мы встретились в студии — или вчера в конюшне, это было ничто по сравнению с тем, как она выглядела сейчас. Она была зеленой, и я подумал, не вырвет ли ее в моем грузовике. Позади меня на заднем сидении лежал плед, я оглянулся и подумал, может быть, нужно положить его ей на колени. Не то, чтобы в ее желудке сейчас было что-то больше глотка кофе, который она едва отхлебнула утром, но это может пригодиться. Протянув руку, я стащил плед с сиденья и перебросил его через консоль. Эйвери даже не шелохнулась.

Она была так напряжена, я был уверен, что одно мое неверное прикосновение к ней, и она разобьется на миллион маленьких Эйвери прямо передо мной.

Я повернулся на сидении, скользнув рукой по ее затылку как можно осторожнее, и позвал ее по имени.

Ее глаза остались закрытыми, а тело жестким. Машины уже были припаркованы перед домом моей сестры. Я знал, что родители приехали, Стивен был дома, и рядом был припаркован любимый джип Кейтлин. Я снова попытался пальцами немного размять ее шею.

— Эйвери... Спрайт. Посмотри на меня.

Ее глаза встретились с моими — тревожные серебристо-зеленые, наполненные паникой, что мое сердце болело за нее.

— Эй. Мои родители полюбят тебя. Моя сестра уже тебя любит. Пожалуйста, не смотри на меня так. Все будет хорошо. Я обещаю.

— Это ее день рождения? — начала она.

— Что? Чей?

— Твоей племянницы — это ее день рождения?

Я покачал головой, совершенно запутанный.

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

Дрожащим пальцем Эйвери указала на фургон, припаркованный на дороге, который я не заметил. Я подавил угрожающий вырваться смех. Посмотрев вниз по улице, указал на соседний дом, его передние ворота были украшены воздушными шарами.

— Это дом Уилсонов. Кейтлин рассказала мне, что сегодня день рождения их дочери. Я уверен, клоун сейчас у них. Не волнуйся.

— Не... не у твоей сестры?

— Нет. Не у Кейтлин.

— О, — она слабо мне улыбнулась, и с губ слетел дрожащий вздох. — Не думаю, что смогла бы справиться с клоуном и твоей семьей одновременно.

Эйвери снова посмотрела на меня, запаниковав.

— Ты ведь не думаешь, что он может пойти от двери до двери, продавая вещи? Клоуны не блуждают по окрестностям?

Я запустил руку в ее густые кудри, склонившись над консолью.

— Думаешь, я бы позволил клоуну подойти к тебе, Спрайт? Этот мудака скорее найдет свои большие красные туфли в заднице, лежа лицом на дороге, чем я позволю ему приблизиться. Никаких блужданий. Никаких клоунов. Точка.

— Правда?

Я поцеловал ее. Крепко.

— Правда, — я снова поцеловал ее. — Лучше?

— Да.

— Итак, ты готова познакомиться с моей семьей? Уверю тебя, порой они могут вести себя как клоуны, но они совершенно на них не похожи.

Убедившись, что ни один ниндзя-клоун не собирается нападать на нее, она немного расслабилась, и цвет вернулся на ее щеки. Я с облегчением выдохнул — плед, вероятно, не понадобится.

Она полезла в сумочку и достала мятную конфету, засунув ее в рот.

— Хорошо. Готова.

Я не смог сдержать смех. Не знаю, что делало ее более милой — странное отвращение к клоунам или пристрастие к мятным конфетам всегда, когда она нервничала.

Я еще раз поцеловал ее, потянув через консоль на свои колени. Я тоже хотел леденец, но не один из ее сумки. Тот, что у нее во рту, на вкус гораздо лучше, и было так приятно

искать его. Я люблю целовать мою девочку.

Я усмехнулся и отпрянул, зажав мой прищип между зубами.

— Ты опять украл мою конфету, — фыркнула Эйвери. — Ты мог бы попросить. У меня их много.

Я сунул конфету за щеку.

— Не с добавлением аромата Эйвери, — подмигнул я.

Медленный розовый румянец окрасил ее щеки, когда она развернула еще одну конфету, но изгиб ее губ дал мне понять, что она не против моей тактики по краже конфет. Хорошо, поскольку я не планировал останавливаться.

Сейчас, когда на лицо девушки вернулся цвет, а величайший страх упокоился, она стала выглядеть гораздо лучше. Посмотрев вниз по улице, я решил, что пора идти внутрь, прежде чем клоун решит взять что-нибудь из фургона. Я не знал, как Эйвери справится с этой ситуацией. И не хотел вынимать кого-то из слишком большого количества макияжа и костюма, но для нее я бы это сделал.

— Готова?

Она расправила плечи.

— Готова.

Глаза Эйвери были огромными и испуганными, когда она знакомилась с моей семьей.

Мои родители выглядели спокойными и счастливыми, и они приняли Эйвери. Короткие волосы моей матери были все еще темными, с сероватыми прядями кое-где, и ее голубые глаза искрились за очками. Плохое зрение досталось мне от нее. В ней все еще присутствовал молодой дух, это было в мягком юморе и терпении. Рядом с ней стоял мой широкоплечий отец, его черные с сединой волосы поблескивали на свету. Его глаза, более темного оттенка синего, чем у матери, были дружелюбными, а взгляд открытым.

Только те, кто хорошо знал его, могли увидеть скрытую боль в выражении его лица или заметить борозды на лбу, когда он шел или передвигался определенным образом. Он был силен и упрям, и я унаследовал обе эти черты характера.

Мама обнимала Эйвери слишком долго, и папа шагнул вперед.

— Дай девушке вздохнуть, Джули, — он улыбнулся Эйвери. — Я отец Даниэля — Шон Спенсер. Прошу прощения за мою жену — она немного буйная.

Эйвери протянула ему руку.

— Приятно познакомиться с вами, мистер Спенсер.

Он покачал головой.

— Просто Джули и Шон, — затем он занял место моей матери и обнял Эйвери так, что ее ноги оторвались от пола.

Я закатил глаза на их восторженные приветствия. Не то чтобы я никогда не приводил девушку знакомиться с ними до сегодняшнего дня.

К счастью, Стивен вел себя прилично, улыбнулся и поприветствовал ее крепкими рукопожатиями. Пока не заговорил.

— Рад снова видеть тебя, Эйвери, — он подмигнул. — Ты выглядишь менее взъерошенной, чем когда я видел тебя в последний раз.

Кейтлин рассмеялась, и даже мои родители захихикали.

Я знал, что дразнить сегодня будут без остановки.

До сих пор это был обычный завтрак.

Когда мы все пошли по коридору, Эйвери посмотрела на меня.

— Я чувствую, как будто попала в страну великанов. Вы все такие высокие!

Я засмеялся. Она была права. Мама была самой короткой из всех нас — метр семьдесят. Кейтлин на семь сантиметров выше, мы с отцом были под метр девяносто, а Стивен на несколько сантиметров ниже. Эйвери сказала мне, что ее рост всего метр шестьдесят, так что неудивительно, что она чувствовала, как будто мы возвышаемся над ней. Я перекинул руку через ее плечо, провожая на кухню.

— Все в порядке, Спрайт. Хлоя меньше тебя. Намного.

Она повернула голову и прижалась поцелуем к моей руке, прямо над татуировкой.

— Ей девять месяцев.

— Ага. Подумай об этом. Ты будешь возвышаться над ней еще много лет.

Ее низкий смех заставил меня улыбнуться, и мы присоединились к моей семье.

Я был неправ. Они не полюбили ее. Они переступили этот рубеж и полностью боготворили ее. Она околдовала их менее чем за десять минут. Всех их. Мне нравилось наблюдать, как она взаимодействует с моей семьей, и видеть, что они приняли ее. Это согревало мое сердце.

Через час после нашего приезда Эйвери уже ворковала с Хлоей, уютно разместившейся на ее коленях.

Моя сестра была так занята хвастовством, что сожгла блинчики, заставляя Стивена бегать открывать окна, чтобы выпустить немного дыма.

Мама сидела рядом со мной, спрашивая не-таким-уж-тихим голосом, когда мы с Эйвери подарим ей еще одного внука, так как у нас получатся красивые малыши.

Отец откинулся на спинку кресла, ухмыляясь, когда сообщил мне, что я получил все свои качества от него, и неудивительно, что Эйвери не смогла сопротивляться мне.

Послышался смех и подначивания, и посреди всего этого сияла моя девочка.

— Даниэль сказал мне, что твои родители живут на севере, Эйвери, — заявила мама. — Ты, должно быть, скучаешь по ним?

Эйвери кивнула, ее глаза затуманились.

Я обнял ее за плечи, даря комфорт. Я знал, как сильно она скучает по родителям и как одиноко ей бывает время от времени.

— Очень. Они приезжают каждый год, и я езжу к ним в отпуск, но этого очень мало.

Мама сочувственно погладила ее руку.

— Им там нравится, и климат подходящий.

— Я уверена, что они тоже скучают по тебе.

— Я знаю, но они счастливы, и это главное.

Мама поймала мой взгляд, ее брови слегка приподнялись. У меня было ощущение, что она будет счастлива заполнить пустоту в жизни Эйвери. Я уже мог видеть, как легко она войдет в эту область моей жизни и станет частью нас. Эйвери уже вошла в мое сердце.

Родители знали, как мы познакомились. Наши с Кейтлин ставки росли с каждым годом. Эйвери громко смеялась, когда Кейтлин рассказала ей о пари, которое я проиграл, и о том, что мне пришлось пойти на мужской стриптиз, сидеть в первом ряду и совать деньги некоторым исполнителям. Кейтлин сидела рядом со мной, все время неудержимо смеясь, и пихала деньги мне в руки, указывая на следующего — это было безумно смущающим для меня.

Затем Кейтлин рассказала ей историю о пари, которое она проиграла.

— Мне пришлось держать змею и паука, — она поежилась. — Они меня пугают.

— Разве ты не должна работать с ними в клинике?

— Нет, — объяснил я. — Есть ветеринарная клиника для экзотических домашних животных недалеко от Торонто. Я рекомендую ее для людей с необычными питомцами.

Эйвери сочувственно посмотрела на мою сестру.

— Что произошло?

Кейтлин усмехнулась.

— Даниэль отвез меня в магазин, все приготовил, чтобы заставить меня пройти через это; но когда он увидел, как я испугалась, он держал их. Хотя мне пришлось прикасаться к ним, и он сказал, что это считается.

Эйвери с нежностью посмотрела на меня.

— Ты слишком милый.

Я пожал плечами.

— Это перестало быть веселым, когда я увидел, как ей страшно, я имею в виду, она буквально оцепенела от страха и дрожала. Я думал, что она просто прикоснется к ним. Хотя я заставил ее съесть перец халапеньо на обед. Она ненавидит острую пищу.

Эйвери наклонилась, целуя меня в щеку долгим поцелуем.

— Ты хороший человек, Даниэль Спенсер.

Я наклонил голову и схватил свой кофе. Мне нравилось, что она так думала.

Папа откашлялся.

— Я думаю, что это, пожалуй, лучшая ставка для всех, да? Полагаю, мы все выиграли, — он пристально посмотрел на нас с Кейтлин. — Может быть, пора положить конец пари.

Я потянулся за кофейником.

— Мечтай, папа.

Он засмеялся.

— Стоило попробовать.

— Хорошая попытка.

Все шло замечательно, кроме смущения, которое испытала моя семья, когда Кейтлин поставила на стол тарелку с подгоревшими блинами.

— О, Дженни и Крис пригласили нас позже. Сегодня день рождения Эмили, и у них там целый цирк организован на заднем дворе! Мы можем пойти после того, как поедим!

Одним плавным движением я опустился на колени перед Эйвери, забирая Хлою, прежде чем она могла уронить малышку, и сжал ее руку. Все замерли, наблюдая, как я покачал головой Эйвери.

— Никаких клоунов, — заверил я ее приглушенным голосом. — Ничего не будет.

Эйвери кивнула, сохраняя спокойствие, но побледнела.

Мама наклонилась, сочувственно поглаживая плечо девушки. Она посмотрела на меня, нахмутив брови.

— Что такое, Даниэль?

— Эйвери небольшой... эмм... любитель клоунов. Вы, ребята, можете идти. Мы останемся здесь.

Мама посмотрела на меня и Эйвери и покачала головой.

— Я останусь с тобой, — прошептала она заговорщически. — Эти маленькие ублюдки жуткие. Они как дьяволы в женском облики со всем этим макияжем. Только Бог знает, что

они могут вытащить из своего кармана! — она немного вздрогнула. — Твой отец любит их. Он может пойти, — она поцеловала Эйвери в лоб и забрала Хлою из моих рук, передав ее Кейтлин.

Отец хмыкнул и поднял на нас брови, пожимая плечами.

Увидев, как обожание наполняет лицо Эйвери, я никогда не любил мою мать больше, чем в тот самый момент.

Я также не был уверен, что когда-нибудь слышал слова “маленькие ублюдки” из ее уст.

Мы отправили всех к Уилсонам, пока сами убирали на кухне. Я слушал, как мама с Эйвери общаются и смеются, очищая посуду, и это заставляло меня улыбаться. У мамы был способ вытягивать информацию из Эйвери без осознания этого. Я протирал стол и застонал, когда она предложила Эйвери свои услуги в качестве няни, и конечно, мы могли оставить наших детей на весь день, когда те станут старше.

— Оставь нас в покое, мама, — проворчал я. — Ты ее напугаешь, — бросив тряпку на столешницу, я прижал Эйвери к себе, целуя в лоб. — Я только нашел ее.

Эйвери посмотрела на меня глазами, наполненными эмоциями.

— Она не пугает меня. Все хорошо.

— Да? — я старался не ухмыляться, как сумасшедший. Я понятия не имел, почему не убегаю в панике. Я знал ее всего несколько дней, и все же, каким-то образом мысль о том, как Эйвери светится, нося моего ребенка — нашего ребенка — заставляла меня испытывать головокружение. Казалось, с ней все встало на место с такой легкостью, и я мог видеть всё это. Жить, любить и стареть вместе в доме, который я построил, который станет домом, когда она будет жить там со мной. Я видел, как дети бегают по двору, обучаются верховой езде, как я рассказываю сказки на ночь и целую их пухлые щечки.

Я хотел это. Все это. С ней.

И так, как она смотрела на меня, думаю, что она тоже хотела этого.

С чашками свежесваренного кофе в руках мы сидели за столом в ожидании, когда остальные вернуться из мини-цирка, и разговаривали с мамой.

Зазвонил телефон Эйвери, и она вытащила его из кармана, нахмурившись. При взгляде на экран ее глаза расширились от ужаса.

— О, черт, — прошептала она.

— Что случилось?

— Это Бэт, — она покачала головой. — Я забыла. Я совсем забыла!

— Забыла что?

— Мы сегодня должны были выпить кофе, — она встала. — Пожалуйста, извините меня; я должна принять этот звонок.

Она выскользнула за дверь, закрывая ее за собой, телефон уже был прижат к уху и извинения сыпались из ее уст.

Я провел рукой по волосам, сбив очки. Я схватил их и положил на стол.

— Упс, — пробормотал я.

Мама ухмыльнулась.

— Я думаю, ты затуманил ей голову.

Я наблюдал за Эйвери, расхаживающей вокруг, она быстро говорила, дико жестикулируя свободной рукой. Я надеялся, что ее подруга была не слишком расстроена.

— Агрх, да, это моя вина. Она приехала вчера покатайся на лошади, и я не смог ее отпустить, — я смущенно взглянул на маму. — Мне пришлось отвезти ее домой этим утром, чтобы она могла переодеться. Она не хотела приходить сюда одетой в мои вещи, — я пошевелил бровями. — Не то чтобы я возражал.

— Ты сильно влюбился, Даниэль.

Я не стал отрицать, только кивнул головой, отхлебывая свой кофе.

— Я никогда не видела, чтобы ты вел себя так с другими женщинами.

Я указал на дверь и женщину, от которой не мог оторвать глаз.

— Я никогда не встречал такую, как она.

— Ты думаешь, что действуешь слишком быстро?

Я встретил ее взгляд — нежные, любящие глаза, которые были со мной всю мою жизнь. Они были наполнены пониманием и терпением. В уголках глаз собрались морщинки, когда я покачал головой.

— Нет. Мы движемся именно так, как правильно для нас.

— Ты говоришь, как твой отец. Он купил мне обручальное кольцо через неделю после того, как мы познакомились.

Я рассмеялся, зная историю.

— Он ждал две недели, чтобы спросить.

— Да, этот человек имеет терпение святого, — она усмехнулась, подмигнув. — Я думала, Кейтлин была моим импульсивным ребенком. Ты всегда был более осмотрительным из вас двоих.

— Я ничего не могу с собой поделать, мама. Я не могу это контролировать, это как товарный поезд, — я сделал паузу, думая обо всем, что происходило в моей голове и в сердце. — Я никогда не испытывал ничего подобного — ни с кем. Это правильно и реально, и я не хочу, чтобы это прекращалось.

Она накрыла мою руку своей.

— Тогда береги это.

Я оглянулся и увидел, что Эйвери перестала ходить. Ее голова была опущена и она, казалось, внимательно слушала все, что говорила ей Бэт. Беспокоясь, я встал.

— Я просто проверю ее.

Если Бэт сердилась на нее, я бы взял трубку и убедился, что она поняла — это была моя вина. Я не хотел, чтобы Эйвери брала вину на себя. Я знал, что переполнял ее. Мы переполняли друг друга. Она просто совершила ошибку и забыла. Я бы отвез ее на встречу с Бэт, если это было то, что ей нужно. Я не хотел расставаться с ней после обеда, но сделал бы это.

Я проскользнул за дверь и пошел к Эйвери, которая говорила, качая головой.

— Нет, Бэт. Я не буду, — она была больше раздражена, чем расстроена. Я замедлился, задаваясь вопросом, не должен ли оставить ее самой разбираться с этим. — Я этого не говорила.

Она слушала несколько секунд, потом вдруг вскинула руку в воздух.

— Отлично! Да! Да, понятно? Большие ноги Даниэля оправдали твои ожидания! — она понизила голос. — Его... пенис огромный! Ты это хотела услышать?

Я отступил в шоке и усмехнулся на гордость, сквозившую в ее заявлении. Мне пришлось зажать рот ладонью, чтобы не засмеяться над ее очередным заявлением.

— Ладно, отлично. Его член, Бэт. Это слово ты хотела? Его член огромен. Он наполнил меня, как никто другой, и я так сильно кончила, что увидела звезды! — злилась она. — Теперь ты довольна? — я мог слышать смех Бэт с того места, где стоял, и Эйвери покачала головой. — Увидимся завтра в обед.

С нетерпеливым вздохом она закончила звонок и обернулась, замерев, когда увидела меня. Ее щеки заалели, а глаза расширились.

— Я, эмм, пришел проверить, в порядке ли ты. Я волновался, что Бэт сердилась на тебя, — предложил я, отчаянно пытаюсь не рассмеяться.

— Нет, она в порядке. Я встречаюсь с ней завтра в обед.

— Хорошо.

— Как долго ты там стоял?

Я пожал плечами.

— Я только вышел, когда ты повесила трубку.

— О, хорошо.

Ее облегчение было очевидным.

Я протянул руку.

— Г-готова... — я начал заикаться, не в силах сдержать смех, — идти, Эйвери? Здесь нет никаких звезд, которые можно увидеть прямо сейчас.

— Ты слышал!

Я преодолел расстояние между нами в два длинных шага и дернул ее к себе. Зарывшись руками в ее густые волосы, я притянул ее рот к своему и поцеловал.

Жестко. Глубоко. Влажно. Пока она не стала задыхаться, цепляясь за меня, как будто я был единственным, что держало ее в вертикальном положении.

— Мне нужно отвезти тебя домой... сейчас, — зарычал я, еще раз целуя ее. — Мне и моему члену нужна только ты. Мы хотим, чтобы ты показала нам, насколько сильно мы можем заставить тебя кончить снова.

— Твоя семья...

— В порядке. Домой. Сейчас, Эйвери.

— Хорошо.

— Мы должны лечь, Спрайт, — простонал я и потянулся. — Уже поздно, а утром нам надо работать.

— Мы лежим, Даниэль.

Я прижался губами к ее шее, шелкая языком по влажной коже.

— Верно. Я имел в виду сон. Нам надо поспать.

— Тогда прекрати делать это, — застонала она, когда мои пальцы коснулись ее ноги, прокладывая путь вверх по бедру к теплому центру.

Я ласкал ее, дразня и поглаживая.

— Я не могу.

Она выгнулась, маленький вздох желания вырвался из ее рта.

— Ты мог... если бы пробовал.

— Не могу. Я пристрастился, — признался я и скользнул одним пальцем в ее мягкость, наслаждаясь ее страстью.

— Ох... Боже...

— Больше, Эйвери?

— Да, да!

Я добавил еще один палец, медленно покачивая ими, надавливая пальцем на комочек нервов. Я опустил голову к ее розовому соску, втягивая его в рот, пока мой язык кружил по твердому пику. Еще один нуждающийся стон подтолкнул меня вжаться уже твердым членом в матрас, желая — *нуждаясь* — снова оказаться внутри нее.

Услышав ее признание Бэт, я отчаянно пытался не наброситься на нее прямо там. Потребовалось все мое терпение, чтобы забрать ее обратно и объяснить матери, что мне нужно отвезти Эйвери куда-то на встречу с другом. Мама не знала, что друг уже был там и отчаянно пытался выбраться из моих штанов к Эйвери. Они обнялись и договорились встретиться позавтракать на следующей неделе. Потом я прижал ее к машине и целовал до беспамятства, прежде чем отвез нас домой так быстро, как только мог, нигде не останавливаясь.

Мы едва добрались до двери, когда я прижал ее к стене. Наша одежда быстро исчезла, и я грубо взял ее, она выдохнула мое имя, когда я наполнил ее. Она впиалась пальцами в мои плечи, пока я врезался в нее жестко и быстро, не в состоянии остановиться. После этого я отнес ее в ванну и, в конце концов, мы очутились в постели, где провели остаток дня.

Позже мы медленно занимались любовью, и еще раз после обеда, но этого было недостаточно. Этого никогда не будет достаточно, когда дело касается Эйвери.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — взмолился я.

— Тебя... внутри меня... *пожалуйста*, Даниэль. Я так близко, — простонала она, судорожно цепляясь за мои плечи.

Я дал ей то, что она хотела — то, чего мы оба хотели.

Один толчок, и я был глубоко внутри нее. Мы качались и двигались в унисон, прижимаясь друг к другу так плотно, насколько это возможно. Наши рты сплелись, разделяя дыхание. Я обхватил ее затылок, накручивая длинные пряди волос на палец, в то время как мой язык вкушал и претендовал на ее рот. Эйвери обхватила меня ногами, руками исследовала мою спину, впинаясь пальцами в кожу, пока стонала и шептала мое имя.

Изголовье ритмично ударялось о стену, наращивая громкость, когда мы потеряли себя друг в друге. Постельное белье скомкалось и запуталось вокруг нас. В один момент Эйвери вскинула руку и сбила часы на тумбочке, каким-то образом активировав сигнал. Меня не волновало их настойчивое пиканье. Ничто не имело значения. Только она. Только мы.

По позвоночнику пробежала волна электричества, когда я почувствовал приближение оргазма. Тело опалило огнем, и я выругался, умоляя ее кончить со мной. Ее тело задрожало, крики стали громче, и она взорвалась вокруг меня с моим именем на губах. Я врезался в нее глубоко, жестко двигаясь, ее имя стало неистовой мольбой, когда я содрогнулся над ней.

Задышающийся и удовлетворенный, я рухнул в ее объятия. Она осыпала нежными любящими поцелуями мою голову и щеки, пальцами поглаживая мой затылок. Я задрожал от теплоты ее прикосновений, обожая, как это ощущается.

Я перевернулся, заворачивая ее в свои объятия. Она идеально вписывалась в мои руки; точно так же как она вписывалась в мою жизнь.

Я оставил затяжной поцелуй на ее лбу.

— Я не могу отпустить тебя сейчас.

— Я не хочу, чтобы ты отпускал.

Я погладил мягкую кожу ее плеча.

— У меня большой дом.

— Я знаю это.

— Много места, чтобы поделиться... — я поцеловал ее в губы, — и расширяться.

Кроме участвовавшего дыхания, она молчала.

— Насколько ты привязана к городской жизни и твоей квартире?

— Даниэль.

— Я знаю, — заверил я ее. — Я знаю, что это безрассудно.

— Это безумие.

— Да. Меня это не волнует.

Она вздохнула.

— Мой договор заканчивается через три месяца. На моем столе лежат бумаги, чтобы переподписать.

Я поднял ее подбородок и заглянул в красивые глаза.

— Не подписывай.

— Я...

— Я знаю, что это быстро. Я знаю, что это безумие. Но это правильно. Мы правильны. Скажи мне, что ты чувствуешь, насколько мы — *все это* — серьезно.

— Я чувствую.

— Не подписывай, Эйвери, — умолял я. — Подумай об этом. Пожалуйста.

— Хорошо, я подумую.

Я потянул ее обратно к груди.

— И Эйвери?

— Хм?

— Вероятно, скоро я отправлю тебе смс, в котором снова скажу, что люблю тебя, — я выпустил длинный выдох. — Только на этот раз это не будет ошибкой.

Я почувствовал ее слезы на своей груди.

— Я бы хотела этого, — прошептала она.

Я поцеловал ее в голову.

— Хорошо.

Эйвери

Бэт понимающе мне ухмыльнулась, изогнув бровь.

— Я не надену какое-нибудь уродливое зеленое платье на твою свадьбу, Эйвери.

— Немного рано говорить о свадьбе, Бэт, — фыркнула я, положив вилку и взяв бокал вина.

— Ты все выходные провела с ним. Ты забыла обо мне. Твоей лучшей подруге.

— Я в курсе.

— У тебя был секс с ним.

— Да.

— Много раз.

Я улыбнулась воспоминаниям, порхающим в моей голове. Шаловливые руки Даниэля. Его греховный талантливый рот. Его сильное мускулистое тело. Его массивный...

Я тяжело сглотнула, пытаюсь успокоить учащенное дыхание.

— Да.

Она постучала по моему телефону. Как только я села, она схватила его, пролистывая наши сообщения и подпрыгивая на стуле от восторга.

— Он обожает тебя. Он говорит это — неоднократно. Он в полушаге от слова на букву

«Л».

— Я знаю.

Она изучала меня мгновение.

— Ты любишь его.

Я вздохнула.

— Мне кажется, что да, — я покачала головой. — Как это вообще возможно?

— Такое бывает.

— В сказках и, возможно, с другими людьми. Не со мной.

Она изучала меня поверх своего бокала.

— Почему не с тобой?

— У меня не было удачных отношений.

— М-да. Тебе не везло с парнями, особенно с последним. Я знаю, что Грант оказался полной задницей, и я знаю, что он не был милым с тобой. Я хочу врезать ему коленом по яйцам за то, что он сказал тебе, — она накрыла мою руку и мягко сжала ее. — Но разве ты не видишь? Даниэль отличается. С ним все по-другому.

— Я знаю. Он потрясающий. Это кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой.

— Или, может, твоя удача меняется. Лови ее, Эйвери. Я никогда не видела тебя такой счастливой.

— Я счастлива. Он заставляет меня чувствовать себя особенной.

— Как?

Я пожала плечами, не зная, как это описать.

— Он смотрит на меня с таким выражением на лице, как будто все, что он видит, идеально. Все, что я считаю неправильным, он считает правильным, — я вздохнула. — Он заставляет меня чувствовать себя красивой.

— Думаю, здесь нечто большее.

— Больше?

— Ты держишь себя по-другому. Ты не прячешься. Я думаю, что он вытаскивает наружу твою уверенность.

Я думала об этом, и мне пришлось согласиться. Я чувствую себя более уверенно. Даниэль заставляет меня чувствовать себя таким образом. Красивой. Уверенной в себе. Самодостаточной.

Бэт улыбнулась мне.

— Ты всегда была самодостаточной, Эйвери. Я много раз говорила тебе, что ты прекрасна. И если Даниэль дарит тебе такие ощущения, держись за него.

Очевидно, я говорила вслух — опять. Я улыбнулась подруге.

— Я планирую это.

— Хорошо, — она подмигнула мне и смягчила разговор. — Мне даже не нужно спрашивать, насколько он хорош в постели. Ты сегодня немного смешно ходишь.

— Ты уже спросила. Много раз.

— И ты постоянно меняешь тему.

— Как работа?

Она закатила глаза.

— Дай мне зацепку. Я знаю, что это личное, и все понимаю, но хоть что-нибудь!

Я задумалась, накручивая пасту на вилку, чтобы потянуть время. Сегодня я была немного жадной. Все равно, я не могла скрыть своего счастья. И умирала от желания

рассказать ей все, но я была более сдержанной, чем подруга.

Бэт наклонилась вперед и понизила голос.

— Он зверь в постели, не так ли?

Я повела плечами и встретилась с ней взглядом.

— Если мы добираемся до постели... Даниэль равнодушен к стенам, — я подмигнула. — Более того, он как секс-машина.

У нее отвисла челюсть, и она начала смеяться.

— Я знала, что в тебе это есть.

— Неоднократно, на самом деле.

— Ююхууу! — воскликнула она. — Вот о чем я говорю!

Она взяла вино.

— Никакого уродливого зеленого платья.

Я сдалась.

— Ты можешь выбрать любое платье, какое захочешь.

— Это все, о чем я прошу.

Мы улыбнулись друг другу, чокнулись нашими бокалами и выпили.

Я накинула пиджак на плечи, поглядывая на часы в моей гостиной. Еще час, и Даниэль придет.

Последние две недели были беспокойными для нас обоих — даже выходные. Кейтлин и Стивен уехали в отпуск, и хотя у него был временный ветеринар на замену и другой администратор, это было одно из самых оживленных времен года в клинике.

— *В хорошую погоду домашние животные более уязвимы. Они больше гуляют, это приводит к тому, что животные убегают и теряются. Собаки и кошки, которые никогда не выходили со двора, попадают под машину или умирают, — констатировал он грустно. — Я видел слишком много случаев этого. Или слишком много случаев, когда владельцы забывают убедиться, что их питомцы не обезвожены или находятся в прохладном месте, где есть тень, — он покачал головой. — В некоторые дни труднее, чем в другие.*

Вчера вечером он появился у моей двери усталый и расстроенный. После того как я заставила его что-нибудь выпить, он рассказал мне о том, что потерял собаку, потому что хозяин «забыл» впустить ее в разгар дня и не заполнил миску с водой.

— *Я сделал все, что мог, — сказал он со слезами на глазах. — Я не смог спасти ее.*

Я крепко обняла его, позволяя отпустить боль. Он неустанно работал для всех своих клиентов, но я знала, что некоторые владельцы животных были лучше, чем другие, когда дело касалось ухода за питомцами. Для кого-то, как Даниэль, это была загадка. Для него, если вы любите вашего питомца, вы позаботитесь о нем.

К сожалению, это не всегда так. Он очень тяжело переживал, когда животное умирало, хотя был очень силен в клинике. Я уже видела его более уязвимые стороны и была рада, что он чувствовал себя достаточно комфортно со мной, чтобы позволить ухаживать за ним, когда у него было слишком много проблем.

Он все еще выглядел расстроенным и уставшим, когда проснулся этим утром. Он крепко прижимал меня к себе всю ночь, но я знала, что он не спал. Каждый раз, когда я просыпалась, его пальцы бегали по моему телу, рисуя абстрактные узоры на коже. Когда я посмотрела на него, он поцеловал меня в лоб и в губы, а потом прижал мою голову обратно к своей груди.

— Спи, Спрайт.

— Но ты...

— Пока ты здесь, я в порядке. Просто позволь мне обнимать тебя.

Я изучала его, пока он натягивал одежду в тусклом утреннем свете.

— Ты хочешь, чтобы я отменила сегодняшний вечер?

Он оперся рукой на кровать, обхватив мою шею, когда наклонился ближе.

— Нет. Я в порядке. Я с нетерпением жду, чтобы провести вечер с моей девушкой и встретиться с ее друзьями. Не менять наши планы, — он нежно поцеловал меня. — Ты все еще собираешься приехать ко мне вечером, чтобы мы поехали вместе?

Это был самый логичный поступок. Тогда моя машина стояла бы возле его дома на выходные, и я могла поехать на работу в понедельник утром.

— Да.

Он мгновение смотрел на меня.

— Ты знаешь, если бы ты только переехала, мы не проводили бы эту дискуссию каждые выходные, — он вздохнул. — Мы будем вместе каждую ночь.

Я постаралась не вздыхать. Становится все труднее отказывать ему каждый раз, когда он спрашивает.

— Даниэль...

Хмурый взгляд искажил его черты.

— Слишком рано, я знаю. Хотя все равно буду продолжать спрашивать.

— Я знаю.

— Подумай о кухне. Ты любишь мою кухню.

Я оттолкнула его, не в силах скрыть улыбку.

— Да, мне нравится твоя кухня. А ты любишь то, что из нее выходит.

Он наклонился вперед, его лицо было так близко, что я могла чувствовать, как его дыхание омывает мою кожу.

— Я люблю, когда ты на моей кухне. В моем доме. Я хочу сделать его нашим домом.

Наш дом.

— Мне нужно немного больше времени.

— Предложение открыто, и есть щедрый бонус за скорый переезд.

— Какой?

Он притянул меня к своей груди, жадно целуя.

— Я, — пообещал он. — В любое время, в любом виде, все, что захочешь.

— Даже душ?

Его глаз потемнели, печаль исчезла. Мы уже несколько раз использовали скамейку, которую он поставил в душе.

— Особенно душ.

— Я подумую.

— Жестко подумай.

Опустив руку, я обхватила его эрекцию.

— Я думаю, что у тебя уже есть кое-что жесткое.

Он стащил рубашку через голову.

— Давай посмотрим, насколько ты любишь это «жесткое».

Я задрожала, вспомнив о том, как его тело накрыло мое, и он заполнил меня. Он, безусловно, был убедителен.

Сегодня вечером я официально представлю Даниэлю Бэт и Райана. Я очень волновалась и переживала — примерно так же я чувствовала себя, когда знакомилась с его родителями. Я хотела, чтобы они понравились ему, но даже если нет, это все равно не мешает мне встречаться с ним. Бэт была права, я уже была влюблена в него. Даже моя мама прокомментировала то, насколько жизнерадостными были последние два звонка. Хотя я призналась, что встретила кого-то, я была довольно сдержанной. Мои немолодые родители были очень защищающими, и они бы пришли в ужас, узнав, насколько уже глубоки мои чувства к Даниэлю. Этот разговор лучше оставить для их следующего визита, который состоится осенью. Конечно, если Даниэль продолжит в том же духе, к тому времени я уже буду жить с ним.

Зазвонил мой телефон мелодией Даниэля, и я сняла трубку.

— Привет.

Его голос был усталым.

— Привет. Я опоздаю. В последнюю минуту возникла экстренная ситуация.

— Нет проблем. Я позвоню Бэт. Хочешь, встретимся там?

— Предлагаю тебе приехать и привезти свои вещи, тогда мы можем поехать вместе. Так тебе не придется ехать в темноте.

Я попыталась не закатить глаза на его покровительство, но потерпела неудачу. Я знала, что он сделал это, потому что заботился.

— Конечно. Я могу приехать прямо сейчас.

— У тебя есть ключи?

— Да.

— Хорошо. Увидимся дома.

Я повесила трубку, думая о том, что он сказал. Его место ощущалось как дом. Я задавалась вопросом, как долго я буду сопротивляться соблазну его дома, кровати и постоянной компании. Наверное, недолго.

Мы остановились перед рестораном. Было уже поздно, но Бэт настояла, что все в порядке, и Даниэль хотел пойти. Он был тихим, усталость запечатлелась на его лице, и я знала, даже не спрашивая, что он потерял еще одного пациента. Я позволила ему собраться с мыслями, пока сама цеплялась за свою жизнь, в то время как он несся в сторону города.

Он выключил мотор и посмотрел в мою сторону, хмурясь.

— Ты можешь отпустить ручку, Спрайт. Мы приехали, совершенно безопасно.

Я повернулась на своем сиденье.

— *Это* был твой кратчайший путь?

— Да.

— Ты ехал, как Марио Андретти! *(п.п. — гонщик Формулы 1)*

Он не смог сдержать смех.

— Я едва ли ехал на предельной скорости. Это казалось быстро, потому что нам не пришлось притормаживать, и вокруг не было никаких других машин, вот и все.

Я покачала головой.

— Нет, ты ехал слишком быстро.

— Я понимаю, для кого-то вроде тебя это казалось быстро, но, уверяю тебя, это не так.

Мне не понравился его тон. Он был почти покровительственным.

— Кто-то вроде меня?

Он выпрыгнул из машины, подошел к моей стороне и открыл дверь, протягивая руку.

Я проигнорировала его и сама сползла с грузовика. Должна признать, с его помощью было намного легче, когда он поднимал меня, но я пыталась доказать свою точку зрения.

Я уставилась на него.

— Кто-то вроде меня? — повторила я, скрестив руки. — Ты имеешь в виду женщин?

Он передразнил мои действия.

— Да, девяностолетняя женщина по имени Глэдис.

Глэдис?

— Я не вожу, как девяностолетняя женщина.

— Эйвери, ты водишь.

— Я просто осторожный водитель, в отличие от тебя.

Он прищурил глаза.

— Я осторожен. Твое вождение гораздо опаснее, чем мое. Даже не хочу говорить о том, как ты поворачиваешь.

— А что, собственно, в этом плохого?

— Ничего, если тебе девяносто, ты плохо видишь и хочешь задержать остальных.

— Ты проехал со мной дважды! Как ты можешь такое говорить?

Он пожал плечами.

— Потребовался только один раз, чтобы понять, как напряжена ты за рулем, поэтому я предлагаю себя как водителя, когда мы выходим вместе, — он склонил голову на бок. — Ты когда-то попадала в аварию? Поэтому ты не любишь водить?

— Я никогда не попадала в аварию!

— Кто учил тебя водить?

— Моя мама.

— Ах, ну это все объясняет.

— Прости?

— Ты сама сказала, что твоя мать пожилая. Она передала свои нервные привычки тебе.

— Забери свои слова обратно! Ты не знаешь мою мать и не можешь просто фонтанировать дерьмом!

Он изогнул бровь.

— *Дерьмо, Эйвери? Ты проверяешь дорогу не менее шести раз перед сменой полосы движения, ты едешь медленнее нижнего предела скорости, а на прошлой неделе тебе понадобилось целых пять минут, чтобы припарковаться — и не было никаких машин вокруг. Это не дерьмо — это факт, — он покачал головой, нахмурившись. — Ты превращаешься в старуху за рулем. Чрезмерно осторожную зануду. Тебе нужно научиться расслабляться. Иначе несчастный случай не за горами. Реальная опасность.*

Память незамедлительно выдала картинку, где Грант стоит передо мной, глумясь.

— *Ты такая скучная, Эйвери — настоящая зануда. Состарилась раньше времени. Кроме того, ты странно выглядишь, честно говоря, ты мне надоела. Буду рад не иметь с тобой ничего общего.*

На глаза навернулись слезы. Даниэль чувствовал то же самое?

— Мне жаль, что я доставила тебе столько проблем.

— Не перевирай мои слова. Я этого не говорил.

— Именно так, — я втянула судорожный вдох. — Я позвоню Бэт и отменю встречу. Думаю, что это даже к лучшему.

— Неужели это так? Ты хочешь уйти?

— Я хочу, чтобы ты ушел.

— Сейчас ты ведешь себя по-детски.

Его слова ужалили.

— Хорошо, тогда это к лучшему, если ты не застрял с моим детским опасным поведением в этот вечер, не так ли?

— И как ты доберешься домой? Пешком? — он провел рукой по волосам, больше не улыбаясь и не дразня. Его глаза сузились от гнева, когда он впился в меня взглядом. — Я полагаю, так ты бы добралась быстрее, чем за рулем, — добавил он с сарказмом.

Это было все — я устала от этого разговора.

— Это не твоя забота. Бэт позаботится, чтобы я попала домой. А ты вернись домой своим кратчайшим путем и погладь себя по спине, что сэкономил свои драгоценные четыре минуты таким мужественным способом.

Я развернулась на пятках, направляясь к ресторану. Наполовину я ожидала, что он выкрикнет мое имя или пойдет за мной, но услышала лишь хлопок двери автомобиля и визг шин на асфальте, когда он сорвался с места.

Я повернулась в тот момент, когда его машина исчезла за поворотом. Слезы затуманили мой взор. Как это случилось? В один момент мы были в порядке, и вдруг так безобразно поссорились. Я никогда не слышала от Даниэля столько критики. Мою грудь сдавило от мысли, что его мнение обо мне меняется.

Дрожащими руками я достала свой телефон, чтобы написать Бэт и отменить встречу, но было слишком поздно. Ее машина остановилась, и она махнула, недоуменно посмотрев на меня, когда поняла, что я была одна.

Она припарковала машину, и они с Райаном подошли. Она обняла меня.

— Где же Даниэль? Он пошел занять столик?

Я сделала каменное лицо.

— Нет. Я как раз писала тебе. Произошла чрезвычайная ситуация — он должен был уехать. Он просил извиниться перед вами. В клинике выдалась плохая неделя.

— О, нет! — она нахмурилась и взглянула на Райана. — Я с нетерпением ждала возможности познакомиться с ним.

— Вы, ребята, идите ужинать. Я просто пойду домой, и мы перенесем.

Она взяла меня за руку.

— Ни в коем случае. Тебе тоже надо поесть. Мы поужинаем и отвезем тебя домой. А на следующей неделе мы поужинаем все вместе. Верно?

Кивнув, я позволила ей тащить меня к ресторану. Я не знала, как сказать ей, что для нас с Даниэлем может не быть следующей недели.

Я скользнула в свое кресло после возвращения из уборной. Проверив свой телефон, я разочарованно вздохнула, но не удивилась отсутствию сообщения от Даниэля. Мои пальцы зависли над клавишами. Я хотела отправить ему сообщение и убедиться, что он вернулся домой. Я не шутила, говоря ему о том, что мне не нравился его короткий путь. Дорога была узкой, извилистой и полной глубоких ям — больше похожа на проселочную дорогу. Я могла только представить, на что это было похоже в дождливый день, а учитывая настроение, в котором он пребывал, когда уехал, думаю, что он даже не будет рассматривать ограничение скорости. Я уставилась на экран, затем бросила телефон обратно в сумочку. Если он не

пишет, возможно, я должна оставить его сейчас. Пусть остынет, а я пока попробую успокоить свои оскорбленные чувства.

Я взяла бокал вина, делая глоток.

— Где Райан?

— Джон забрал его. Они пошли за пивом и крыльями.

— Что? Почему?

Она понимающе взглянул на меня.

— Чрезвычайная ситуация, Эйвери? Судя по твоему страдальческому лицу, я бы сказала, больше похоже на большую ссору.

— О, эм... — я споткнулась о свои слова. — Я думала, что скрыла это.

Потянувшись через стол, она схватила мою руку.

— Может быть, от других людей, но ты моя лучшая подруга. Ты не можешь спрятаться от меня.

Я сжала ее пальцы.

— Райан не должен был уходить.

Она пожала плечами.

— Он в порядке. Сегодня игра, и он так же счастлив позависать с Джоном и посмотреть телек, набивая рот крыльями и пивом. Он решил, что здесь не так много хорошей еды.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы можем уехать.

— Нет, пока ты не расскажешь мне, что случилось.

— Я не знаю, что случилось. В одну минуту он дразнил, а в следующую... уже нет. Он явно ненавидит мой стиль вождения, — я встретила сочувственный взгляд Бэт. — Он сравнил меня с девятилетней женщиной с очень плохими привычками.

Я ожидала ее немедленного отрицания или вспышку возмущения от моего имени.

Вместо этого она посмотрела на стол, пальцем прослеживая дизайн на скатерти.

Я изумленно уставилась на нее.

— Ты согласна с ним?

— Ты, умм, слишком осторожна.

— Он сказал, что я зануда.

Она уставилась на меня.

— То же самое сказал Грант, когда вы расстались.

Я вытерла побежавшую по щеке слезу.

— Я знаю, что это глупо...

— Нет, — она прервала меня, — это не глупо. Он сказал кое-что, что напомнило тебе о болезненном времени, и тебя это задело, — ее голос смягчился. — Тебе больно, потому что его мнение имеет значение.

— Это так, — засопела я. — Я сказала ему, что не хочу больше на ужин, а он сказал, что я веду себя как ребенок.

— Я бы сказала, что он единственный, кто ведет себя по-детски.

— Он устал, — настаивала я. — На этой неделе он потерял несколько животных, и это его расстраивает. Он много работал, и так как Кейтлин со Стивеном в отпуске, это все легло на его плечи... — мой голос затих, когда я посмотрела на Бэт. — Что?

— Послушай себя, ты защищаешь его. Ты расстроена и обижена, но не сказала о нем ничего плохого.

— Он был ослом? — предложила я, хоть это звучало не слишком убедительно.

Она запрокинула голову и засмеялась.

— Не похоже, что ты так думаешь.

— Поверь. Но я знаю, как это трудно для него. Он приезжал ко мне по ночам и выглядел таким уставшим на этой неделе. Наверное, я не должна удивляться, что он не в себе.

— Итак, он прощен?

Я провела рукой по волосам.

— Нет. Нам нужно поговорить, и он должен извиниться. Если только он позвонит.

— Он позвонит. Я уверена, что он так же расстроен, как и ты.

— Моя машина стоит возле его дома.

— Я отвезу тебя туда, чтобы забрать ее. Ты можешь остаться у меня сегодня вечером, а завтра рано утром мы поедем и заберем ее, прежде чем он проснется. Пусть поволнуется немного, ладно?

— Райан?

— Он проведет большую часть ночи с Джоном. У нас будут все выходные. Сегодня только ты и я. Давай возьмем пиццу, будем обсуждать наших мужчин и сочувствовать друг другу. Вернемся к милым подружкам утром, ладно?

Еще одна слеза скатилась по моей щеке.

— Что, если?..

— Это ссора. Разногласия, вызванные плохим настроением, усталостью и неправильными словами. Это не конец.

— Мы начали так жарко, может быть, это было...

— Нет. Все будет хорошо. Это лишь один плохой день. Вот увидишь.

Я сделала глоток вина. Я надеялась, что она была права.

Бэт взглянула на меня, нахмурившись.

— Я отвезу тебя к дому.

Мы припарковались у входа в клинику, недалеко от шоссе.

— Нет. Это разбудит его и побеспокоит животных в клинике. Я пойду и заберу свою машину.

— Что насчет твоих вещей?

— Это всего лишь моя сумка. Мне придется либо пойти и забрать ее, когда я буду возвращать ему ключ, либо я буду использовать ее в следующий раз, если мы разберемся в этом.

— Ты сможешь.

Я вздохнула устало и растерянно. Несмотря на количество вина, которое я выпила, и смех, который мы разделили, когда «обсуждали» наших мужчин, я плохо спала. Правда заключалась в том, что нечего было обсуждать, и даже Бэт пришлось потрудиться, чтобы найти причины пожаловаться на Райана. Мы закончили разговор так же, как всегда, когда были вместе. Хотя во мне было достаточно алкоголя, чтобы я поделилась несколькими более интимными подробностями, чем я обычно раскрывала.

Вернувшись в квартиру Бэт, я продолжала проверять свой телефон. Несколько раз начинала писать Даниэлю, но потом стирала то, что писала, только чтобы некоторое время спустя начать процесс заново. От него не было ни одного сообщения, сначала это злило меня, потом я смирилась. Мой телефон умер около часа ночи, а зарядка осталась в сумке у

Даниэля, так что мне придется подключить его к запасной после того, как я вернусь домой.

Я открыла дверь и выскользнула.

— Я буду в порядке. Мы поговорим позже, ладно?

Она вздохнула, смирившись.

— Хорошо. Ты уверена, что не хочешь, чтобы я подождала тебя?

— Нет. Я возьму свою машину и поеду домой.

— Отлично. Позвони мне позже.

Я наблюдала, как она поехала, помахав мне, потом повернулась и поплелась вдоль дороги мимо ветеринарной клиники. Было еще рано, тихо и вокруг ни души. Прежде чем согласиться остаться на ночь, я должна была помнить, что бессмысленно тягаться с Бэт, которая вставала на рассвете независимо от того, в какое время легла спать. Поскольку было еще довольно рано и у меня впереди был длинный день, я решила, что, возможно, пойду в офис на некоторое время. У меня было много работы, и там никого не было, я бы могла сделать намного больше.

Я завернула за угол и остановилась. Моя машина была припаркована там же, где я ее оставила, но теперь машина Даниэля была припаркована за ней под углом таким образом, чтобы я не могла объехать. Я двинулась вперед, обходя мою машину и ругаясь себе под нос. На этого *мерзавца*. Он запер мою машину, и я могла выбраться, только попросив его убрать свой автомобиль. Я сердито вздохнула. У него хватило наглости называть *мое* поведение детским!

Расстроенная, я заглянула в окно его машины и была удивлена, увидев ключи в замке зажигания. Обычно он оставлял их, когда парковался в гараже, но забирал, если оставлял машину снаружи.

Как мне повезло, что он забыл их. Я отгоню его машину, потом сяду в свою и уеду.

Он, несомненно, еще спит или занимается — он никогда не узнает об этом.

Легко.

Эйвери

Я скользнула на водительское сидение, закрыла дверь и осмотрела кабину. Рядом с моей маленькой «Короллой» машина Даниэля казалась огромной. Я посмотрела в зеркало заднего вида и сделала успокаивающий вдох. Поискав вокруг, я нашла механизм,двигающий сиденье ближе к рулю. У Даниэля были очень длинные ноги.

— Ты можешь сделать это, Эйвери, — пробормотала я.

Я повернула ключ, морщась от громкого звука ожившего двигателя. Расправив плечи, я поправила зеркало и поставила грузовик на скорость. Когда я подняла ногу с тормоза, большой автомобиль пошатнулся, и я ахнула. Этот автомобиль был более мощным, чем то, что я обычно водила, и я молилась не врезаться во что-нибудь, пытаясь сдвинуть грузовик Даниэля.

Легкий стук в окно со стороны водителя испугал меня, и моя рука взлетела к груди. Я обернулась и увидела за окном усталого Даниэля, смотрящего на меня. Он отступил, подняв руки в мольбе. Он был без рубашки, его широкая грудь казалась твердой в раннем утреннем свете, штаны висели низко на бедрах. В его глазах больше не было гнева и злости, и мы молча смотрели друг на друга через стекло. Он снова постучал, я поставила машину на нейтральную скорость, а затем нажала на кнопку, чтобы опустить стекло.

— Обучаешься новой профессии, Эйвери? — его голос был плоским от усталости. — Будешь заниматься угоном авто в случае, если не пойдет карьера бухгалтера?

— Я не пыталась *угнать* твой грузовик, — ответила я. — Я просто хотела подвинуть его, чтобы получить доступ к моей машине.

— Я знаю, что ты не угоняла мою машину. Я пришел сюда, чтобы посмотреть, нужна ли тебе помощь.

— Правильно, потому что я не могу переместить твой грузовик без твоей помощи, — мой гнев опять начал пузыриться.

Он вздохнул и потер свое лицо.

— Ты действительно снова хочешь ссориться из-за этого? — спросил он мягко.

— Я изначально не хотела ссориться из-за этого.

— Я тоже. Я хотел только подразнить... и вдруг мы спорим. Затем ты послала меня.

— Я не думаю, что было хорошей идеей встретиться с моими друзьями, когда мы злились.

— Наверное, нет, — открыв дверь, он втиснулся в кабину грузовика, его мускулистое тело прижалось к моему, его лицо было так близко, что я могла чувствовать горячее дыхание на своих щеках. — Но мне это не понравилось.

— Я тоже была не очень счастлива.

Он прищурил глаза.

— Где ты была прошлой ночью?

— Я была с Бэт.

— Я искал тебя.

— Ты... ты искал?

Он кивнул, пристально глядя на меня.

Я видела, как истощение запечатлелось на его лице, темные тени пролегали под глазами.

— Я вернулся в ресторан, чтобы найти тебя, но хозяйка сказала, что ты уехала. Потом поехал в твою квартиру, но тебя там не было. Я ждал некоторое время, но ты так и не появилась.

— Я осталась ночевать у Бэт. Мы выпили, и она не хотела, чтобы я ехала домой, — я сделала паузу, чтобы взять себя в руки. — Она привезла меня сюда сегодня утром, чтобы я забрала свою машину, я не хотела беспокоить тебя.

— Ты не хотела беспокоить меня, или ты не хотела меня видеть?

— Я не знала, захочешь ли *ты* видеть меня, — призналась я.

— Пройшей ночью я сидел перед твоим зданием в течение трех часов, Эйвери. Я приехал домой, побыл некоторое время, поехал обратно в город и немного подождал, но ты не вернулась домой, — он глубоко вздохнул. — Я так волновался за тебя. Я предполагал, что ты с Бэт, поэтому подумал, что тебе нужно немного времени. Я надеялся увидеть тебя сегодня.

— Ты не позвонил.

— Я был уверен, что ты проигнорируешь мои звонки, и то, что я должен был сказать тебе, не хотел говорить по телефону. Я звонил позже, когда не смог найти тебя или перестать беспокоиться, но вызов шел прямо на голосовую почту.

— Мой телефон умер, а зарядник в сумке здесь.

— Да, я видел его в боковом кармане. Я подумал, что ты в любом случае появишься здесь, чтобы забрать машину. Я ждал тебя всю ночь.

— Поэтому ты решил заблокировать машину, чтобы остановить меня?

Не говоря ни слова, он потянулся вперед, выключил двигатель, затем стянул меня с

сиденья и вытащил из машины. Поднял меня на руки и прижал к машине, придавив к холодному металлу грузовика своим телом.

— Я не мог рисковать, что ты уедешь. Не прежде чем я смогу поговорить с тобой.

— Тогда поговори со мной.

— Я хочу извиниться за прошлую ночь. Понимаю, то, что я сказал, было обидно, и хотя я не имел это в виду, так получилось. Я устал и был напряжен, но это не оправдание, — он вздохнул. — Это было глупо, и я сожалею. Больше, чем могу передать.

— Я тоже прошу прощения.

— За что ты извиняешься, Спрайт?

Я пожала плечами, чувствуя себя неловко.

— Я нервный водитель. Всегда была.

— Все равно, это не дает мне права дразнить тебя или вести себя таким образом.

— Я слишком остро отреагировала.

— Мы оба по разным причинам. Я переутомился, не думал и был идиотом, — он помедлил и коснулся моей щеки кончиком пальца. — И я думаю, что мои слова напомнили тебе о чем-то болезненном, я прав?

— Да.

— Расскажи мне.

— Мой последний парень был не очень высокого мнения обо мне и любил указывать на все, что я делала неправильно, а к концу наших отношений, казалось, я почти все делала не так. В день расставания он сказал мне много гадостей, включая то, что я была скучной занудой, одной сплошной проблемой, и он был рад избавиться от меня.

— И я сказал то же самое.

Я прикусила губу, не уверенная, смогу ли говорить. Мое горло сдавливали эмоции.

— Я не хочу избавляться от тебя. Я хочу быть с тобой — всегда, — он медленно наклонился вперед, его голос смягчился. — Я думал — сойду с ума, когда не мог найти тебя. Все, о чем я мог думать, что разрушил лучшее, что когда-либо было в моей жизни.

— Все, о чем я могла думать, что я не совершенна в твоих глазах, — призналась я, мои глаза наполнились слезами.

— Ты совершенна, — подчеркнул он. — Ты идеальна для меня.

— Плохое вождение и все такое?

— Ты не плохой водитель — чрезмерно аккуратный, но не плохой. Мне жаль, что я сказал это, — он сжал мои бедра. — Ты можешь простить меня?

— Да. Я прощена?

— Всегда. Это была ссора. Мы собираемся двигаться вперед — это не конец. Ты действительно так думала?

Когда я кивнула, признавая свой страх, облегчение затопило меня, и слезы потекли по моим щекам. Он нежно вытер их.

— Нет, Спрайт. Это не так. Даже не близко. Не плачь.

Я шмыгнула носом.

— Прости. Думаю, я просто девочка.

— Моя девочка, — заявил он твердо. Даниэль уставился на меня, его взгляд трансформировался из серьезного и грустного в более теплый и мягкий. — Полагаю, это была наша первая ссора.

— Да, наверное.

Его руки скользнули по моей талии, и он уронил голову на мою шею.

— Ты знаешь, что это значит? — его горячее дыхание ласкало мою кожу, заставляя дрожать.

— Что?

— Это означает, что сейчас мы должны помириться, — он поднял голову, выражение его лица было озорным.

— Ты уверен?

— Да, — он сдвинулся, поднимая меня выше, так, чтобы я обернула ноги вокруг его талии. — На самом деле, мне очень нужно помириться с тобой — *жестко*.

Я вздрогнула, когда он накинута на меня, показывая, как сильно намеревался наверстать упущенное. Наши глаза встретились: встревоженные зеленые и интенсивные синие. Его теплое подтянутое тело придавило меня к твердому холодному металлу — контраст настолько сильный и все же такой правильный. Он крепче схватил меня за бедра, потирая маленькие круги на коже, пальцами путешествуя вверх. Проник под мою рубашку, скользя по голой плоти, заставляя мое дыхание участиться.

— Я не знал, получу ли шанс снова прикоснуться к тебе, — он проследил мочку уха своим языком. — Почувствовать, насколько мягкая у тебя кожа. Как ты реагируешь на меня, — продолжил он, сжимая мою грудь своими большими руками, лаская соски.

Я крепче сжала ноги на его талии, выгибаясь в его объятиях и выдыхая его имя.

— Ты все еще моя?

— Да, — взмолилась я.

Его губы парили над моими.

— Что, если я хочу тебя прямо здесь, на моей машине, прямо на улице? Что, если я хочу услышать, как ты выкрикиваешь свое прощение на рассвете?

Я обняла его за шею.

— Да.

Его губы врезались в мои в голодном, жестком и отчаянном поцелуе. Наши языки запутались, нажимая и поглаживая с возрастающей потребностью. Его рот утверждал свои права на меня, воруя мое дыхание, оставляя меня жаждать большего. Так было каждый раз, когда он целовал меня. Только на этот раз в его ласках была грань — отчаяние, которое мы оба чувствовали.

Даниэль бродил руками по моей коже, касаясь, дразня, его пальцы были неутомимы; он схватил ткань моей рубашки, скользя вверх, чтобы ласкать мою грудь, потом вернулся обратно, сжимая мой зад и придавливая меня к себе.

— Ты на вкус так чертовски прекрасна, — он проследил языком по моей нижней губе. — Сколько леденцов ты съела сегодня утром?

— Семь, может быть. Я не знаю, потеряла счет. У меня ни одного не осталось, — призналась я шепотом. Я хрустела ими все утро.

— Черт побери, я хотел украсть один.

— Я дам тебе позже.

Он снова поцеловал меня, еще глубже на этот раз.

— Скажи мне, — приказал он низким голосом. — Скажи мне забрать тебя внутрь и заняться с тобой любовью.

— Нет, — выдавила я, сжимая его плечи, — я хочу тебя здесь. *Сейчас*.

Его рот был на моей шее, нежно покусывая зубами, пока он, задрав мою юбку, срывал с

меня трусики. Он провел пальцами вдоль моих складочек, застонав от гладкости, которую там встретил.

— Мне нравится, что ты все время носишь юбки. Это так удобно для меня, — его пальцы скользнули глубже, дразня меня. — Это для меня? Ты хочешь меня, Спрайт? *Скажи.* Скажи мне, как сильно.

— Я хочу тебя, Даниэль, — умоляла я, уронив голову назад на твердый металл, когда он скользнул двумя пальцами внутрь, двигаясь медленно и осторожно. — Ты мне *нужен.*

— Что тебе нужно?

— Ты. Мне нужно, чтобы ты меня *трахнул.*

Он прикусил мою шею.

— С удовольствием.

Нетерпеливый рывок, и он стащил свои штаны вниз. Один мощный толчок, и он был похоронен глубоко внутри меня, его тело вдавливалось в неумолимую сталь за моей спиной. Одной рукой он схватил меня за голову, другая лежала на моем бедре, когда он начал двигаться, его тело удерживало меня на месте. Его глаза не отрывались от моих — темные и пронзительные; желание и необходимость бурлили в них, пока он брал меня жестко и грубо.

Я схватилась за его широкие плечи, ногтями скользя по влажной коже. Потребность быть к нему как можно ближе, заставила меня обернуть свои руки вокруг его шеи. Я прижималась к нему, облизывая и целуя его шею, постанывая его имя, позволяя ему брать меня так, как ему хочется.

Он отвечал с рычанием и стоном, выдыхая мое имя. Зарывшись рукой в мои волосы, он оттянул мою голову назад, захватывая мой рот. Он окутал меня в свои объятия, крепко удерживая, его язык имитировал быстрые движения его бедер.

Мое тело напряглось, чувствуя приближение оргазма.

Движения Даниэля ускорились, его член яростно таранил меня, пока я выкрикивала свое освобождение в его рот. Он вздрогнул, изливаясь внутри меня, его тело успокоилось, когда он достиг кульминации, и моя киска сжалась вокруг него.

Поток дрожи прошелся вниз по его спине, и его тело расслабилось в моих руках. Он провел губами вдоль моей шеи и прошептал мне в ухо:

— Я чувствую себя прощенным.

— Так и есть.

Он улыбнулся в мою кожу.

Я пробежалась пальцами по его волосам, делая тихое признание:

— Я ненавижу водить машину. Я знаю, что плохо разбираюсь в этом, поэтому в основном хожу пешком. Я за рулем, наверное, хуже, чем старая леди.

Он немного отстранился, его лицо было близко к моему.

— Нет, я просто сказал это неправильно. Я знаю, что ты не любишь водить. Но я могу помочь тебе. Мы можем поработать над тем, чтобы ты была более расслаблена за рулем, — он провел пальцем по моей щеке. — Или, может быть, это значит, что я должен возить тебя сам и убережешь от опасности. Как только я смогу убедить тебя переехать ко мне, мы должны будем обсудить это.

— Ты все еще хочешь, чтобы я переехала?

— Более чем когда-либо. И однажды я смогу убедить тебя.

Он отступил назад, его член выскользнул, оставляя меня с чувством опустошения

внутри.

— Тем временем я провожу тебя в дом, мы приведем себя в порядок и немного поспим.

— Я собиралась поехать домой. Уверена, что у тебя сегодня еще много дел...

Я замолчала от напряженного взгляда на его лице.

— Все, что я хочу сделать сегодня, связано с тобой. Мы проведем выходные вместе, как и планировали. Мы поговорим, и я буду заниматься с тобой сексом по всему дому, — его губы скривились в кривоватой озорной улыбке, отчего в уголках глаз собрались лучики морщинок.

— Думаешь, ты справишься с этим, *старушка*?

— Я, конечно, могу попробовать.

Он приподнял меня выше, потянув прочь от грузовика. Крепко обхватил мою задницу руками и зашагал к дому.

— Тогда пойдем, халтурщица.

— Халтурщица?

Он громко засмеялся.

— Не нравится халтурщица, могу назвать тебя счастливой задницей. Разницы-то никакой (п.п.: в английском слово *bum* означает и лентяйка/халтурщица, и задница/попка).

Я пыталась бороться с улыбкой на его хромую шутку, но не смогла. Я была в его объятиях, выходные еще впереди, и мы были вместе.

Положив голову ему на плечо, я рассмеялась вместе с ним.

Даниэль

Эйвери крепко спала, укутавшись в одеяло и зарывшись головой в подушку. Я тоже спал, но недавно проснулся и теперь наслаждался ее нежным дыханием, дрейфующим по моей коже, пока она спала.

После катастрофы предыдущей ночи я был в восторге от нашего утра, и теперь она была рядом со мной. В моем мире все снова было хорошо.

Кейтлин всегда пеняла мне на то, что я не осознаю, каким тоном говорю временами, когда уставший, и прошлая ночь доказала правдивость этого. То, что предполагалось, как поддразнивание, вышло снисходительным. Это разрушило наши планы и привело нас к первому разногласию. На мгновение в это утро я заволновался, что мы собираемся продолжить ссориться из-за одного и того же аргумента, но нам удалось остановиться, прежде чем все начнется сначала.

Я ненавидел то, какой уставшей она выглядела, и знал, что она могла видеть то же истощение в моих глазах. Когда я добрался до нее, то просто хотел обнять и успокоить нас обоих, зная, что мы в порядке. Я не планировал трахать ее напротив моего грузовика. Однако каждый раз, когда я находился рядом с Эйвери, и близко была неподвижная поверхность, казалось, весь мой здравый смысл испарялся, и пещерный человек во мне выходил наружу. Как только я заключил ее в ловушку между металлом и собой, я должен был взять ее.

И я поймел ее — основательно.

Я провел костяшками вниз по ее щеке. Она сморщила нос и поджала губы, потом зарылась чуть глубже в подушку, заставляя меня хихикать. Она любила поспать.

Ее телефон зазвонил на полу, и, нахмурившись, я перевернулся на другой бок и потянулся вниз, чтобы найти ее юбку. Эйвери подключила его к зарядке, пока мы пили кофе, потом сунула обратно в карман, прежде чем мы легли спать. Он жужжал почти постоянно, и я подумал — возможно, это могло быть что-то важное. Мне пришлось сдерживать смех, когда

я засунул руку в карман ее юбки и вытащил оттуда не только телефон, но и множество пустых оберток от всех мятных конфет, которые она съела. Она сильно недооценила количество потребляемых конфет. В руке было с десяток фантиков — может, и больше. Я отправил их на пол и посмотрел на экран, увидев, что это подруга Бэт пытается связаться с Эйвери. Было несколько сообщений и два пропущенных звонка. Я понял, что Эйвери не сообщила ей, что она в порядке, и Бэт беспокоилась. Я напечатал короткое сообщение, давая понять, что это я, Эйвери в безопасности, спит, и у нас все в порядке. Ее ответ был быстрым:

Ты облажался. Не делай этого снова.

Я ответил:

Не планирую.

Она ответила незамедлительно:

Тебе лучше не делать. Будешь иметь дело со мной.

Мне нравилось ее покровительство. Эйвери нужны такие друзья, как Бэт. Через некоторое время я послал еще одно сообщение Бэт, спросив, могу ли восполнить предыдущую ночь и пригласить ее и Райана на обед. После того, как она согласилась, и мы назначили время и место, я вернулся обратно к Эйвери, уткнувшись в ее щеку.

— Эй, Спрайт, проснись.

Она открыла сонные глаза и посмотрела на меня.

— Привет.

Я быстро поцеловал ее, неспособный сопротивляться, но знал — если продолжу, мы никогда не выберемся из этой кровати.

— Мы должны встать. У нас свидание.

— Свидание?

— Мы встречаемся с Бэт и Райаном на обед.

— Хм, л-ладно? — ответила она, явно запутанная.

— Она постоянно тебе писала. Я ответил за тебя и предложил компенсировать прошлую ночь. Мы встречаемся с ними в час, — я скатился с кровати и наклонился, чтобы поднять фантики. — И мы должны поговорить о твоей любви к мятным конфетам, Эйвери. Ты, наверное, съела дюжину, если не больше.

— Ты проверял оба кармана?

Мои брови взлетели вверх, я схватил ее юбку и вытащил еще больше фантиков, добавив их к куче на кровати.

— Твой стоматолог, должно быть, любит тебя.

Она села, вороша пальцем кучу оберток.

— Обычно я не так плоха — только когда нервничаю.

— Или расстроена.

Она кивнула.

— Или расстроена.

Я завис над ней, оставив еще один поцелуй на ее губах.

— Мы купим еще по дороге на встречу. Я сделаю все возможное, чтобы убедиться, что тебе не надо снова вспоминать о них. Договорились?

— Договорились.

Я пошел в душ, затем обернулся.

— Эйвери...

— Да?

— Ты все еще должна мне конфетку. Я планирую забрать ее.

Она широко улыбнулась.

— Хорошо.

— Хорошо.

Эйвери

Я засмеялась, запрокинув голову назад, когда Бэт закончила очередную занимательную историю о наших совместных проделках. Большую часть обеда Даниэль громко смеялся из-за отсутствия фильтра у Бэт. Райан привык к ее развязности, уже не реагируя на ее смелые высказывания ничем, кроме усмешки.

Когда она начала разговор, спрашивая с сардонической усмешкой, кто ехал в город, я почувствовала, как Даниэль напрягся, и прищурила глаза в предупреждении.

— *Даниэль* вел свой грузовик.

Она хитро мне подмигнула.

— Вы приехали позже, чем я ожидала. Я подумала, может, *ты* ехала.

Я знала, что она пытается проверить обстановку и дразнит меня. Я взъерошила свои волосы.

— Мы задержались перед уходом.

— Да?

На этот раз я подмигнула.

— Душ был особенно приятным.

Даниэль начал хихикать.

Райан выглядел шокированным, и Бэт подняла руку.

— Дай пять.

Даниэль положил руку мне на плечо, притягивая меня ближе.

— Готов подписаться под этим.

Я повернулась к нему и подмигнула.

— Ты уже *был* готов.

Мы все засмеялись.

— Господи, я могу взорваться, — проворчала Бэт, откинувшись на спинку стула. — Я съела слишком много.

— Ты и выпила слишком много.

Она указала на меня.

— Кто бы говорил.

Я хихикнула, понимая, что она права. Мимоза сегодня была необыкновенна, и я довольно много выпила. Вся комната казалась немного нечеткой.

— Думаю, мне нужно отвезти тебя домой, чтобы еще немного поспать, — задумчиво произнес Даниэль, оторвавшись от внимательного просмотра меню десертов.

Я посмотрела на него, и у меня перехватило дыхание.

Он всегда такой красивый?

Его взлохмаченные волосы блестели под светом. Он не побрился сегодня, и его подбородок выглядел сексуально, покрытый щетиной. Я хотела облизать его. Темная оправа очков оттеняла его глаза, которые уставились на меня с интенсивностью, от этого взгляда я сжала бедра. В этот момент он выглядел совершенно ебабельно.

Мне нужно доставить его домой, и быстро.

Он наклонился ближе, его улыбка была настолько широкой, что глаза почти исчезли.

Он коснулся губами моего уха, пробормотав низким голосом:

— Фильтр, Спрайт. Я не уверен, что женщина за столом позади нас должна знать, насколько я ебательный.

Я хлопнула рукой по губам, и он засмеялся, потянув ее в сторону и целуя ладонь.

— Я отвезу тебя домой.

Бэт рассмеялась.

— Не знаю, что ты с ней сделал, Даниэль, но так держать. Мне нравится видеть эту *дикую* сторону в ней.

Взгляд Даниэля не отрывался от моего.

— Я планирую это.

Мы попрощались на стоянке. Бэт и Райан уехали с обещаниями еще раз встретиться в ближайшее время. Я прислонилась к борту грузовика, уставившись на Даниэля. Он подошел ближе, прослеживая пальцем по моей щеке.

— Мне нужно отвезти тебя домой.

Повернув голову, я поймала его палец губами, кружа по нему языком.

— Да, ты должен.

Его глаза потемнели. Он начал опускать голову, когда раздался голос позади нас.

— Даниэль?

Он повернулся шокированный.

— Карен?

Его твердое тело внезапно исчезло, и я наблюдала, как великолепная идеальная бывшая девушка бросилась в его объятия. Он рассмеялся, когда закружил ее, потом притянул к себе и крепко обнял.

Думаю, я зарычала. Я знала, что мои глаза сузились, спина напряглась, и эмоции, которые я никогда не испытывала, затопили мое тело.

Ревность.

Он с восторгом обнимал ее. Она трогала то, что было моим, с таким энтузиазмом. Я порылась в кармане, выудила мятную конфетку и с остервенением разжевала ее.

Она стояла перед ним, разговаривала, смеялась, касаясь его груди, руки, плеча, пока говорила, ее золотые волосы развевались на ветру, когда она улыбалась моему парню. Она была высокой с длинными ногами и такой красивой, как я и предполагала.

Мне пришлось сдерживать себя от того, чтобы не потопать к ним и оторвать ее руки от его тела. Я наклонила голову в сторону. У нее были особенно длинные пальцы — как когти — и ее рука покоилась на его груди, напоминая клешни. Я почувствовала еще одну волну гнева, когда поняла, что Даниэль даже не взглянул в мою сторону — он был слишком занят, слушая длинную бессвязную историю миссис Совершенство.

Я вытащила еще один леденец.

— Она ничего не подразумевает под своими действиями, ты знаешь, — раздался насмешливый голос рядом со мной.

Я повернула голову, чтобы встретиться с темным взглядом человека, улыбающегося мне.

— Простите?

— Моя жена. Она безобидна. Карен просто Карен. Она не имеет понятия о личном

пространстве.

— Хм. Меня это не волнует.

Он усмехнулся.

— Если ты схватишься за ручку двери еще сильнее, то можешь оторвать ее. Я не очень хорошо знаю Даниэля, только по рассказам Карен, но он предпочел бы, чтобы ручка осталась на месте.

Я посмотрела в сторону, понимая, насколько крепко держусь за металл. Мои костяшки побелели.

Он протянул руку.

— Я Бак.

Я разжала кулак и пожала ему руку.

— Я полагаю, ты Эйвери.

— Откуда ты знаешь?

— Карен и Даниэль поддерживают связь. Он бредит тобой.

Я была опарашена. Понятия не имела.

— Он недооценивает тебя.

Я опустила глаза, смутившись от его слов.

Бак рассмеялся над моей реакцией.

— Понимаю, почему Даниэль так очарован тобой.

Он небрежно облокотился на грузовик, скрестив руки на груди, совершенно спокойный. Он был высокий и широкоплечий, с каштановыми волосами, седеющими на висках и свисающими на воротник. Он держал себя с такой уверенностью, которая была одновременно легкой и выдающейся.

Я посмотрела на него, встречая его забавляющийся взгляд.

— Это всегда одно и то же, когда они видят друг друга. Они практически говорят друг за друга.

Мой взгляд переместился на Даниэля и Карен. Даниэль говорил, Карен кивала с широкой улыбкой. Она *все еще* прикасалась к нему. Я откопала еще один мятный леденец.

— Тебя это не беспокоит?

— Одна из вещей, которые я люблю больше всего в моей жене — это ее открытость. Она берет от жизни все, и она проживает ее. Каждый день она напоминает мне о том, как охватить радость, которая вокруг нас. Она очень любит Даниэля — как друга, — он подчеркнул последние слова. — Она рада, что он нашел кого-то; точно так же он был рад, когда мы встретились.

Он оттолкнулся от грузовика и протянул руку в приглашении.

— Они могут быть заняты некоторое время. Хочешь пойти внутрь и выпить?

Я посмотрела на Даниэля. Карен что-то непринужденно рассказывала, похоже, они застряли надолго. Я отошла от грузовика. Еще один напиток в прохладном ресторане казался лучшей идеей, чем стоять у грузовика, наблюдая общение моего парня с его бывшей.

Когда я двинулась вперед, Даниэль внезапно отступил, его взгляд сосредоточился на протянутой руке Бака. Он подошел к нам, покрывая расстояние длинными шагами. Карен последовала за ним с ухмылкой на лице.

Он подошел ко мне, обхватил рукой мою талию и прижал ближе к себе. Затем протянул свободную руку.

— Бак. Рад снова видеть тебя.

Бак пожал ему руку с забавляющимся выражением на лице.

— Даниэль.

Карен присоединилась к нам, встала передо мной и крепко обняла.

— Так приятно встретиться с тобой, Эйвери! Я так много слышала о тебе!

— Приятно познакомиться, — пробормотала я, не зная, как реагировать на ее энтузиазм.

Она отпустила меня и шагнула назад.

— Вы идеальная пара! — она улыбнулась Даниэлю. — Ты выглядишь таким счастливым. Таким влюбленным!

Он поцеловал меня в голову.

— Я влюблен.

Мое сердцебиение ускорилося. *Он был влюблен?*

В меня?

Бак заговорил.

— Мы собирались пойти выпить и позволить вам двоим пообщаться.

Даниэль крепче обнял меня.

— Спасибо за предложение, но мы должны идти.

Карен нахмурилась и выглядела разочарованной.

— Правда?

Он кивнул.

— Мы с Эйвери должны быть кое-где. Мы уже опаздываем. Но было здорово увидеть тебя.

— Мы здесь всего на пару дней. Может, пообедаем?

— Конечно. Я позвоню тебе в понедельник. Увидимся с тобой и Баком.

— А что насчет тебя, Эйвери? Ты можешь присоединиться к нам? Я бы хотела узнать тебя получше.

Я недолго изучала ее. Выражение ее лица было открытым и дружелюбным. Она стояла рядом с Баком, обнимала его за талию, головой прислонилась к его плечу. Кажется, она была именно такой, как говорили Даниэль и Бак: любящая, настоящая и просто Карен.

— Конечно, если смогу договориться на работе.

— Мы подстроимся под твой график, — заверила она меня.

— Хорошо.

Она шагнула вперед, целуя Даниэля в щеку, захватывая его в очередное объятие. Я нашла последнюю конфету в кармане.

— Не забудь позвонить, — подразнила она. — Ты знаешь, я буду преследовать тебя.

Он хмыкнул.

— Я в курсе. Наслаждайтесь обедом.

Они пошли, уже потерявшись друг в друге, разговаривая.

Даниэль повел меня к грузовику, открыл для меня дверь и поднял в кабину, прежде чем я смогла вскарабкаться. Он наклонился вперед, его грудь придавила меня к кожаной обивке. Он напал на мой рот, целуя жестко и глубоко.

— Что это было? — выдохнула я, пытаюсь отдышаться.

— Напоминаю тебе, кому ты принадлежишь.

Я изогнула брови.

— У тебя были сомнения в этом?

— Ты собиралась пойти выпить с Бакком.

— Позволь напомнить тебе, что ты был настолько поглощен разговором со своей бывшей девушкой, что даже не заметил, что я стояла там?

Он рассмеялся низко и хрипло, его дыхание дрейфовало по моей коже.

— Я точно знал, где ты была каждую секунду, Эйвери. Я общался с Карен, но большую часть времени мои глаза были на тебе. Я видел, как ты вцепилась в дверную ручку. Я видел, как ты съела четыре, — он поцеловал меня, украв последний леденец из моего рта с широкой улыбкой, — три мятных конфеты. Как думаешь, почему она дразнила меня? Она сказала, что никогда не видела меня таким счастливым — или таким защищающим. Ей пришлось напомнить мне, что Бак просто Бак.

— Он сказал то же самое о Карен.

— Они неразделимы. Я был взволнован, увидев ее, но наблюдал за тобой, как, впрочем, всегда.

— О.

— Ревнуешь, Спрайт?

— Да.

На его лице появилась ухмылка.

— Я чувствовал то же самое, наблюдая, как ты разговариваешь с Бакком. Думаю, мы отличная пара, не так ли?

— Ты ревнуешь?

— Когда он протянул руку, я думал, что подойду и врежу ему, если ты примешь ее.

Я взъерошила его волосы.

— Он пытался дать тебе немного времени вместе.

— Я увижу их, — подчеркнул он, — на обеде. Единственный человек, с которым мне нужно время, это ты.

— Да?

— Да.

Я запнулась и посмотрела в сторону.

— Что?

— Карен... она сказала о том, что ты влюблен...

Выражение его лица изменилось, его взгляд стал нежным и наполненным эмоциями.

— Мне было интересно, заметила ли ты.

Я могла только кивнуть, не уверенная, как задать вопрос.

— Я влюблен.

— В меня?

— Да, конечно, в тебя, — он обхватил мое лицо, большими пальцами выводя маленькие круги на моей коже. — Я не хотел, чтобы ты узнала на стоянке при общении с моей бывшей девушкой. Я хотел сказать тебе в романтической обстановке.

Я покачала головой, оборачивая руку вокруг его запястья.

— Мне не нужна романтика, Даниэль. Мне нужен только ты. Потому что я чувствую то же самое.

— Скажи это, Эйвери. Я хочу услышать это от тебя.

— Я люблю тебя, Даниэль Спенсер.

— Я люблю тебя, Эйвери Коннор, — он накрыл мой рот своим, крепко целуя, страсть кипела прямо на поверхности.

— Несмотря на то, что я ужасный водитель? Или то, что я так ревновала, глядя на ее прикосновения, что хотела оторвать ей руку?

— Из-за этого я люблю тебя еще больше. Это дает мне возможность позаботиться о тебе — возить тебя везде, чтобы ты чувствовала себя комфортно, а что касается ревности, я чувствую то же самое к тебе.

Я смотрела на него, меня омывало чувство принадлежности. Он любил меня. Этот замечательный невероятный человек любил меня. Я никогда никого не любила и знала, что любовь к Даниэлю Спенсеру изменит всю мою жизнь. Он заставил меня по-другому относиться к миру и к себе. С ним я чувствовала себя правильно. Нужной. Обожаемой. Это было сильное чувство.

— Мне нужно три, Эйвери.

Я улыбнулась, зная, какие «три» ему были нужны. *О нас.*

— Я люблю, как ты называешь меня.

— *Спрайт*, — выдохнул он.

— Я люблю, как ты обращаешься со мной — как будто я — самое важное в твоей жизни.

— Ты самое важное.

— Я люблю ощущение, когда ты внутри меня, когда мы связаны всеми возможными способами.

С тлеющим взглядом он прижался губами к моему уху.

— Сегодня утром я трахал тебя на этом грузовике. Прямо сейчас я хочу оттрахать тебя в нем, просто чтобы напомнить тебе, что ты моя. Как ты относишься к этому? — он спустился поцелуями по моей челюсти, скользя по щеке, дразня уголок губ.

— Это автостоянка, — пискнула я.

— Стекла затонированы. Мой дом слишком далеко сейчас.

— Моя квартира в десяти минутах езды.

Он кивнул и провел пальцем по моим губам.

— Только ты, Эйвери. Я никогда не испытывал такие эмоции, какие испытываю к тебе. Ты разбудила во мне то, чего я не понимаю. Мне не нравится мысль, что Бак или кто-то еще прикасается к тебе.

— Мне тоже не понравилось, как она прикасается к тебе.

— Тогда давай уединимся где-нибудь, чтобы ты могла исправить это, да?

Я удивила его, схватив за рубашку и дернув его на себя, и поцеловала долго и жестко.

— Да.

Его глаза сверкнули, когда я отпустила его. Он натянул на меня ремень, с щелчком закрепив его.

— Держись крепче, счастливая попка. Марио вот-вот одержит победу.

Я засмеялась, когда он захлопнул дверь. Прямо сейчас я была не против быстрой езды.

Даниэль

Мы едва добрались до ее квартиры, прежде чем я прижал Эйвери плотно к стене, заключая в ловушку своим телом. Ее слова о любви ко мне сделали меня диким. Я сдерживался, чтобы не напугать ее, двигаясь слишком быстро, но она была рядом со мной.

Я задрал юбку на талию, раздвигая бедра Эйвери вместе с кружевным бельем, и поднял девушку, обернув ноги вокруг моих бедер.

Мои брюки упали на пол, пряжка ремня издала громкий стук, и я был внутри нее. Я

резко и глубоко вошел в нее, нуждаясь в ощущении ее вокруг меня.

Она вцепилась пальцами в мои волосы, ее тело дрожало, пока я врезался в нее. Ее стоны и всхлипывания были низким гулом в моей голове, нараставшим вместе с оргазмом в моем теле.

— Кончи со мной, детка. Я больше не могу сдерживаться, — умолял я, прижав рот к нежной коже ее плеча.

Она сжала ноги, выгибая тело и позволяя мне еще глубже проникнуть внутрь. Я взмахнул рукой, громкий треск раздался в комнате, когда упала лампа. Я ударился бедром об стол, и вазочка, в которой она хранила любимые конфеты, перевернулась через край, падая на пол, конфеты разлетелись по полу. Следом полетели бумаги и письма, создавая в комнате небольшое эхо. Она не сделала ничего, чтобы остановить меня.

— Я, черт возьми, уничтожу твой дом.

— Уничтожь *меня*, Даниэль. *Трахни* меня, — взмолилась она сиплым голосом.

Ее слова прикончили меня. Ее проклятия и мольбы бросили меня через край, и с низким рычанием я кончил так глубоко внутри нее, что знал — она будет чувствовать меня еще несколько дней. Я хотел, чтобы она чувствовала меня — знала, что она моя. Каждая ее частичка.

Эйвери уткнулась лицом в мою шею и закричала. Она потянула меня за волосы, кружа языком по моей коже, пощипывая ее губами.

Я подтолкнул к ней свое лицо, чувствуя боль от того, как зубы вонзаются в плоть.

— Да, детка, пометь меня.

Она вздрогнула, ее тело расслабилось и обмякло в моих руках. Эйвери смягчила боль от своего укуса дразнящими ласками языка, и я поцеловал ее в висок. Она потянулась к моим губам, и несколько мгновений мы целовались, интенсивная страсть смешалась с чем-то мягко-сладким.

Удерживая ее, я направился в гостиную и плюхнулся на диван. Стащил одеяло позади, укрыл нас и со вздохом расслабился. Она положила голову на мою грудь, крепко прижавшись, и мы спокойно сидели, позволяя эмоциям сойти на нет.

— Все хорошо, Спрайт?

Она посмотрела на меня, ее сонные глаза сияли.

— Я в порядке.

— Ты укусила меня.

— Ты трахнул меня.

— Туше.

— Что такое с тобой и стенами? В такие дни я чувствую себя начинкой из Эйвери в Даниэль-и-стены-сендвиче.

— Лучшая начинка, черт возьми, — я провел пальцем по ее щеке, смеясь. — И это не только стены. Любая твердая поверхность подойдет.

Она закатила глаза на мои слова.

— Я не знаю, — признался я. — Ты пробуждаешь во мне страсть, которую я никогда и ни с кем не испытывал. Я хочу тебя все время. Кроме того, — добавил я, опуская к ней голову, — так чертовски приятно чувствовать тебя, зажатой между мной и стеной.

— Или грузовиком, — съязвила она.

— Или грузовиком. Душем. Амбар тоже очень клевый.

Она снова засмеялась. Мне нравилось смешить ее. Я заправил за ухо блуждающий

завиток.

— Я могу себя контролировать, если ты хочешь.

— Нет, — призналась она. — Мне нравится, что ты такой страстный со мной. До сих пор у меня никогда такого не было.

— Привыкай к этому, потому что я никуда не уйду, — я заправил еще один локон за ухо. — Я люблю тебя.

Ее улыбка была словно солнце.

— Я люблю тебя.

Я прижал ее к своей груди, поцеловав голову.

Она сместилась немного и поморщилась.

— Однако вся эта начинка делает меня немного грязной.

Я встал вместе с ней.

— Мне кажется, я слышу, как другая стена зовет меня по имени, Эйвери. Я помню, что в твоём душе хороший нескользящий коврик.

— Да, — она с радостью согласилась, целуя меня в плечо. — Очень хороший.

— Отлично.

Я проснулся, согретый и обнятый Эйвери. Мы провели остаток дня, занимаясь любовью, трахаясь, дремая и разговаривая. В основном первые два. Ее кровать была кучей беспорядка — одеяло валялось на полу, предметы на столике опрокинуты. Я также доказал ей, что кухонная столешница — отличное место, чтобы показать, насколько вкусной начинкой она была, своим ртом и пальцами заставляя ее кончить несколько раз, пока она не стала дрожащим комком нервов передо мной.

Я отнес Эйвери в ванную для еще одного душа. Пока регулировал температуру, она потрясла меня, прижав к стене со злобной ухмылкой.

— Моя очередь для Даниэль-начинки.

Когда она опустилась на колени и взяла меня в рот, я застонал, прижимаясь руками к холодной плитке. Это было неожиданно и очень сексуально. Она уставилась на меня с моим членом во рту и начала ласкать руками, обхватив яйца, растирая бедра и дразня меня своими губами и языком. Эротическое зрелище того, как она делает это для меня, пока на нас обрушивается теплая вода, и острое наслаждение от ее рта было перебором. Я кончил в ее горло, пытаясь рукой найти опору для равновесия, пока кричал ее имя. Я сбил занавеску и штангу вокруг нас, пока пар валил, а мой оргазм бушевал.

Пробормотав обещание убрать все повреждения, я потянул ее обратно на кровать, прикрыл нас одеялом, и мы заснули.

Я моргнул в ранних вечерних сумерках и взглянул на Эйвери. Она смотрела на меня с небольшой улыбкой, украшающей ее губы.

— Не думаю, что когда-либо проводил в выходные столько времени в постели, — прохрипел я сквозь сухое горло.

Она наклонилась и предложила мне бутылку воды. Я принял с благодарностью, осушая ее длинными глотками.

— Мы были очень ленивыми.

— Мы были очень разрушительными.

Она засмеялась в тусклом вечернем свете.

— Ничего серьезного. Мы все быстро уберем, — она нахмурилась. — Хотя я умираю с

голоду.

Я допил воду.

— Я тоже. Я отвезу тебя?

— Не хочу.

— Может, пиццу? Я могу заказать.

— Да, это звучит хорошо.

— У тебя есть номер?

Она выскользнула из кровати и пошла в коридор, вернувшись через несколько минут с меню. Она положила мои брюки и рубашку на стул и протянула мне меню.

— Я подняла лампу, или, по крайней мере, то, что от нее осталось.

— Что еще сломано?

— Ничего. Я подняла чашку и документы, — она пожала плечами. — Я вроде пихнула все конфеты под стол. Разберусь с ними и ворохом документов позже.

— Я почию занавеску.

— Хорошо.

— И заменю лампу.

Она покачала головой.

— Мне она никогда особо не нравилась. К счастью, она вроде развалилась на куски.

Я заказал пиццу, убедившись, что на ее половине достаточно много оливок, и протянул руки.

— Иди сюда. Я скучаю по тебе.

Она свернулась на моей груди.

— Ты сошел с ума.

— Да, по тебе.

Эйвери прижалась ближе. Мы лежали, наслаждаясь тишиной, и оба задремали. Стук в дверь разбудил нас, и я встал, натянув штаны, не удосуживаясь застегнуть их. Я не планировал оставлять их надолго.

— Я заберу пиццу.

Она села.

— Хорошо. Я оденусь.

Я протянул ей свою рубашку.

— Это все, что тебе нужно.

Она засмеялась, принимая одежду. Я наклонился и поцеловал ее, когда снова постучали, на этот раз более настойчиво.

— Нетерпеливый доставщик, — фыркнул я.

— Он всегда такой.

— Оставайся здесь. Мы можем покушать в постели и посмотреть кино, — я забрал рубашку из ее рук. — На самом деле, тебе это не нужно.

Она улыбнулась мне.

— Хорошо.

Я подошел к двери, доставая свой кошелек. Еще раз постучали. Я распахнул дверь, не поднимая глаз, пока доставал деньги.

— Извини, чувак. Попал сюда так быстро, как только смог.

Ответом мне был лишь приглушенный вздох, а затем низкое ругательство.

Вздвогнув, я посмотрел вверх и замер.

Эйвери

Я свернулась калачиком, обнимая свою подушку, которая пахла Даниэлем. Свежая трава, цитрусовые, что-то мускусное, и только он. Я толкнула книгу, балансирующую на краю тумбочки, обратно на место. Мы, безусловно, оставили за собой след после занятия любовью. Я знала, что термин «трахались» был более точным, но каждый раз, когда Даниэль прикасался ко мне, каждый раз, когда он был внутри меня, неважно, каким бы безумным он ни был, это по-прежнему ощущалось как занятие любовью.

И он действительно любил меня. То, что он сказал в грузовике, эмоции в его глазах — я чувствовала это каждой частичкой. Я чувствовала его каждой частичкой. Он заполнил каждый уголок моего разума и сердца.

Я перевернулась, чтобы изучить несколько фильмов, которые у меня были, в надежде, что он захочет посмотреть какой-нибудь из них, и услышала торопливые шаги.

Я села, когда Даниэль вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Я старалась не пускать слюни, разглядывая его. Волосы были растрепаны, торчали в разные стороны из-за моих пальцев. Его торс был голым, брюки с расстегнутой кнопкой низко висели на бедрах. На его шее были две отметины, и еще одна метка моей страсти красовалась на груди. Он выглядел как секс. Ходячий секс. Затем я встретила его взгляд. Его дикий панический взгляд.

— Даниэль, что случилось? Где пицца?

Он шагнул вперед, присев на корточки, и взял меня за руки. Когда он заговорил, его голос был низким и напряженным.

— Это не пицца, Эйвери.

— О Господи, это была Бэт? — смешок сорвался с моих губ. — Она получила потрясающее зрелище, да?

Он неистово покачал головой, и что-то в выражении его лица заставило меня понять, что он был серьезен.

— Что такое? Кто был за дверью?

— Эйвери, — начал он нервно, — твои родители в гостиной.

Я подскочила с кровати, в шоке глядя на Даниэля.

— Что? — я молилась, что неправильно услышала его.

— Здесь твои родители. В гостиной.

Я моргнула, сглотнула, затем прошла мимо него, схватила леденец из миски и начала жевать. С беспокойством глядя на меня, он протянул мне еще один.

— Скажи что-нибудь.

Я указала на него рукой.

— Они видели тебя — таким.

— Да.

— Мой отец, — я зажевала еще одну мятную конфету. — Он увидел тебя полураздетым и выглядевшим так...

— Как будто я недавно трахался, да.

Я закрыла глаза, медленно втягивая кислород в легкие, чтобы оставаться спокойной. Когда я открыла их, Даниэль по-прежнему смотрел на меня, настороженность сквозила в его взгляде.

— Ты должен бежать.

Его губы дернулись.

— Куда ты хочешь, чтобы я ушел, Спрайт? Из окна?

— Это всего два этажа. Худшее, что может случиться — это перелом ноги.

— О, нет. Я так не думаю. Я не оставлю тебя здесь противостоять им в одиночку.

— *Меня он не убьет.*

Наклонившись, он поднял свою рубашку.

— Меня тоже.

— Они что-нибудь сказали?

— У твоей мамы немного перехватило дыхание, а отец много ругался и сыпал проклятьями. Он думал, что ошибся квартирой.

— О, Боже.

— Я впустил их и сказал, что схожу за тобой.

— Я не знаю, что делать.

Он уверенно улыбнулся.

— Ты пойдешь, поздороваяешься с твоими родителями и познакомишь меня, — он поднял руку. — После того, как оденешься.

Я схватила штаны для йоги и натянула их на себя, потом отыскала в шкафу футболку с длинными рукавами, натянув ее через голову.

Даниэль протянул мне расческу, и я начала нетерпеливо чесать свои волосы. Я добавила немного духов, надеясь, что это перекроет запах секса, который въелся в меня.

Даниэль все время был рядом со мной.

Я с тревогой посмотрела на мужчину.

— Я отзываю свое заявление. Он может убить нас обоих.

Даниэль обнял меня.

— Он никого не убьет. Он — они оба — немного в шоке, но они твои родители и любят тебя. Они приехали, чтобы сделать тебе сюрприз.

Я не смогла сдержать истеричный смешок.

— Кажется, они получили сюрприз.

Его грудь вибрировала от сдерживаемого смеха.

— Это точно, — он поцеловал меня в висок. — Иди, поговори с родителями, детка. Я оденусь и выйду через минуту.

— Я выгляжу хорошо?

— Ты выглядишь слишком хорошо для меня, чтобы побыть наедине намного дольше. Я не думаю, что твои родители переживут шок, — он нежно подтолкнул меня к двери. — Иди к ним.

Я схватила последний леденец.

— Ладно.

Я завернула за угол. Мои родители сидели, почти прикасаясь головами друг к другу, тихо разговаривая. Стараясь не думать о том, что у нас с Даниэлем был секс на этом диване всего несколько часов назад, я украдкой обвела взглядом комнату, и как же хорошо, что лампа и вазочка были подняты с пола. Я только надеялась, что мама не заметит конфеты, разбросанные повсюду.

Я сделала глубокий вдох.

— Привет.

Они посмотрели вверх. Мама встала, раскрыв руки.

— Эйвери!

Она окутала меня в свои объятия, и я вдохнула ее запах. Это были те же духи, которые я знала всю жизнь — «Синяя трава» Элизабет Арден. Она никогда их не меняла. Она пахла мамой и домом. Я крепко ее обняла. Отступив назад, она обхватила мое лицо.

— Ты так хорошо выглядишь!

— Да, — я заверил ее. — Так и есть.

Мой отец откашлялся, и я осторожно улыбнулась ему.

— Привет, пап.

Он наклонил голову.

— Кексик.

Я немного расслабилась. Если он все еще звал меня Кексиком, значит, не собирался убивать.

— Мне жаль, что мы приехали и, эмм, прервали твои выходные, — мама погладила мою руку. — Твой отец хотел сделать тебе сюрприз.

— На самом деле, я хотел выяснить, почему тебя, кажется, никогда нет дома, когда я звоню, и что происходит в твоей жизни, — прервал папа. — Думаю, я получил свой ответ.

Прежде чем я успела что-либо сказать, раздался голос Даниэля.

— Это моя вина, мистер Коннор. Я так много работаю в течение недели, что, как правило, похищаю Эйвери на выходные к себе за город.

Отец посмотрел на него.

— Это так?

Даниэль подошел ближе. На нем была рубашка, воротник скрывал шею. Он причесал волосы, застегнул штаны и, посмотрев вниз, я увидела, что даже носки были на месте. Он протянул руку моему отцу.

— Мы не были должным образом представлены. Я Даниэль Спенсер, — после небольшой паузы он добавил. — Парень Эйвери.

Отец сердито посмотрел на него.

— До сих пор я никогда не слышал твое имя.

Даниэль не дрогнул, его рука не двинулась.

— Я слышал много хорошего о вас и вашей жене, сэр.

Мой отец, наконец, пожал ему руку.

Мама улыбнулась ему.

— Она упоминала о тебе. Несколько раз.

Брови отца удивленно поднялись.

— Приятно познакомиться с тобой, Даниэль. Пожалуйста, зови меня Джанетт, — мама замолчала, разглядывая моего отца, который ничего не сказал. Она слегка покачала головой и добавила:

— А это мой муж, Даг.

— Рад познакомиться с вами обоими.

Наступила неловкая тишина.

Я переступила с ноги на ногу, чувствуя, как будто мне снова десять лет и меня поймали за какое-то непослушание. Маленький нервный смешок вырвался из моего рта, когда я подумала о том, какой непослушной была весь день. Три пары глаз уставились на меня. Мое веселье прекратилось, и я почувствовала, как будто меня сейчас стошнит. Тяжелый стук в дверь испугал нас всех.

— Пицца на этот раз, я полагаю, — заявил Даниэль сухо. — Я заберу ее.

— Я принесу напитки. Извините меня, — я сбежала на кухню, как трус. Сделав кофе и достав кружки, я полезла в морозилку за кексами, которые лежали там, когда вошел Даниэль с пиццей в руках. Он сунул ее в духовку и повернулся ко мне.

— Ты в порядке?

Я кивнула.

— Ты можешь идти, Даниэль. Я побуду с ними, и мы увидимся позже.

Он взял мою руку, поцеловал ладонь и положил ее над своим сердцем.

— Не-а.

— Я должна поговорить с ними.

— Поговорим вместе.

— Тебе не обязательно это делать.

— Я должен.

— Почему?

— Когда однажды мы будем рассказывать нашим детям забавную историю моего первого знакомства с их бабушкой и дедушкой, я могу рассказать им, как стоял рядом с тобой, очаровывая их обоих. Добавь к этому историю нашего с тобой знакомства, и у нас есть занимательные темы для разговора на вечеринках в течение многих лет.

— Ну, я не знаю, как быстро ты получишь одобрение моего мужа, но продолжай говорить о будущем с моей дочерью, и у тебя есть хороший шанс получить мое, молодой человек, — мама захихикала, когда встала рядом с Даниэлем и подмигнула ему. — Я хотела бы услышать историю вашего знакомства и почему мы не слышали о тебе, пока не познакомились несколько минут назад. — Она потянулась за подносом. — Я возьму поднос, Эйвери. Старайся держать ее подальше от мятных конфет, Даниэль. Объятия обычно тоже помогают ей успокоиться.

Я разинула рот на ее заявление, а Даниэль улыбнулся. Своей лучшей, сногшибательной, сексуальной улыбкой, которая каждый раз лишала меня дыхания.

Он наклонился и поцеловал маму в щеку.

— Будет сделано.

Она взяла сахарницу и добавила ее на поднос, стараясь не ухмыляться.

— От того, что я видела раньше, это очевидно. Постарайтесь сдерживаться, пока Даг рядом. У него дергается глаз.

— Я могу сделать это.

— Хорошо. Принесите кофе, когда он будет готов. О! Кексы. Любимое лакомство твоего отца. Это поможет.

Я посмотрела ей вслед, когда Даниэль завернул меня в свои объятия.

— Приказ твоей матери, — он поцеловал меня в голову.

Кофеварка просигналила, и он взял кофейник.

— Давай разберемся с нашей проблемой.

Я налила немного сливок в кувшин.

— Хорошо.

Даниэль

Наконец я понял выражение «резать напряжение ножом». Что бы я ни делал, каким бы вежливым ни пытался быть, я не мог заставить отца Эйвери поговорить. Все, что у меня было — несколько хмхм и бормотания на мои вопросы об их поездке. Даг Коннор был

крепким орешком.

Не то чтобы я мог его винить. Я знал, как это выглядело, когда я открыл дверь. Ну, на что это было похоже. Я провел день, трахая его дочь. Я видел, как его взгляд пронесся по квартире, задержался на кусках разбитой лампы, сдвинутой вазе и ворохе бумаг, как попало сваленных на столе у двери — и разбросанных конфетах. Я сглотнул, подумав о ванной комнате. Если он доберется туда раньше меня и увидит занавеску на полу и разбросанные вокруг полотенца, впитывающие лужи воды, я, несомненно, буду, как и боялась Эйвери, мертвецом.

Эйвери сидела рядом со мной, беспокойно теребя пальцами длинный подол футболки. Я знал, что она пялилась на мятные конфеты, разбросанные по всей комнате, но не хотела вставать и поднимать их.

Я скользнул рукой в карман, выудил одну и опустил ей на ладонь.

С небольшим вздохом она сунула конфету в рот, с хрустом пережевывая. Это было самым большим показателем. Если она сосала конфету, это было для удовольствия. Если съедала — она была напряжена. Судя по звуку раздавленной конфеты, я бы сказал, что она была сверх напряженной. Не заботясь о том, что ее отец наблюдает за нами, я взял девушку за руку и поднес к своим губам, целуя костяшки пальцев, а затем положил наши переплетенные пальцы на бедро.

Он уставился на мою ногу, но я отказался отпускать пальцы Эйвери. Я знал, что он пытается сделать, но не позволю ему запугать меня.

Наконец, он опустил кружку, с громким стуком.

— Чем ты занимаешься, что уехал за город, Даниэль? Конечно, кроме того, что проводишь выходные с моей дочерью.

Я не отреагировал. Вместо этого осушил свою кружку, сжал руку Эйвери и поцеловал ее в висок.

— Отличный кофе.

Затем я повернулся к ее отцу.

— Я ветеринар. У меня своя клиника, в которой я работаю со своим шурином и сестрой.

— Замечательно, — отозвалась Джанетт.

— Ты живешь с ними? Вот почему ты сбежал на выходные? — спросил Даг язвительно.

Эйвери начала говорить, но я поднял руку.

— Нет, сэр. У меня свой собственный дом. Я управляю клиникой в качестве равноправного партнера. Мой грузовик оплачен в полном объеме, у меня есть хороший инвестиционный портфель и нет огромных долгов. Я близок со своей семьей, и для записи, я обычно не бываю здесь по выходным. Эйвери остается у меня, так как любит отдыхать за городом.

— Много ли женщин остается в твоём доме?

— Папа, — прошипела Эйвери. — Прекрати.

Я отмахнулся от ее возражений.

— Эйвери — первая женщина, которую я привел в свой дом. У меня нет случайных связей, мистер Коннор. На самом деле, я оскорблен тем, что вы думаете, будто Эйвери будет участвовать в подобном. Мне казалось, вы лучше знаете свою дочь.

— На самом деле?

— Да. И еще, хотя я сожалею, что мы встретились при таких, эмм, неудобных обстоятельствах, я рад познакомиться с вами. Эйвери очень много для меня значит, и я

надеюсь, в какой-то момент мы сможем быть друзьями.

— Друзьями? — фыркнул он.

— Девушка, с которой я проведу остаток своей жизни, будет моей семьей, поэтому ее семья станет частью моей. Друзья — это самое малое, кем, я надеюсь, мы станем.

Глаза Эйвери расширились от моей декларации. Ее мать охнула и сжала свои руки.

Плечи ее отца немного опустились.

— Ну, давайте не будем забегать вперед, — пробормотал он. — Я просто спросил. Это моя работа, знаешь ли.

Я откинулся на спинку, не выпуская руку Эйвери.

— Понятно. Однако, я не Томми Форсайт, — заявил я, напоминая ему о первом подростковом свидании Эйвери, которого он напугал много лет назад. — Вы не сможете так легко запугать меня. — Отпустив ее руку, я обнял за плечи, привлекая ее ближе. — Я люблю вашу дочь, и она уже слишком взрослая для вашего комендантского часа.

— Ты так думаешь, молодой человек?

Я встретил его взгляд.

— Я знаю это.

— Мы еще не закончили.

— Я едва ли мог рассчитывать на это. Просто привожу свои доводы.

Эйвери наклонилась вперед.

— Вы закончили, отец. Я люблю его. Он лучшее, что случилось со мной. И он обращается со мной как с королевой.

— Получить небольшое предупреждение было бы неплохо.

— Это касается и тебя.

Он поджал губы, изучая свою дочь.

— Это не совсем то же самое, юная леди.

Она улыбнулась; той самой кривоватой и сладкой улыбкой.

— Я еще не была готова делиться им. Я знала, что ты все еще гиперпекающий и сверхзаботливый. Я боялась, что ты появишься и будешь смущать меня.

Он подмигнул, потянувшись за кексом.

— Хорошо, что этого не произошло.

Казалось, что воздух стал в десять раз легче. Все расслабились, а я повернулся к Эйвери, млея от ее заявления. Уже два раза за сегодня ее слова пленили меня. Ее слова о любви что-то сделали с моим телом, вливая в него тепло и нужду всегда быть рядом с ней. Медленно я положил свою руку на ее шею, наслаждаясь ощущением мягкой кожи. Я знал, что за мной наблюдают, но в тот момент меня это не волновало. Я потянул ее к себе, оставляя поцелуй на ее пухлых губах.

— Спасибо, Спрайт. Я нуждался в этом.

— Всегда, — пообещала она.

Я усмехнулся возле ее губ.

— Будем надеяться, что это единичное явление.

Ее отец откашлялся.

Я не торопился отстраняться, отказываясь позволить ему диктовать, когда я могу продемонстрировать Эйвери свою любовь. Мне слишком сильно нравилось прикасаться к ней. Я порылся в кармане, достал последний леденец и сунул его между ее губ. Она промурчала, на этот раз смакуя лакомство. Я замороженно смотрел, как она перекатила конфетку на языке,

напевая от наслаждения. Это напомнило мне о душе и о том, как раньше она использовала свой язык на моем члене. Я зажмурился и выдохнул, чтобы контролировать реакцию своего тела на воспоминания в голове. Извинившись, я встал и поспешил по коридору в туалет, чтобы немного дистанцироваться от такой близости Эйвери и исправить комнату, прежде чем ее родители увидят разгром.

Я, возможно, победил Джанетт, но не был уверен насчет Дага.

Я уже высказал свою точку зрения, но не нужно было тыкать палкой в льва. Оставляю это на другой раз.

Даниэль

После возвращения из восстановленной ванной я некоторое время посидел с Эйвери и ее родителями. Затем нашел повод, чтобы уйти. Я знал, что ей нужно время с ними, чтобы обсудить перемены в ее жизни. Я не хотел оставлять ее, но должен был предоставить им уединение.

Перед отъездом я пригласил их на обед к моим родителям на следующий день. Мои мысли были двоякими. Я мог снова увидеть Эйвери, а они могли бы познакомиться с моей семьей и узнать, что я не какой-то дегенерат, который живет на иждивении своей сестры. Я мог бы говорить все, что хотел, но Джанетт и Даг должны были увидеть мою жизнь, чтобы убедиться, насколько серьезно я отношусь к Эйвери.

Эйвери проводила меня до двери и вышла со мной в коридор.

— Мне жаль, — прошептала она, обвивая руки вокруг моей шеи.

Посмеиваясь, я поднял ее.

— Не о чем сожалеть, Спрайт. Это был, конечно, уникальный способ познакомиться с твоими родителями, но я выжил.

— Ты не должен уходить.

— Должен. Проведи некоторое время наедине с ними. Позвони мне, когда они уйдут. Я буду здесь утром, чтобы забрать вас всех.

— Ты можешь прийти пораньше?

Со стоном я скользнул руками вниз и сжал ее упругую задницу.

— Дай мне пять минут, и я могу прийти прямо сейчас (*п.п.: глагол «come» можно перевести как прийти и как кончить*).

Ее приглушенный смех заставил меня улыбнуться.

— Ты можешь дать мне три? — спросила она тихо.

Я повернул лицо, прижимая губы к ее уху. Я мог бы дать ей сто, но три было легко.

— Я люблю твой свет и доброту.

Она обняла меня крепче.

— Я люблю твои красивые глаза.

Она промурлыкала.

— Мне нравится, как ты заботишься обо мне.

— Мы заботимся друг о друге.

Я опустил ее, обхватив щеки и удерживая ее взгляд.

— Вот почему мы идеально подходим друг другу.

Она улыбнулась мне, ее глаза сияли.

— Я не хочу уходить, но придется. Я буду здесь к десяти. Наверное, будет лучше, если твои родители не появятся и не найдут меня, как сегодня. Не уверен, что твой отец переживет второй инцидент.

Она обвила руками мои запястья, большими пальцами лаская кожу.

— Хорошо. Я люблю тебя.

Я притянул ее обратно, крепко целуя. Мой язык исследовал ее, вкушая сладость девушки и остроту леденцов. Похоронив руку в ее волосах, я прижал ее к себе, не в силах расстаться с ней.

Пока не услышал голос ее отца слишком близко к дверям, на мой вкус. Он спрашивал, будут ли они есть пиццу или позволят ей высохнуть в духовке. С сожалением я отпустил девушку, делая шаг назад с тяжелым вздохом.

— Я люблю тебя, Спрайт. Поговорим позже.

Она провела пальцем по своим припухшим губам. Мне нравилось, что она всегда так делала, как будто запечатывала мое прикосновение.

Мне ненавистно было уходить от нее, и хотя я увижу ее утром, вечер будет тянуться бесконечно.

На следующее утро я приехал, чтобы забрать их и отвезти к моим родителям. Все радушно приняли Джанетт и Дага, и как я и ожидал, те значительно потеплели ко мне, увидев, как я взаимодействую с людьми, которых люблю. Просто чтобы умножить шансы в свою пользу, я также пригласил Бэт и Райана на поздний завтрак. Оказалось, Райан любит готовить, и он сделал лучший французский тост, который я когда-либо пробовал. От того, как моя семья напала на него, у меня было чувство, что отныне тосты будут включены в наши бранчи. С добавлением лучшей подруги Эйвери атмосфера за столом была живой, с большим количеством смеха и приколов.

Джанетт внимательно смотрела на меня, пока я играл с Хлоей. Когда моя племянница заползла на колени Эйвери и, положив голову на плечо, задремала, ее глаза затуманились, а улыбка стала шире.

Я встретил взгляд Джанетт, зная, что она видит то же, что и я. Эйвери без проблем вписалась в мою семью. Даже Даг был спокоен, разговаривая с папой о футболе и обсуждая прошлых игроков, которых они оба знали. Его громкий смех мне напомнил Эйвери.

Строением она пошла в маму — невысокая и фигуристая, но цвет ее волос и глаз был только у Эйвери. У Джанетт глаза были ярко-зелеными, а у Дага необычного серого цвета, в результате чего образовался серебристый нефрит, который я так любил во взгляде Эйвери. Я видел фотографии матери Джанетт, и Эйвери действительно напоминала бабушку во многих отношениях. Хотя я думаю, что Эйвери прекраснее.

Джанетт и Даг составили поразительную пару, и я мог видеть черты каждого из них в Эйвери — форма глаз и носа ее матери, веснушки и широкая улыбка от отца. Самым забавным было то, что у Джанетт была такая же привычка бормотать вслух свои мысли. Не раз ее размышления заставили меня хихикать. Видимо, ей понравилась моя татуировка и мои широкие плечи. Мне пришлось сдержать улыбку.

Я оглядел стол, потягивая кофе, и расслабился. Кейтлин ухмыльнулась мне и толкнула расписание футбольных матчей в мою сторону.

— Защита «Аргоса» кажется многообещающей в этом году.

С ухмылкой я взял газету.

— Я слышал, нападение «Эдмонта» будет непревзойденным.

— О, да? Еще одно небольшое пари?

Я потер руки. Это была одна из наших постоянных ставок. Я выигрывал чаще, чем

проигрывал.

— Да. Ставка?

Она покопалась в газетах и постучала пальцем по объявлению.

— Ты должен будешь посещать танцы на шесте. Все шесть недель.

Я изучил объявление. Танец на пилоне. Это не звучит весело, но я не планирую проиграть. Моя информация была проверенной. Один из друзей отца был тренером команды.

Я ухмыльнулся ей, ловя взгляд Эйвери. Она не выглядела слишком расстроенной при мысли о танцах на пилоне. Может быть, ей даже понравится, если я проиграю. Возможно, я даже смогу убедить ее пойти со мной. Это будет бонус.

— Хорошо, танец на пилоне. Если ты проигрываешь, тебе придется носить фальшивую татуировку с Джастином Бибером две недели.

Я поднял руку, прежде чем она согласится.

— Я выбираю татуировку и место ее расположения, — я подмигнул. — Ее будет видно.

Эйвери и моя мама застонали.

Мама покачала головой.

— Вы когда-нибудь прекратите это?

Откинувшись назад, я засмеялся.

— Не-а, — я провел пальцем по щеке Эйвери. — Кроме того, последняя ставка подарила мне Эйвери. Я сомневаюсь, что Кейтлин так повезет, пока она будет делать тату Биба.

Кейтлин фыркнула.

— Надеюсь, ты насладишься унижением, Даниэль.

— Давай проверим.

Джанетт рассмеялась.

— Мне нравится, как вы двое ладите. А теперь расскажите мне, как вы с Эйвери познакомились, и какую роль в этом сыграла ставка.

Бэт подняла руку.

— О, я! Выбери меня! Я хочу рассказать эту историю!

Все засмеялись над ее энтузиазмом.

Эйвери прищурилась, глядя на подругу.

— Мои родители, — предупредила она.

Бэт отмахнулась.

— Не волнуйся, Эйвери. Я не буду упоминать о том, как вы двое сражались языками через пять минут после встречи друг с другом, — она театрально прикрыла рот рукой.

— Упс.

В этот момент я увидел отчетливое сходство между Эйвери и Дагом. Они оба смотрели на нее с возмущением, так высоко задрав брови, что это было комично.

Джанетт только рассмеялась и взяла свою кружку.

— Ну вот, это я и хотела услышать.

Даг скрестил руки на груди.

— Да, расскажи нам, Бэт.

Я видел блеск в ее глазах и откинулся на спинку кресла, закинув руку на плечи Эйвери. Бэт собиралась бросить нас на произвол судьбы.

Я поймал руку Эйвери и забрал у нее леденец прежде, чем она могла дотянуться до рта.

Ее привычка поедания мятных конфет вызывает зависимость. Я знал, что у нее их достаточно, но не было никакого шанса забрать конфету так, как я предпочитал. Даже несмотря на присутствие моих родителей, ее отец взорвется, если я украду леденец из ее рта. Придется потерпеть. Она нахмурилась, а потом выудила из кармана другой.

Мы сидели, похрустывая, пока Бэт потчевала родителей Эйвери рассказом о том, как мы встретились, и я подумал, смогу ли когда-нибудь выбраться из списка дерьма Дага Коннора.

Эйвери

Я помахала на прощание своим родителям, когда их автомобиль отъехал от обочины. Я долго стояла там после того, как автомобиль завернул за угол, чувствуя ту же печаль, которую всегда чувствовала после их отъезда. Недели не было достаточно, и время пролетело слишком быстро. Рука обвилась вокруг моей талии, и полные губы Даниэля прижались поцелуем к моему лбу.

— Ты в порядке?

Я посмотрела на него, грустно улыбаясь.

— Да.

— Они вернутся через несколько месяцев. Они согласились приехать на Рождество.

— Я знаю.

— Я знаю, ты скучаешь по ним, — он подтянул меня немного ближе. — Я здесь, Эйвери.

Я уткнулась носом в его плечо.

— Да, ты здесь. Живой и здоровый.

Он хихикнул, звук раздался урчанием в его груди.

После того как Бэт рассказала свою историю, выделяя и драматизируя каждую мелочь, я была уверена, что нам с Даниэлем надо бежать. Моя мама так сильно смеялась над раздавленными пальцами, моим волнением дурного запаха изо рта и страхом, что у Даниэля в шкафу клоун, что даже мой отец расслабился, посмеиваясь над ее развлечением. К счастью, Бэт смягчила поцелуй, усиливая романтическую сторону. Она рассказала о пакете со льдом и о том, как он настаивал, чтобы позаботиться обо мне, а потом пригласил на ужин. Ее история, кажется, удовлетворила отца, и он отпустил это. Он боготворил Бэт, и она очень весело пересказала события.

К огорчению Даниэля, были еще истории о ставках между Даниэлем и Кейтлин. Некоторые их выходки были совершенно бессмысленными, но я все еще любила слушать их.

Когда завтрак закончился, Даниэль отвез нас в свой дом. Он показал моему папе клинику, и они исчезли, чтобы посмотреть лошадей, оставив нас с мамой поговорить. Я показала ей дом, и мы прошли по территории. В какой-то момент я увидела Даниэля и папу, увлеченно беседующих у амбара. Я начала идти к ним, но мама настояла, чтобы я оставила их «разбираться самостоятельно».

— Если Даниэль будет частью твоей жизни, ты должна позволить им выяснить отношения. Твой отец может высказать свое слово, Даниэль — свое.

— Он может? Папа ему позволит?

Она улыбнулась, соединяя наши руки, и потянула меня прочь.

— Я открою тебе маленький секрет. Твой отец не так уж и плох. Он вел себя, как любой другой отец. И он любит Даниэля. Ему понравилось, как он вчера противостоял ему, — она поводила бровями. — Нас приветствовало довольно захватывающее зрелище, когда он открыл дверь. Твой отец не знал, куда смотреть.

Я вздохнула, думая о том, как горячо он выглядел до паники.

— Твой парень довольно сексуальный, Эйвери.

Мы обе захихикали.

— Я знаю, мама. Я знаю. Но он еще более удивительный внутри. Он заставляет меня чувствовать себя такой любимой.

— Он хорошо упакован.

Я старалась не смеяться над тем фактом, что мама сказала про упаковку... или не думать, насколько упакован Даниэль. И потерпела неудачу. К счастью, она смеялась со мной.

Она покачала головой.

— Я думаю, однако, при следующем посещении мы позвоним заранее.

— Хорошая идея. Я думала, что голова отца взорвется.

Мама начала обмахивать себя.

— Я думала, что тоже могу, — она подмигнула в преувеличенной манере. — Я клянусь, доченька, если бы я была на сорок лет моложе и не так влюблена в твоего отца...

Я не сказала об этом Даниэлю. Уверена, что его голова взорвалась бы в то время.

Я улыбнулась Даниэлю.

— Ты им понравился... как только они справились с шоком.

— Хорошо, потому что я никуда не денусь.

— Хорошо.

Широкая, озорная улыбка осветила его лицо.

Я ахнула от удивления, когда он схватил меня на руки, шагая в сторону моей квартиры.

— Что ты делаешь?

— Твои родители уехали.

— И?..

— Одни. Мы одни впервые за неделю.

— Ой. О-о!

Его голос был низким рычанием в моем ухе.

— Думаю, пришло время найти стену и отметить ее, Спрайт.

Длинная дрожь пробежала по моему позвоночнику.

— Шагай быстрее, Даниэль.

Дождь ударил в окно, звук непрекращающегося удара в стекло. Я взглянула на часы, нахмурившись. Даниэль опаздывал.

Он звонил, чтобы сказать, что дороги плохие, но настоял на приезде ко мне, хотя я хотела отменить.

Мы были заняты после отъезда моих родителей, и прошло три дня, как я видела его. Сегодня вечером мы собирались поужинать и посмотреть кино, а затем поехать к нему на выходные.

Я вздохнула, оглядывая свою квартиру. Я больше не чувствовала себя здесь как дома, скорее просто как место, где я жила. Дом Даниэля казался настоящим домом, потому что он был там. Я хотела удивить его в эти выходные, когда он попросит меня переехать к нему, как он всегда делал, согласиться. Он, безусловно, хотел этого, и, в конце концов, неважно, что кто-то подумает или скажет. Это было правильно для нас, и я хотела этого. Я хотела больше быть с ним.

Я уже знала, что произойдет, когда я расскажу ему. Его теплые зеленые глаза вспыхнут, и появится моя любимая улыбка. Та, от которой его глаза щурятся, и появляется ямочка на подбородке. Лицо меняется от самого прекрасного до убийственно неотразимого. Мне нравилось заставлять его выглядеть подобным образом. Затем он найдет ближайшую стену и поблагодарит меня в духе Даниэля.

Мой телефон зазвонил, и я схватила его, не удивившись, что звонит Кейтлин. Она была занята организацией бранча на этой неделе и часто звонила обговорить детали.

Но когда я ответила, тревога в ее голосе мгновенно заставила меня нервничать.

— Эйвери?

— Кейтлин? Что такое? Что случилось?

От ее слов моя кровь застыла в жилах.

— Произошел несчастный случай.

Мое сердце взорвалось в груди и помчалось с неистовой скоростью, дыхание выходило неровными толчками, когда я вцепилась в трубку.

— Даниэль?

— Ты должна приехать в больницу. Не садись за руль — дороги слишком плохие. Я уже вызвала тебе такси.

— Как он?

— Его машина была полностью разбита. Я не знаю много о его травмах. Просто приезжай сюда, Эйвери. Общая Городская.

От слез мой голос стал грубым.

— Уже еду.

Такси ожидало, когда я вышла из дома, и, несмотря на погоду, я умоляла его ехать так быстро, как только можно. Страх в голосе Кейтлин потряс меня. Мысль о том, что Даниэлю больно или еще хуже, заставила меня паниковать. Всю дорогу я просила и умоляла, молила Бога, чтобы он позволил ему выжить. Пока Даниэль был жив, все было прекрасно. Мы сможем справиться с этим вместе. Но мир без Даниэля казался слишком непреодолимым. Он должен быть в порядке.

Я помчалась через двери реанимации, сразу найдя семью Даниэля. Его родители стояли вместе — отец крепко держал маму. Кейтлин сидела, подрагивая ногой. Стивен расхаживал с Хлоей на руках, отвлекая ее. Кейтлин увидела меня и поспешила ко мне, крепко обнимая. Я чувствовала дрожь, сотрясающую ее тело.

— Как он?

— Он без сознания. Мы не знаем степень его повреждений. Его все еще осматривают.

— Где?

Она точно знала, о чем я спрашивала.

— Короткий путь.

Я закрыла глаза, пытаясь держать себя в руках. Он обещал мне быть осторожным. Он обещал не превышать скорость на этой дороге.

— Он ехал ко мне, — выдохнула я.

Она стояла рядом, держа меня за руку.

— Не делай этого. Ты не виновата в этой аварии. Он ездил по этой дороге много лет.

Я открыла глаза и встретила ее взгляд. Глаза, так похожие на Даниэля, уставились на меня. В них не было вины или гнева. Только страх и тревога.

— Он будет в порядке, — заверила она меня.

Внутри я кричала. Он должен быть в порядке. Мне *нужно*, чтобы он был в порядке. Все, что я могла сделать, это кивнуть.

— Он сильный.

— Да. Это Даниэль, — слеза скатилась по ее щеке, когда она подарила мне маленькую улыбку. — Я выиграла пари и планирую забрать выигрыш.

— Они выиграли только предсезонье, Кейтлин.

Она покачала головой, говоря с убеждением.

— Я все еще впереди. Он поправится и будет танцевать на пилоне.

Я сжала ее руку.

— Хорошо.

Ожидание было тревожным и тихим, пока мы делили объятия и тихие разговоры друг с другом. Я держала Хлою, чтобы Стивен мог подарить Кейтлин комфорт. Шон обнимал Джулию, пытаясь быть ей опорой, несмотря на беспокойство, которое я видела на его лице. Они были друг у друга, но человек, в котором я нуждалась, чтобы утешить меня, был где-то в этом здании, раненый и одинокий. Я старалась сохранять спокойствие, предлагая смелые улыбки и слова ободрения. Даниэль хотел бы этого.

Наконец, врач вышел, чтобы поговорить с семьей. У Даниэля была сломана рука и три ребра, он был весь в ушибах и синяках и по-прежнему без сознания, но анализы не показали никаких травм мозга. Подушки безопасности спасли ему жизнь, хотя его машина была полностью разбита.

Джулия опустилась на грудь Шона, слезы облегчения текли по ее щекам. Кейтлин уткнулась лицом в шею Стивена с длинным дрожащим выдохом. Я пыталась сдержать слезы, поцеловав Хлою в голову, выдыхая благодарность.

— Мы можем увидеть его? — поинтересовался Шон.

— Только семья и только короткий визит. Вероятно, какое-то время он будет просыпаться и снова засыпать. Мы будем пристально следить за ним.

Джулия шагнула ко мне, ее голос был тверд.

— Эйвери — семья. Она его невеста.

Я спрятала удивление от ее заявления. Если это означало, что я могу пойти к нему, я была в порядке с этой маленькой ложью.

Врач кивнул.

— Я прослежу, чтобы она была в списке, — он остановился и посмотрел на всех нас. — Он выглядит плохо. У него много отеков и синяков, но я уверяю вас, что он стабилен. Имейте это в виду, когда увидите его. Он может быть невнятным, когда бодрствует, и это нормально. Он перенес серьезную травму. Ему понадобится некоторое время, чтобы восстановиться. Однако, думаю, он будет в порядке.

Я пыталась скрыть свои слезы, за исключением того, что это не сработало. Огромный всхлип облегчения вырвался из меня, и я мгновенно оказалась в крепких объятиях Джулия.

— С ним все будет хорошо, милая.

Я кивнула в ее плечо.

— Вы должны идти к нему.

— Мы все пойдем.

— Сначала идите вы с Кейтлин и Стивеном. Мы с Хлоей будем ждать здесь, — я

прижала ее маленькое тело ближе.

Они, казалось, понимали, что я хотела увидеть его наедине, и, не споря, пошли по коридору. Как только они исчезли, я рухнула на сидение, от облегчения в моем теле ноги начали трястись. Я сделала глубокий вздох, все время поглаживая спящую Хлою.

Он будет в порядке. Ему потребуется время, чтобы восстановиться, но он *поправится*. Я прочитала небольшую молитву благодарности и ждала.

Когда настала моя очередь увидеть Даниэля, Джулия была со мной. Кейтлин со Стивенном и Хлоей ушли, Шон пошел провожать их к машине.

Даниэль был так неподвижен, когда я вошла. Мне пришлось схватиться за поручень кровати на минуту, пока я смотрела на него, напоминая себе, что он будет в порядке. Его красивое лицо было в ушибах и порезах от разбитого лобового стекла. Рука была закована в тяжелый гипс, и я знала, что под больничным халатом его ребра заклеены. На руках и шее было еще больше порезов и синяков. Его подключили к различным аппаратам, и хотя я знала, что они больше для профилактики, все равно было шоком увидеть их.

Еще в начале наших отношений я обнаружила, что спящий Даниэль был очень беспокойным, он постоянно дергал руками и ногами. Он часто бормотал во сне, поджимая губы и хмурясь, пока спал. Но в больничной койке он был неподвижен, руки и ноги не двигались. Его глаза были закрыты, грудь медленно поднималась, а лицо было бесстрастным. Я сглотнула, стараясь не заплакать. Джулия обняла меня.

— Он просыпался пару раз раньше. Спрашивал о тебе.

Я могла только кивнуть, пытаюсь бороться со своими чувствами.

— Иди к нему. Он нуждается в тебе.

Неуверенно я подошла к нему, желая прикоснуться, мои руки парили над ним, но я не знала, где могу разместить их, чтобы не причинить ему никакой боли. Наконец, я проследила пальцем по его щеке, поглаживая кожу с правой стороны, которая была не так плоха, как левая.

Даниэль повернул голову, опираясь на мои прикосновения. Он открыл глаза, его взгляд был расфокусирован. Затем моргнул и снова закрыл глаза. Один уголок его рта слегка приподнялся, и он снова стал неподвижен.

Я прижала губы к его щеке.

— Спи, Даниэль. Я буду здесь, когда ты проснешься.

Он издал звук — что-то среднее между стоном и ворчанием, и его пальцы дернулись. Я села в кресло рядом с кроватью и взяла его за руку. Последовало малейшее давление, прежде чем его тело расслабилось.

Джулия положила руку мне на плечо.

— Он рад, что ты здесь.

— Я не хочу уходить, — я прочистила горло. — И не уйду, пока он здесь.

Она тихо хмыкнула и поцеловала меня в голову.

— Я бы не ожидала ничего меньшего.

На улице продолжал идти дождь. Я слушала монотонные унылые удары капель в стекло, продолжая сидеть рядом с кроватью Даниэля. В палате стояла тишина, изредка нарушаемая проходящими и уходящими медсестрами и врачами. Даниэль то приходил в сознание, то снова засыпал, в основном постоянно спал. Он открывал глаза, его усталый взгляд находил

мой, изредка оглядывал комнату, а потом опять закрывал. Время от времени он бормотал несвязные слова, но, кроме редких стонов или бормотаний, молчал.

Стул, на котором я сидела, был неудобным, но я отказывалась уходить. Я держала его за руку, поглаживая ладонь, и иногда проводила по волосам. Казалось, ему нравится это, он глубоко вздыхал, когда я нежно пробегалась по его волосам. Я вставала, чтобы размяться, выпить воды, а потом возвращалась на свое место. Врачи заверили нас, что он будет в порядке. Его организм нуждался в отдыхе. Он проснется в ближайшее время и будет более ясным.

Мне потребовалось много времени, чтобы убедить Джулию и Шона, но, наконец, после того, как я заверила их, что останусь, они ушли. Палата интенсивной терапии не была заполнена, и хотя это было против правил, мне удалось убедить персонал позволить мне остаться, так как Даниэль был в отдельной комнате, а я вела себя очень тихо.

Сейчас была середина ночи. Я находилась в больнице восемь часов, ожидая и наблюдая, нуждаясь, чтобы Даниэль проснулся и назвал мое имя. По большей части я держала себя в руках, проливая слезы беспокойства в ванной. Я плакала, когда позвонила своим родителям, которые сразу же предложили вернуться, но я заверила их, что если они мне понадобятся, дам им знать. Их предложение, однако, означало одну вещь для меня. Они полюбили Даниэля и хотели вернуться для него, так же как для меня. Они очень хорошо поладили после первой провальной встречи, увидев, какой он был на самом деле — добрый, заботливый и любил меня, так же как и я его.

— Не плачь, Спрайт, — низкий хриплый голос Даниэля нарушил тишину.

Я испуганно подскочила, крепче сжав его руку.

Я нависла над ним, лаская его лицо.

— Ты проснулся.

— Вроде того.

Я наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку.

— Я справлюсь.

Он прочистил горло, и я потянулась за льдом, проведя кубиком между его пересохших губ. Он пробормотал благодарность, открыв рот еще для одного.

— Прости, что я расстроил тебя.

— Прекрати это.

Он потянул меня за руку, молча прося подойти ближе. Я наклонилась, подняв его руку ко рту, целуя ушибленные костяшки пальцев.

— Что тебе нужно? Тебе больно? Мне позвать медсестру?

— Нет. Я хочу, чтобы ты знала... — он снова откашлялся, и я дала ему больше льда, позволяя холоду успокоить боль. Когда он заговорил, его голос был тихим. — Я не превышал. Олень выбежал передо мной, и я свернул, чтобы избежать столкновения. Я потерял контроль.

— Я знаю. Доктор сказал, что если бы ты ехал слишком быстро, ущерб был бы гораздо хуже, — я запнулась, успокаивая себя, потому что «гораздо хуже» означало смерть. — Хотя твой грузовик полностью разбит.

— Черт. Мне нравилась моя машина.

— Это неважно. Грузовик можно заменить, тебя — нет. Ты здесь, и это самое главное.

— Да, — выдохнул он. — Я помню, как выскочил олень, все остальное размыто. Я вроде вспоминаю, как взлетел в воздух, и мир начал вращаться. — Он облизал губы. — Я

проснулся здесь.

— Не думай об этом. Тебе нужно сосредоточиться на исцелении.

Он посмотрел вниз на свое тело, поморщившись.

— Хочу ли я знать?

Я перечислила его травмы со стальной решимостью оставаться спокойной.

— Ты не будешь работать некоторое время. А также не сможешь водить.

Он нахмурился.

— Как же я приеду к тебе?

Я закатила глаза. Об *этом* он переживал?

Обхватив его лицо ладонями, я встретила его взгляд.

— Тебе больше не нужно приезжать ко мне, Даниэль. Уже нет.

— Почему?

— Потому что я буду рядом с тобой.

— Я не понимаю.

— Я переезжаю к тебе.

Вся его боль и беспокойство исчезли, когда вспыхнула его улыбка. Это было именно так, как я себе представляла, не считая порезов и ушибов, портивших его красивое лицо.

— Да? — выдохнул он.

— Да.

— Скоро?

— Я перевезу свои вещи постепенно. Но я буду ухаживать за тобой.

Он потянул мою руку, и я опустила свое лицо ближе, чтобы он поцеловал меня. Я знала, каких усилий это требует от него, поэтому отстранилась.

— Но сейчас ты будешь отдыхать.

— Уже мной командуешь.

— Привыкай к этому.

Он сжал мои пальцы.

— С удовольствием.

Я села, поглаживая его руку.

Мы молчали несколько минут.

— Эйвери...

— Хм?

— Можно мне три?

Я прижала его руку к своему лицу.

— Я так сильно люблю тебя, Даниэль Спенсер, и я не могу вспомнить, какой была моя жизнь до встречи с тобой.

— Хммм.

— Я буду выхаживать тебя.

Он надул губы.

— Это включает губку?

Я засмеялась, затем встала и прижалась к его губам.

— Я никогда не отпущу тебя. Ни за что.

— Идеально.

Я снова поцеловала его, улыбаясь, когда его губы потянулись к моим.

— И еще бонус. Я не могу дождаться, чтобы жить с тобой. Я хочу быть с тобой каждый

день.

Он вздохнул, закрывая глаза. Наш короткий разговор исчерпал его. Но на губах играла улыбка.

— Мне нравится бонус.

Даниэль

— Это последняя? — спросил я.

Эйвери кивнула, оглядывая свою квартиру.

— Ты уверена, что не хочешь эту мебель, Спрайт? У нас много пространства.

— Нет. Кое-что из этого я приобрела на барахолке, а некоторые вещи уже были здесь, когда я переехала. Девушка, которая будет здесь жить, в восторге от них. Мою кровать можно поставить в гостевую комнату, и мы уже взяли те вещи, которые я хотела видеть в твоём доме.

Я поцеловал ее в щеку.

— В нашем доме, — напомнил я мягко.

— В нашем доме, — согласилась она. — Наш дом.

Я снова поцеловал ее. Дом был домом только тогда, когда она была там, и теперь она будет там каждый день. Я был избалован всегда, когда она была рядом.

Проведя пару дней в больнице, я почувствовал облегчение, когда меня выписали, и я смог вернуться домой. У меня все болело, загипсованная рука доставляла неудобство, а ребра горели огнем каждый раз, когда я двигался. Но было здорово вновь войти в свою дверь, даже если я двигался со скоростью улитки.

В течение следующих нескольких недель я узнал, насколько мало мое терпение к моим физическим недостаткам. Мне во всем нужна была помощь, и пришлось положиться на свою семью и Эйвери. Она взяла отгул и была со мной первые пару недель. Эйвери взялась за мое выздоровление лучше, чем я бы смог, редко теряя со мной терпение. Я ненавидел, что нуждался в помощи, чтобы принять душ, одеться, сесть и даже побриться.

Я быстро обнаружил, что становился беспомощным, когда дело касалось моей левой руки; царапины на лице и шее стали доказательством этого после того, как я в первый же день настоял на собственноручном бритье. Эйвери дразнила меня, вытирая кровь с моей кожи.

— *Серьезно, Даниэль. Ты выжил в аварии, чтобы затем убить себя бритвой, потому что ты такой упрямый?*

Я засмеялся, потому что она была права.

Эйвери не позволяла мне жалеть себя или слишком сильно перегружать. Пришлось признать, что мне нравилось дремать, когда она настаивала. В первые несколько дней это было необходимо, а затем стало предлогом, чтобы она легла рядом со мной. Мы смотрели фильмы, разговаривали, и она читала мне, успокаивая и расслабляя своим голосом.

Когда силы вернулись ко мне, мы гуляли по окрестностям, исследуя и наслаждаясь временем, проведенным вместе.

Однако ей пришлось вернуться на работу, и спустя несколько дней в одиночестве я начал сходить с ума и побрел в клинику. Сначала Кейтлин и Эйвери возражали, но Стивен был на моей стороне, и мы пришли к соглашению. Я не мог поднимать или обследовать животных, но помогал консультацией и советом. Я старался не переусердствовать, но это помогало скоротать время в течение дня.

Каждый вечер, когда Эйвери возвращалась домой, она приносила с собой кое-что из

вещей. Бэт и Райан были удивительными и помогли ей по выходным перевозить больше ее вещей в наш дом. Она сложила коробки в гостевую комнату, постепенно распаковывая их, и сегодня прибыла финальная партия. Я поехал с ней, ни разу не высмеивая ее вождение. Те немногие уроки, которые я провел с ней, помогли Эйвери расслабиться за рулем, но я знал, что она всегда будет осторожным водителем. Я не предложил ей срезать, сократив дорогу, знал, что она никогда больше не поедет по этой дороге даже в самый солнечный и сухой день.

Однажды папа отвез меня на место, где произошла авария, и я собственными глазами увидел доказательства в виде ущерба, причиненного моим грузовиком.

Мой желудок накренился, когда я увидел массивные выбоины в земле и корни деревьев, вырванные грузовиком.

Папа стоял рядом со мной, твердо держа руку на моем плече, пока мы обследовали местность.

— Эйвери ненавидит, когда я использую эту дорогу.

Его голос был низким, когда он заговорил.

— Твоя мать тоже ненавидит эту дорогу, Даниэль.

Я взглянул на него.

— Она никогда ничего не говорила.

— Ты взрослый человек, способный принимать свои собственные решения. Поэтому она держала свое мнение при себе. Но я думаю, теперь в твоей жизни есть две очень важные женщины, которые ее ненавидят. Возможно, ты захочешь внести изменения, — он замолчал на мгновение. — Кейтлин тоже не слишком ее любит.

— О.

— Как и я.

Я кивнул, удивляясь плотности его голоса. В этом вопросе не было никакого выбора.

— Ну, тогда, я думаю, правило большинства.

Мы оба были рады покинуть это место. На самом деле, тот факт, что я был единственным в автомобиле на дороге в тот роковой день, было чудом. Мужчина, ехавший за мной, позвонил в 911, и поэтому меня быстро спасли. Парамедики, прибывшие на место ДТП, узнали меня и позвонили отцу, как только мы приехали в больницу. До сих пор я имел лишь смутные воспоминания о том, что произошло, и я не страдал от их отсутствия. Я знал, как расстраивалась Эйвери, когда кто-то поднимал эту тему.

— Ты будешь скучать по этой квартире?

Она покачала головой.

— Нет. Я с нетерпением жду нашей совместной жизни, Даниэль.

— Ты можешь изменить свое мнение, когда я начну физиотерапию на следующей неделе, и все время буду ворчать.

Она засмеялась, наклоняясь, чтобы поднять коробку. Я должен был сдержаться, чтобы не забрать ее. Я знал свои ограничения, даже если время от времени раздвигал свои границы, поднять полную коробку было невозможно.

— Ты уже брюзга, так что, думаю, я справлюсь. Мы найдем для тебя цель, чтобы работать в этом направлении, и, возможно, это поможет.

— У меня уже есть три цели на уме.

— Ах, три. Валяй.

— Да. Мы с отцом собираемся через пару недель начать искать новую машину, когда

гипс снимут.

— Хорошо.

— Я собираюсь начать больше часов в клинике.

Она поджала губы на мое заявление, но не стала спорить.

— А третье?

Я обнял ее здоровой рукой, прижимая ближе. Похоронив лицо в изгибе ее плеча, я поцеловал шею, улыбаясь дрожи, что пробежала по ней.

— Это одна цель из двух частей.

— О?

— Секс с тобой как можно скорее.

— Мне нравится эта цель.

Я прижался ртом к чувствительному местечку за ухом, щелкая языком по ее коже.

— И как можно скорее мы проверим на прочность все стены в нашем доме, Спрайт.

Все. Каждую. Некоторые проверим повторно.

Эйвери захныкала. Я физически ощущал, что она скучала по мне так же, как я скучал по ней, но это было невозможно, и то небольшое, что нам удавалось сделать, было недостаточным для нас обоих. Как только гипс снимут, а мои ребра полностью заживут, все барьеры будут сброшены.

Я отстранился, ухмыляясь ее раскрасневшимся щекам.

— Но пока давай вернем тебя дому, которому ты принадлежишь. Может быть, мы можем отпраздновать чуть позже, да?

Она поднялась на цыпочки.

— Да.

Спустя три месяца

Солнце ярко светило, пропитывая мою кожу теплом, когда я наклонился и сорвал еще один маленький цветок со стебля, поместив его в небольшой букет, который я создавал. Внизу ветер волновал воду, и волны ритмично разбивались о песок.

Мы сидели у воды, когда пришли сюда, а затем провели часы, наслаждаясь поздним осенним солнышком и великолепием холма. Эйвери любила гулять там и наслаждаться спокойствием уединенного места. Я любил проводить с ней время.

Осмотрев композицию, у меня возникло ощущение, что букет не пройдет проверку Кейтлин, но я знал, что Эйвери полюбит его. На данный момент осталось не так много цветов, но я справился. Стоя на коленях, я вытащил ленту из кармана, неуклюже обмотав ее вокруг стеблей, а затем сделал последнее дополнение.

Я посмотрел в сторону густой травы. Дзен пасса в нескольких футах от Эйвери, которая сидела на одеяле, скрестив ноги, раскрытая книга лежала перед ней, а в свободной руке было яблоко, несомненно, забытое, как только она потеряла себя среди слов. Мне нравилось, что она могла часами сидеть, не двигаясь, когда читала.

Часто я просыпался, обнаружив ее уткнувшейся носом в книгу, или от света ее Kindle, когда она читала в темноте. Я мог украдкой наблюдать за ней, восхищаясь ее мимикой, когда она обнаруживала какой-то новый мир или влюблялась в какого-то героя масштабной саги.

Я взглянул на букет. Пришло время начать собственную сагу. Сделав успокаивающий вдох, я подошел, остановился перед Эйвери и опустился на колени. Я терпеливо ждал, пока она закончит страницу, закроет книгу и переключит свое внимание на меня.

— Хорошо погулял?

Мои мышцы были по-прежнему жесткими, и рука ныла по ночам, но я был почти как новенький. Терапия закончилась, но сам я продолжал усердно тренироваться, чтобы мои мышцы оставались сильными. Я сказал, что мне необходимо прогуляться, чтобы подготовить сюрприз для Эйвери.

Я кивнул, доставая небольшой букетик из-за спины, успокоив нервы.

— Я собрал их для тебя.

Ее глаза наполнились восторгом, и она приняла цветы, счастливо мурлыкая.

— Так красиво! Спасибо, Даниэль, — выдохнула она, осторожно проведя пальцами по цветам.

Ее ответ меня порадовал. Она обожала простые, искренние жесты, и я знал, что ей понравился этот забавный букет, который я собрал для нее, так же, как если бы это была огромная ваза, собранная флористом, потому что я сделал это сам.

Однако мой несуразный букет был особенным. Я ждал, нервничая, когда она шмыгнула носом и посмотрела на свои цветы. Я понял, в какое мгновение она увидела дополнение.

Ее глаза стали большими, плечи напряглись, и небольшой вздох слетел с губ. Когда ее глаза нашли мои, они были переполнены любовью и слезами.

Я взял ее маленькую ручку, прижимая к своему сердцу.

— Оно твое, Эйвери. С той секунды, как я наступил на эти пальцы и держал их в своих руках, — я поднял ее руку и поцеловал, прижимая ее к своему рту. — Эти губы стали твоими, едва они вкусили твои сладкие уста. Моя жизнь стала твоей. Ты стала всем моим миром. — Я взял кольцо из колыбели зеленых листьев и опустил его на ее палец.

— Носи его и показывай всему миру, что ты принадлежишь мне, — я сделал паузу, чтобы собрать свои нервы. — Выходи за меня замуж. Пожалуйста.

— Даниэль, — выдохнула она мое имя, и слезы бежали по ее лицу.

— Счастливые слезы?

Ее книга полетела в сторону, когда она набросилась на меня, обрушивая крошечные мокрые поцелуи по всему лицу.

— Да! — всхлипнула она. — Да!

— Да, счастливые слезы, или да, ты выйдешь за меня?

— И то и другое!

Я прижал ее крепко к груди, моргая от накатывающих эмоций.

Она сказала "да". Она была моей.

Эйвери обнимала меня, примостившись головой на моей груди. Время от времени я чувствовал, как она поднимала руку и смотрела на свое кольцо.

— Откуда ты узнал? — пробормотала она.

Я обхватил пальцами ее подбородок, поднимая лицо вверх.

— Бэт, — признался я. — Я знаю, что ты носишь немного украшений, но заметил, что, кажется, ты любишь старинные вещи.

— Я люблю украшения, которые имеют свою историю, — призналась она, выворачивая руку, чтобы камни поймали свет.

— Бэт сказала мне название магазинчика, в который ты хотела бы пойти, я пошел и поговорил с хозяйкой. Недавно она приобрела это кольцо на аукционе.

— Оно идеально.

— У него есть история. Кольцо было куплено в Англии и привезено сюда для возлюбленной — отсюда розовое золото. Пара была безумно влюблена, и они прожили в браке более шестидесяти лет. Кольцо перешло к их сыну, который никогда не был женат. Оно было частью его имущества, — я взял ее руку и поцеловал. — Это кольцо — часть великой истории любви тогда и сейчас.

— Оно прекрасно. Если бы я могла выбрать любое кольцо в мире, именно его я бы выбрала. Я люблю его, — она прижалась губами к моим. — Я люблю тебя.

— Хорошо, — я проследил пальцем вниз по ее щеке. — Ты согласилась выйти за меня замуж.

— Да.

— Скоро?

— Если ты хочешь.

— Я хочу. Зачем ждать? Ты хочешь большую, необычную свадьбу?

— Нет.

Я с облегчением выдохнул. Я тоже не хочу большое торжество.

— Когда? — взмолился я.

— Через пару месяцев?

— На следующей неделе.

Она рассмеялась.

— И ты назвал меня нетерпеливой в день нашего знакомства. Один месяц.

Я ухмыльнулся. Это было легче, чем я думал.

— Договорились, — я крепко обнял ее. — В этот день через месяц. Где?

— Дома?

— Идеально. Гости?

— Семья. Друзья. Самые близкие.

— Отлично. Мама сойдет с ума.

Эйвери захохотала.

— Мои родители едва оправались от моего переезда к тебе. Теперь я должна сказать им, что мы собираемся пожениться.

— Это не проблема. Я уже говорил с твоим отцом.

— Правда?

— В те выходные, когда мы гуляли по поместью, я сказал ему, как много ты для меня значишь и что я собираюсь жениться на тебе. Он дал мне свое благословение, прежде чем они уехали.

Ее глаза сияли изумрудами на солнце.

— Итак, завтра мы можем рассказать моей семье, — я ухмыльнулся. — Без сомнения, они утащат тебя обсуждать свадебные планы.

— Вероятно. С их помощью это будет легко. Я не хочу ничего дорогого и фантастического.

— Что насчет меня? Что ты хочешь от меня?

Эйвери прижалась губами к моему уху, заставляя меня дрожать.

— Медовый месяц, — прошептала она хрипло.

Я зарылся лицом в ее шею.

— Хммм. Я могу справиться с этим.

— Ты должен сказать мне, что упаковать.

— Зубную щетку, — я провел языком по ее шелковистой коже.

— Больше ничего?

— Нет, — я прижался губами к ее уху, покусывая мочку. — Ты, я и солнечный частный пляж. Никакой одежды не нужно.

— Даниэль...

— Ладно, пару платьев. Маленьких. И шорты для меня на случай, если мы выбежим за молоком, — она захихикала, когда я перевернул нас на одеяло, нависая над ней. — В ином случае, ты голая. Я отвечаю за этот медовый месяц, так что я решаю. Поняла?

Она нежно смотрела на меня теплыми, ясными глазами. Они были наполнены любовью — любовью, которая была моей и только моей. Она будет принадлежать мне до конца жизни. И за ее пределами. Она обняла меня за шею, притягивая к своему рту.

— Поняла.

Мне понравится жизнь женатого мужчины.

Полтора года спустя

Я вошел в дом, и от тишины мое сердце упало в груди. Я знал, какой день месяца сегодня был. Я знал, как надеется Эйвери. Она упорно оставалась бодрой каждый месяц, и когда мы вновь не могли забеременеть, ее боль была ощутимой. Ее рыдания за закрытой дверью ванной, когда она думала, что я ее не слышу, разрывали мне сердце. Больше чем однажды я находил Эйвери, плачущую в полотенце в попытке скрыть свою боль, и тогда я забирал ее на руки и держал, пока не уляжется буря. Однако каждый месяц это становилось тяжелее — для каждого из нас.

Я волочил ноги, шагая по коридору. Толкнул дверь, ожидая увидеть маленький шарик несчастья в центре нашей кровати. Вместо этого Эйвери сидела, облокотившись на изголовье кровати, и читала толстый файл, Декс свернулся калачиком у ее ног. Когда я вошел, она испуганно подняла глаза.

— О! Даниэль, я потеряла счет времени. Даже не приготовила ужин.

Я сел рядом с ней, с облегчением поглаживая голову Декса. Он был ее постоянным спутником почти каждый день. Эйвери все еще выглядела грустной, но не такой опустошенной, как обычно.

— Как насчет китайской еды? — предложил я. — Я сам закажу?

Она кивнула, но это был ее единственный ответ.

— Ты, эмм, в порядке?

Она выглядела смирившейся.

— Я не беременна.

Я наклонился вперед, уткнувшись ей в щеку, стараясь предложить тот комфорт, который мог.

— Прости, Спрайт.

— Я приняла решение.

Я выводил успокаивающие круги на ее бедрах.

— Расскажи мне.

— Сегодня я ходила к врачу. Она дала мне направление к врачу-репродуктологу.

— Ладно, это хорошо, — мы говорили о возможности принятия такого плана действий.

Мы проверялись и пытались другими способами. Это было следующим логическим шагом.

— Встреча через два дня, — она подняла файл. — Врач дала мне кучу информации для

чтения.

— Хорошо. Я почитаю, когда ты закончишь.

— Может, ты пойдешь со мной? — ее голос звучал неуверенно.

Я поцеловал ее.

— Постарайся удержать меня подальше.

Шесть месяцев спустя

Я погладил Люси по голове.

— С ней все хорошо, миссис Томас, — я сделал пометку в графике. — Надеюсь, я не увижу ее еще год. — Я улыбнулся, провожая их к выходу. — Кейтлин вышлет вам напоминание. Если вам что-нибудь понадобится раньше, мы здесь.

— Спасибо, доктор Спенсер, — она просияла в благодарность. — О, привет, миссис Спенсер!

Я поднял глаза и с удивлением увидел Эйвери. Было только два часа. Я подошел и обнял ее, наклоняясь, чтобы поцеловать в щеку.

Она удивила меня, повернув голову, прижимаясь губами к моим. Жестко.

Ее глаза танцевали, когда она, улыбаясь, отступила.

— Привет, — прошептала она.

— Привет, моя милая. Это приятный сюрприз, — я прижался к ее губам. — Ты в порядке?

Она боролась с гриппом на прошлой неделе, много спала, и у нее почти не было аппетита.

— Да. Я в порядке. Кейтлин говорит, что Стивен может справиться сам до конца дня после следующего пациента. Ты можешь прийти домой?

Я крепче обнял ее.

— Ты точно в порядке?

Она кивнула.

— Возвращайся домой как можно скорее.

Я наблюдал, как она уходит. Она не казалась расстроенной. Она не выглядела обеспокоенной или взволнованной. Она была спокойна, и ее глаза сияли. Может, Эйвери просто хотела моей компании или даже лучше, возможно, она хотела чего-то еще.

Последние месяцы мы так старались, чтобы не позволить романтике покинуть наши занятия любовью. Секс с моей женой никогда не был муторной работой, но были времена, когда планировать было неприятно для нас обоих. Мы предпочитали спонтанность. Может быть, Эйвери была в настроении... поиграть, что означало, что ей стало лучше. Может быть, нам нужно оседлать Дзена и совершить короткую прогулку до нашего пляжа. Однако взглянув в окно, я передумал. Похоже, собирался дождь.

Ну, что ж. Теплая ванна или горячий душ тоже звучат неплохо. Было хорошо в каждом из этих мест.

Насвистывая, я пошел в свой кабинет.

— Дай мне знать, как только придет мистер Уоррен, Кейтлин. Моя жена ждет.

Я услышал ее смешок, когда сел за свой стол, чтобы заполнить файл последнего пациента, благодарный за то, что у следующего животного была вакцинация. Я скоро буду дома.

Начался дождь, пока я шел короткое расстояние до дома. Я нашел Эйвери сидящей за

кухонным столом, она потягивала чай, и перед ней стояла тарелка кексов. Я налил себе чашку и схватил одно лакомство, наклоняясь, чтобы поцеловать ее, когда сел.

— Чай? Это необычно для тебя.

Она ответила, делая глоток из чашки.

— Легче для живота.

— Думаю, ты должна сходить к врачу, Эйвери. Прошла неделя, может, даже больше.

— Хорошая идея. Ты можешь пойти со мной.

Я моргнул и был уверен, что сижу с разинутым ртом. Она редко соглашалась, когда я беспокоился о ней.

Все еще улыбаясь, она бросила пару кубиков сахара в мой чай и протянула мне ложку.

— Мы пойдем на следующей неделе. Во вторник, на самом деле.

— Эйвери...

— Размешивай свой чай, Даниэль.

Нахмурившись, я размешал сахар, удивляясь, почему это так чертовски важно сейчас. Я постучал ложкой по краю чашки с немного большим давлением, чем нужно, ложка выскользнула из пальцев, и я посмотрел вниз, когда свет блеснул на серебре.

Это не одна из наших постоянных ложек — на ней была надпись. Я наклонил голову и поднял ложку, чтобы изучить поближе. Мои глаза расширились, когда я прочитал маленькую надпись.

Я поднял голову, встречая сияющий взгляд Эйвери.

— Спрайт?

— Поздравляю.

За долю секунды я стоял перед ней на коленях, одной рукой накрывая ее живот, а другой зарываясь в ее густые волосы. Светящийся зеленый встретился с благоговейным синим. Слезы мерцали в ее глазах, но чистая радость, исходящая от нее, оставляла меня бездыханным. Я накрыл ее губы глубоким, безумным поцелуем, который лишил нас воздуха. Затем прислонился к ее лбу своим.

— Скажи это.

— Я беременна.

Я отстранился, обхватив ее лицо.

— Они сказали, что потребуется время, может быть, больше, чем один раунд...

Она провела пальцами по моим волосам.

— Я знаю. Я даже не думала об этом, когда встречалась утром с доктором Гастингс.

Она сделала тест на беременность, потом сообщила мне новость, — Эйвери улыбнулась. — Я была так потрясена, когда она спросила про мой срок, и поняла, что было уже поздно.

— Ты ждала весь день, чтобы сказать мне?

Эйвери закатила глаза.

— Я видела ее три часа назад. Я была в таком шоке, что некоторое время сидела в своей машине. Потом я поехала за твоей ложкой.

— Ты в порядке?

— Да. На следующей неделе я должна пойти к доктору Притчарду.

— Во вторник.

— Да.

— Вот почему ты была такой уставшей.

— Да, из-за этого.

— Я хочу позаботиться о тебе. О вас обоих.

— О, Даниэль, ты уже заботишься, — промурлыкала она. — Нам так повезло с тобой.

— Тебе что-нибудь нужно? Я должен что-то сделать?

— Нет. Давай просто наслаждаться и праздновать, — она накрыла мою руку своей. —

Наш малыш.

— Наш малыш, — повторил я в восторге.

Ее губы задрожали.

— Да.

— Мои родители, сестра, Бэт... Боже, они будут так взволнованы. Когда мы сможем сказать им?

— Давай подождем до следующей недели, — решила она. — Я купила несколько других ложек! Им понравится!

— Я люблю тебя.

Она обхватила мое лицо ладонями, ее лицо сияло радостью.

— Я люблю тебя.

Я беспокойно вышагивал по маленькой комнате.

Эйвери рассмеялась надо мной.

— Расслабься, Даниэль.

Я недоверчиво уставился на нее. Как она могла быть такой спокойной?

Врач и специалист по УЗИ придут в любую минуту, и я знал — я был *уверен* — они скажут нам, что Эйвери носит двойню. Они говорили, что это возможно при лечении бесплодия, и хотя мы спокойно относились к этой идее, мысль, что это может быть реальностью, меня нервировала.

Когда я поднял эту тему, Эйвери оставалась спокойной, лишь пожала плечами и заявила, что мы скоро узнаем. Но она уже была огромной. Не то чтобы я когда-нибудь скажу ей об этом... снова. Через несколько недель ее беременности я обнаружил, что она была чудовищно сильна. Слово «огромный» никогда больше не сорвется с моих губ, и я не уверен, что мой правый сосок когда-либо восстановится.

Всего лишь на восьмой неделе она выглядела больше меня, больше, чем я ожидал, даже учитывая ее маленький рост. Я был так уверен в том, что она носит больше одного ребенка, что прошлой ночью встал и измерил комнату, которую Эйвери хотела переделать в детскую, чтобы убедиться, что мы сможем поместить две детские кровати и комоды, а также пеленальный стол.

Дверь открылась, и зашел доктор Притчард, с улыбкой глядя на нас. Высокий и в годах, он оказывал успокаивающее воздействие на Эйвери, и мне это нравилось.

— Как дела? — спросил он, пожимая мне руку.

— Я думаю, что это близнецы, — выпалил я.

Его брови взметнулись вверх, и он расхохотался.

— Ну, я думаю, мы увидим через несколько минут. Я должен спросить, почему?

Я изогнул бровь и искоса посмотрел на Эйвери. Я не хотел говорить это вслух. Она может снова причинить мне боль.

— Он думает, что я уже слишком большая для одного ребенка. По-моему, он использовал слово «огромная». Верно, Даниэль? — Эйвери ухмыльнулась мне со смотрового стола.

Я нашел ухмылку довольно сексуальной.

Доктор Притчард начал смеяться.

— О, Даниэль, — он хлопнул меня по плечу. — Я удивлен, что ты все еще ходишь ровно, — он придвинул табурет, все еще смеясь. — Ты научишься, сынок. Научишься.

— Уже усвоил, — пробормотал я, рассеянно потирая соски.

Он побеседовал с Эйвери и сделал некоторые заметки, в то время как специалист подготавливал УЗИ. Я сел рядом с Эйвери, держа ее за руку, улыбнувшись, когда она ахнула от холодного геля, и с нетерпением наблюдал за движением аппарата. Доктор Притчард молчал, пока проверял и измерял, его брови взлетели вверх, когда он взглянул на экран, а потом ухмыльнулся мне.

— Так ты думаешь, что это близнецы, Даниэль?

— Да, это так.

— Похоже, ты прав.

Я почувствовал себя немного самодовольным. Я знал, что она была слишком большой, чтобы носить только одного ребенка. Я улыбнулся, стараясь не хихикать над ее паническим выражением лица.

— Все в порядке, Спрайт. Мы разберемся с этим. У нас будет много помощников, — заверил я, целуя ее ладони.

Доктор Притчард вдруг начал смеяться.

— Ну, похоже, вам они понадобятся.

Я посмотрел на него недоуменно.

— Вы о чем?

— Ты был неправ. Я был неправ. Это не близнецы.

— Ох, ну, один — тоже хорошо, — я сжал руку Эйвери, задаваясь вопросом, была ли она расстроена, но она не смотрела на меня. Вместо этого она уставилась на монитор.

Доктор повернулся и пристально посмотрел на нас, постукивая пальцем по экрану.

— Я надеюсь, что у вас большой дом. Это тройняшки.

Теперь Эйвери уставилась на меня, ее глаза были такие же большие, как блюдца.

Слова эхом отдавались в моей голове.

Тройняшки.

Последнее, что я слышал, был мой голос, громкий и звенящий в ушах.

— Кроватки не поместятся!

Мои глаза дрогнули, и я нахмурился. Почему моя голова так сильно болит? Я осмотрелся вокруг. Почему, черт возьми, я лежу на полу? Мой озадаченный взгляд встретился с выпученными глазами Эйвери, и все это обрушилось на меня.

Эйвери носила тройню.

Тройняшки.

Трое младенцев. Мы сделали не одного, не двух — как я подозревал — а трое малышей.

Я буду отцом троих детей. Всех сразу.

Как, черт возьми, я оказался на полу?

Доктор Притчард хмыкнул, скользнув руками под мои руки, и потянул меня с пола.

— Вставай, мой мальчик. Сядь рядом с женой, — все еще смеясь, он протянул мне лед и мои очки. — Возможно, тебе это понадобится. Хорошая шишка на лбу.

Я смущенно посмотрел на Эйвери.

— Упс.

— Ты в порядке? — она обеспокоенно погладила меня по голове. — Полагаю, ты был немного шокирован?

— Трое детей, Эйвери! — я коснулся ее живота.

Это меняло *все*.

Она улыбнулась, широко раскрыв глаза, сияющие от счастья.

— Я знаю.

— Детскую придется расширять. Три кроватки не поместятся в комнате.

Она рассмеялась.

— Ты кричал это перед тем, как отключился, — она погладила мою щеку, касаясь губами моей кожи. — Все в порядке, Даниэль. Мы разберемся с этим.

Я притянул ее ближе, уткнувшись лицом в ее шею.

— Эйвери, у нас будет трое детей. Трое!

— Твое любимое число.

Я поцеловал ее, выводя маленькие круги на животе, где росли мои дети.

— Это самые лучшие три в моей жизни. Спасибо, моя прекрасная жена.

В панике я посмотрел на доктора Притчарда.

— Я пропустил сердцебиение?

Они со специалистом рассмеялись.

— Нет, Даниэль. Ты, эмм, прервал УЗИ.

— Я сожалею.

— Ты продержишься до окончания сканирования?

Я нетерпеливо кивнул, немного поморщившись.

— Хорошо. Давайте здесь закончим, а потом перейдем в мой кабинет и поговорим. Я не сомневаюсь, что у вас много вопросов. И я дам тебе Тайленол, — доктор улыбнулся мне и поднял футболку Эйвери. — Постарайся оставаться в вертикальном положении, Даниэль.

Я усмехнулся.

— Только если вы не передумаете и не скажете, что пропустили одного.

— Даже не говори об этом! — ахнула Эйвери, ущипнув меня за бок.

Я застонал, схватившись за болезненное место, и поцеловал ее голову в извинение.

Чертовски сильная.

Мне нужно запомнить это, если я собираюсь пережить эту беременность.

А затем...

Стремительные звуки нескольких ударов сердца наполнили комнату, и ничто другое не имело значения.

Только Эйвери и трое моих детей.

Моя семья.

Свидания с Мегги

Три года

Я вцепился в свой галстук. Не смог завязать его ровно — эта проклятая штука опять висела криво. Застонав, я покачал головой.

Какого черта я так нервничаю?

Кейтлин появилась позади меня, услышав мои бормотания — привычка, которую я перенял от своей жены.

— Потому что последнее свидание, на которое ты ходил, братец, было с Эйвери, и это

было г-о-о-о-оды назад.

Я ухмыльнулся.

— Спасибо.

Она засмеялась и схватила меня за плечи, разворачивая к себе. Покрутила мой галстук и отступила назад.

— Ну вот, идеально.

— Хорошо.

— Ты сделал бронирование?

— Да.

— Цветы?

— В моем кабинете.

— Музыка?

— Загружается.

— Тогда все, что вам нужно, это девочка.

— Ты права.

Девочка. Моя малышка.

Я расправил плечи и постучал в дверь. Я мог слышать приглушенные голоса, легко выделяя голос Эйвери. Затем за стеной я услышал мою Мэгги, зовущую маму.

— Папочка! Вучка слишком высоко, мамочка.

Я опустился на колени и повернул ручку, немного нажав на дверь, чтобы помочь ей.

Милое личико Мэгги и широкая улыбка приветствовали меня, когда дверь распахнулась.

— Папочка! — закричала она, хлопая в ладоши. — Ты пвишел!

Я протянул ей небольшой букет из крошечных розовых роз.

Розовые розы для моей Мэгги Роуз.

Ее маленький рот сформировал идеальное «О», пока она смотрела на них. Она всегда любила, когда я дарил Эйвери цветы, окуная маленькую головку в соцветия и приносясь. Это был первый раз, когда она получила собственные цветы.

Я начал традицию.

— Так квасиво! — прошепелявила она, глядя на меня.

— Как и ты, принцесса. Это новое платье?

Она кивнула, взволнованно кружась. Я наклонился, чтобы остановить ее от удара о дверь после второго поворота. Она была похожа на свою мать и слишком хорошо знакома с полом и краями мебели. Я поднял ее на руки, наслаждаясь маленькими поцелуями на своем лице. Это была ее любимая игра: схватить меня за лицо и целовать его, пока я не засмеюсь. Это была и моя любимая игра.

— Смотри! — заверещала она, указывая на свои ноги. — Мама купила мне новые туфельки!

Я поднял крохотную ножку, любуясь розовыми туфельками с белыми бантиками.

— У меня есть бантик, папочка! Как на волосах! Они одинаковые!

— Мамочка сделала это для тебя?

— Да. Я поцеловала ее за это.

— Хорошо. Мама заслуживает много поцелуев.

Эйвери появилась из кухни, улыбаясь и качая головой.

— Я вижу, прибыл твой кавалер, мисс Мэгги, и он уже говорит о поцелуях. Тск, тск, тск.

Мэгги захихикала — сладкий пронзительный девичий смешок, который всегда вызывал у меня улыбку.

— Он забавный, мамочка.

Любящие глаза Эйвери встретились с моими. Эти серебристо-зеленые озера с глубокими эмоциями внутри них все еще лишали меня дыхания, когда она смотрела на меня.

— Он забавный, — она накрыла мою руку, губами скользнув по моей щеке, — и замечательный, — выдохнула она мне в ухо.

Я пересадил Мэгги на другую руку, чтобы обнять свою жену.

— Все готово?

— Да, — Эйвери подмигнула мне и поцеловала Мэгги. — Ты берешь с собой свои цветы, юная леди?

Мэгги кивнула.

— В вестован.

Эйвери улыбнулась и медленно повторила слово.

— Рес-то-ран.

Мэгги нахмурилась.

— Я так сказала.

Усмехнувшись, я поцеловал Эйвери в голову.

— Да, мамочка. Она так и сказала, — посмотрев на Мэгги, я улыбнулся. — Готова, принцесса?

Она нетерпеливо хлопнула в ладоши.

— Да, папочка!

Мы спускались по ступенькам, когда Эйвери позвала.

— Помнишь, что я говорила тебе о свидании, Мэгги!

— О, да, — Мэгги серьезно посмотрела на меня, когда я посадил ее в автомобильное кресло. — Я должна быть дома к семи. Это мое время для сна.

Я взглянул на часы. Три часа.

У меня было только три часа?

Я оглянулся на Эйвери.

— К восьми!

Она засмеялась, возвращаясь в дом. Моя жена знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что трех часов не будет достаточно с моей девочкой.

Всей жизни не хватит.

Любимые песни Мэгги из «Холодного сердца» играли на повторе в машине. К счастью, мы добрались до ресторана прежде, чем мой голос сел. Мы спели много дуэтов. Это была еще одна традиция, когда мы ехали в машине.

Я понес ее внутрь, поскольку она не хотела, чтобы ее новые туфельки потерялись. Я посадил ее в специальный стульчик, и как только она удостоверилась, что ее цветам было хорошо в стакане с водой, который любезно предоставила официантка, я заказал ее любимый ужин — пицца с сыром на двоих. Поскольку это было наше первое свидание, в качестве угощения я также заказал ее любимый напиток — шоколадное молоко.

Она выпила пару глоточков, и я улыбнулся, запустив пальцы в ее кудри, рассыпанные по плечам. У Картера и Дилана был красно-коричневый цвет волос, как у меня, но Мэгги была даже светлее, чем ее мать. Ее волосы были массой белоснежных кудрей, становясь светлее

на солнце. Ее глаза были цвета лесного ореха, чаще более зеленые, чем синие, в то время как ее братья унаследовали мои синие ирисы. Они всегда возвышались над ней, в то время как она оставалась маленькой и прекрасной, как и ее мать.

— Ты готова? — спросил я, зная, что она хотела, чтобы я сказал.

Она кивнула.

— Давай!

Дальше начался наш ежедневный ритуал. Который был у меня со всеми моими детьми.

Это было их время, чтобы рассказать мне все, что произошло, пока я был вдали от них. Я искал каждого из них по одному, чтобы выслушать. Хотя, как правило, это происходило так, что в конечном итоге я оказывался на полу, и все трое наваливались на меня, говоря все сразу. Я любил слышать их возбужденные голоса и смех.

Мэгги более чем компенсировала отсутствие своих братьев, не переставая без устали лепетать. У нее был такой волнительный день шопинга, исследования, открытия нового вида джема для тостов, который мамочка позволила попробовать и даже нашла ее потерянную кнопку, которую мы искали весь вечер. Она проинформировала меня о том, что Дилан вредничал — совсем не сюрприз, Картер ругал его, мамочка сделала печенье после обеда, а бабуля заезжала в гости. Ее глаза были серьезными, когда она уверяла, что сама «очень усевдно» чистила ушки перед нашим свиданием.

— Видишь? — потребовала она, наклоняясь и поворачивая голову.

Я осмотрел гладкую кожу и наклонился, фыркнув ей в ушко. Ее громкий смех заставил меня смеяться, и мы все еще улыбались, когда прибыла пицца.

Безостановочный монолог продолжался за ужином. Я постоянно перебивал ее, пытаюсь положить кусочек пиццы в ротик, зная, что Эйвери не будет счастлива, если узнает, что Мэгги не ела. Я бессовестно подкупил ее десертом, если она закончит свой ужин, и она, наконец, покончила со своим кусочком. Десерт исчез значительно быстрее. Я едва съел ложку мороженого.

Опять же, как и ее мама — и у меня не было никакого другого пути. Мои девочки владели мной. Полностью.

Вернувшись в машину, я переобул Мэгги, и мы пошли в парк. Мы не могли играть из-за ее «квасивого платья», как она мне сообщила, но качели и качели-балансиры в любом случае были ее любимыми «пойдем поигваем». Я раскачивал ее выше и быстрее, обожая ее смех. На качелях-балансирах я был вознагражден ее хихиканьем, когда «толкал» ее достаточно сильно, чтобы она «подпвыгивала» на сидении.

Мы закончили большой порцией мороженого, сидя под деревом. Я посадил ее к себе на колени, изредка облизывая конус, когда он таял, сохраняя ее новое платье от полного уничтожения.

— Папочка?

— Хम्म?

— У нас будет второе свидание?

— Да. Каждый второй месяц. Ты и я.

— Что в двугие месяцы?

— Это веселые вечера для меня и мальчиков, чтобы у вас с мамой было время для девочек.

Я пытался брать их по одному за раз, но парни предпочли идти вместе. Мы с Эйвери решили попробовать, и это хорошо сработало. Все были счастливы, и у меня было больше

времени на свидания с Мэгги.

— Мы можем пойти на бип бип?

Я усмехнулся, заправляя шальной завиток ей за ухо.

— Мини-гольф? — они все любили играть в игры.

Она кивнула с полным ртом мороженого.

— Конечно, моя девочка. Все, что хочешь.

Внезапно она зевнула. Сморщила глазки и широко распахнула ротик, в уголках губ задержались остатки мороженого. Я взглянул на свои часы, с удивлением обнаружив, что уже больше семи часов. Время всегда пролетало, когда я был с моими детьми.

Я вытер ее ротик и закинул остатки мороженого себе в рот. Она крепко прижалась к моей груди, счастливая и уставшая. Я знал, что она утомилась, потому что всегда была непоседой.

Ее тело расслабилось, и я поднялся, чтобы отнести ее к машине. Она проспала всю дорогу домой.

Эйвери встретила нас у дверей с нежной улыбкой на лице.

— Привет.

Я наклонился, целуя ее пухлые губы.

— Привет, Спрайт.

— Хорошее свидание?

— Лучшее.

— Ты утомил ее.

— Да, но мы прекрасно провели время. Почему бы мне не уложить ее в постель, тогда мы посмотрим, смогу ли я утомить тебя?

Эйвери рассмеялась.

— Отличный план, папочка.

Я улыбался всю дорогу по коридору. Мне нравится эта традиция.

Четырнадцать лет

— Пап!

— Что? — я усмехнулся, нарочно уткнувшись носом ей в голову.

Мэгги оттолкнула меня.

— Ты не можешь обнимать меня в школе на глазах у детей! — отругала она, оглядываясь вокруг, потом запрыгивая в машину.

Я засмеялся, обходя машину, и скользнул внутрь.

— Это новое правило?

В мире Мэгги всегда были новые правила.

Она закатила глаза, перекидывая волосы через плечо.

— Мама понимает.

Я отъехал от обочины.

— Мама классная — она все понимает. Ты должна дать поблажку своему старику, Мэгс.

Голос Мэгги изменился. Он смягчился, и она улыбнулась мне.

— Ты тоже крутой, папочка.

Я сжал ее руку.

— Спасибо, принцесса.

— Мы едем за пиццей?

— Твоя очередь выбирать — все, что ты хочешь, — она была уже достаточно взрослая, и

я позволял ей выбирать места наших свиданий. У нас были свои фавориты, но мы пытались изменять их.

— Как насчет китайской еды? Я хочу лапшу.

— Звучит хорошо. А потом?

— Мини-гольф. Мне нужно сравнить с тобой счеты.

Я засмеялся.

— Ну, попробуй, малышка.

Я смотрел на нее через стол широко раскрытыми глазами.

— Дилан сделал *что*?

Она захихикала — этот звук все еще заставлял меня улыбаться.

— Да, папочка. Три стакана Кока-Колы, один за другим, затем он прошел мимо стола мистера Виктора и рыгнул. Это было так громко, что все в кафе слышали. Это было эпично.

Я застонал. У Дилана были постоянные проблемы со своим учителем истории. Без сомнения, Эйвери расскажет мне всю историю, когда я вернусь домой.

Только тогда я не смогу смеяться над этим.

У нас были строгие правила о свиданиях. То, о чем мы говорили, оставалось между нами.

То же самое было, когда собирались девочки и когда я был с мальчишками. Если мы с Эйвери не думали, что это что-то важное, чем должны поделиться, мы сохраняли доверие наших детей. К счастью, до сих пор ничего серьезного никогда не приходило.

— Что произошло?

— Дилан остановился и выглядел испуганным. Он дал лучшее извинение, которое ты когда-либо слышал. Он даже сел и рассказал ему о том, с чего началась фраза «извините меня», — она снова захихикала. — Он всю прошлую ночь провел в поисках. Даже Вики не мог быть расстроенным после его маленькой речи.

— Мистер Виктор, — исправил я.

Она махнула рукой.

— Он такой тупица, папочка, — она нахмурилась. — Мне не нравится, как он обращается с Диланом.

Я улыбнулся моей девочке. Все трое моих детей очень близки и яростно защищают друг друга. Дилан и Картер могут свести ее с ума, но если кто-то хотя бы посмотрит на них косо, она будет как мама-медведица для них. Мальчики еще больше защищают свою единственную сестру. Никому не разрешается связываться с Мэгс.

— Дилан любит донимать его.

Она фыркнула — еще одна черта, которую она переняла от матери.

— Его нужно донимать. Он самый скучный учитель из всех, — наклонившись, она схватила еще один блинчик. — Серьезно, я узнаю больше от дяди Стивена и тети Кейтлин во время наших семейных обедов, чем от старого Вики. Он бесполезен.

— Я знаю, детка, но он твой учитель и заслуживает уважения.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я посмотрел на нее своим фирменным не-спорь-со-мной взглядом, и она оставила это.

Мегги закончила свой яичный рулет и вытерла пальцы о салфетку.

— Папочка?

— Да, моя девочка?

— Мне нравятся мои цветы.

Я все еще покупал ей букет на каждое свидание. Эйвери рассказала мне, что оставляла один цветок из каждого букета, которые я когда-либо дарил Мэгги, и они хранили их в специальной книге. Я пытался дарить разнообразные цветы, но по прошествии десяти лет знал, что повторялся несколько раз.

— Хорошо.

— Могу я спросить тебя кое о чем?

— Что угодно.

— Если я что-то хочу, ты позволишь мне это?

Я поерзал на своем месте. Это был опасный путь, и я велся на это раньше.

— Это зависит...

— Это не опасно или незаконно.

Я почувствовал себя немного лучше, но все равно подозрительно.

— В чем дело?

— Джош пригласил меня на его выпускной вечер. Я хочу пойти.

Я изумленно уставился на нее.

— Его *выпускной*? Ты... тебе четырнадцать!

— Он опережает меня в школе.

— Ты слишком молода для свиданий.

— Мы пойдем с компанией друзей, папа.

"О, теперь я папа, а не папочка. Я предпочитаю «папочка»."

Я решил выиграть немного времени.

— Я поговорю с твоей мамой.

— Я уже поговорила. Она сказала, что я должна поговорить с тобой.

Черт возьми!

— Я встречался с Джошем?

Она закатила глаза.

— Да, папочка. Много раз. Он тебе нравится.

Каждый день у нас зависает много детей, особенно после того, как мы установили бассейн, и дети начали купаться. Я не уверен, кто из этих ребят Джош.

— Кто он?

— Высокий, мечтательные глаза и темные волосы. У него собака Руфус. Ты наблюдаешь его.

Я фыркнул.

— Ну, я не помню мечтательные глаза, но помню, какой он высокий. Руфус — отличная собака. Он хорошо за ним ухаживает.

Она накрыла мои руки своими.

— Пожалуйста, папочка. Я... Он мне нравится. Я хочу пойти.

Парнишка был дружелюбный и вежливый — я хорошо это помню. Его отец, Джефф, хороший парень. Он сам воспитывает Джоша, его мама умерла, когда он был маленький. Джефф проделал большую работу, воспитывая Джоша.

— Я поговорю с твоей мамой.

— Хорошо, — она сжала мою руку. — Ты даже можешь быть сопровождающим, если хочешь.

Хммм.

Я покачал головой и засмеялся.

— Ты хороша, моя девочка.

— Это была идея мамы.

Я знал, что проиграю, если буду возражать. Я могу, по крайней мере, присматривать за ними, если буду там. Я сделал успокаивающий вздох, неожиданно чувствуя себя старым.

— Я думаю, мы сможем что-нибудь придумать. Но будут правила. Мои правила.

Она закатила глаза.

— Как всегда, — потом улыбнулась — той красивой улыбкой Мэгги, которой я не мог сопротивляться. — Спасибо, папочка.

Я подал сигнал, чтобы принесли счет.

— Хорошо. Пойдем поиграем в гольф.

— Папочка?

— Что?

— Я рада, что ты не волнуешься или что-то еще. Но ты все равно проиграешь.

Я засмеялся. Это была моя Мэгги.

Семнадцать лет

— Мэгги, принцесса, расскажи мне, что случилось.

Она подняла взгляд от своей несъеденной пиццы, глаза были мутные и печальные. Я должен был понять — что-то было не так, когда она попросила пойти в пиццерию, потом заказала простую пиццу с сыром и шоколадное молоко. Она не заказывала эту комбинацию с десяти лет. Даже мои цветы не вызвали большого восторга. Она поцеловала меня в щеку. На этом все.

Короткие, односложные ответы — единственный разговор, которого я мог от нее добиться. В отчаянии дергая себя за волосы, я попробовал еще раз.

— Милая, ты можешь рассказать мне все, что угодно.

— Почему парни такие придурки, папочка?

Я вздрогнул. Этого я не ожидал.

— Гм, это общий вопрос, Мэгги, или мне нужно найти Джоша и поговорить с ним?

— Я не понимаю его!

Я воздержался от веселья.

— Мы, как правило, тоже не понимаем вас, моя девочка, — я взял ее за руку. — Что случилось?

— Сегодня я спросила у Джоша, делают ли эти джинсы мой зад большим.

О, Боже. Он этого не сделал.

Любой мужчина старше двенадцати лет знал правильный ответ на этот вопрос.

— Что он сказал? — я был готов сказать ей, что ее попа не была большой, а Джош был идиотом.

— Он сказал «нет». А затем ушел, — губы Мэгги задрожали, и вдруг она начала плакать — большие, мокрые слезы текли по ее лицу. Я обнял ее, чтобы успокоить, в то же время пытаюсь выяснить, как заставить Эйвери присоединиться к нам.

Если он сказал «нет», я не понимаю проблемы; так что, очевидно, мне не хватает какого-то огромного ключика в женский мир. Эйвери знала бы, что сказать и сделать, чтобы Мэгги почувствовала себя лучше.

Через пару минут она отпрянула и вытерла лицо.

— Ты хочешь вернуться домой и поговорить с мамой? — спросил я.

— Нет. Я хочу мужскую точку зрения.

Дерьмо.

Все было настолько легче, когда я мог купить ей новую игрушку My Little Pony.

— Ты хочешь пойти в торговый центр и купить новую пару обуви... или что-то еще?

Она уставилась на меня, взяла свое шоколадное молоко, и осушила его, потом встала.

— Я бы хотела еще стакан молока. Пойду умоюсь.

Как только она ушла, я позвонил Эйвери и пересказал ей события.

— Что с ней происходит?

Она усмехнулась.

— Я думаю, это ПМС, Даниэль.

Да, ладно!

— Моя Мэгги? ПМС? — проорал я шепотом.

— Сегодня утром она тоже была немного эмоциональна. Завтра ей станет лучше. Я дам ей Мидол, когда она вернется домой. А ты пока закажи ей еще немного шоколадного молока.

О, Господи, это было выше моего понимания.

— Не важно, что будет завтра, что делать сейчас? Она хочет поговорить о мальчиках, — зашипел я.

Она усмехнулась.

— Значит, поговори о мальчиках. Дай ей свое экспертное мнение.

— Мое мнение таково, что они все думают только об одном и ее нужно запереть до тех пор, пока не исполнится тридцать, но ты не позволяешь мне.

— Валяй, поделись этим с ней сегодня, — возразила она сухо. — Она тебя стукнет.

— Ты нужна мне здесь.

— Не-а. Она хочет своего папочку. Я должна идти. Увидимся позже. Люблю тебя! — она повесила трубку.

Мэгги вернулась, выглядя спокойнее. Я подвинул ближе к ней новый стакан, надеясь, что шоколад поможет. Он всегда помогал Эйвери.

Я выдохнул и расправил плечи.

— Ладно, Мэгги. Я не понимаю. Джош не сказал, что твоя, гмм, задница выглядит большой, так скажи мне, почему ты так расстроилась.

Она посмотрела на меня так, будто у меня отросла лишняя голова.

— Но он также не сказал мне, что она выглядит хорошо.

Я моргнул.

Затем я оглядел ресторан. Это была подстава? Может, Эйвери и Бэт стояли где-то, записывая наш разговор, и смеялись, пока я пытался придумать, что сказать?

Я снова посмотрел на Мэгги, затем сделал плоток воды, желая, чтобы это был алкоголь — очень крепкий алкоголь.

— А ты, гм, спрашивала у него?

— Что?

Я прочистил горло.

— Ты спрашивала, как твоя задница выглядит в джинсах? Напрямую.

— Нет.

Я немного расслабился.

— Мы, мужчины, довольно простые существа, Мэгги. Если бы ты спросила его, как твоя

задница выглядит, вместо того, чтобы спрашивать, не большая ли она, я думаю, ответ понравился бы тебе больше.

— Правда?

Я кивнул.

— Наши мозги не работают так же, как и ваши.

Она нахмурилась, взяла свой телефон и отправила смс. Взяв свое молоко, она потягивала его, глядя на экран.

— Это потому, что парни всегда думают о сексе?

Вода, которую я пил, встала комом в моем горле, и я громко кашлянул.

— Где ты это слышала? — пробормотал я.

— Все это знают, и я спросила у Дилана — он сказал, что это правда. К тому же, я слышала, как ты говоришь это достаточно часто.

Ох.

— Я поговорю с Диланом, и иногда я говорю вещи, которые не должен. Спроси у своей мамы. Она скажет тебе, что я странный, — я понизил голос. — А Джош, он?.. — я оставил вопрос в воздухе.

Она распахнула рот, ее лицо запылало.

— Нет! Папа — нет! Он знает, что я не готова. Мы оба ждем.

Симпатия, которую я испытывал к Джошу, возросла в десятикратном объеме.

— Ох. Ну, это приятно знать.

Ее телефон загудел, и она подняла его, читая сообщение. Огромная улыбка расплзлась на ее лице, и она напечатала ответ. Затем взяла пиццу, откусила большой кусок и с удовольствием прожевала.

— Мы собираемся поиграть в мини-гольф после ужина?

Ее внезапная перемена настроения удивила меня.

— Ты, ах, хочешь?

— Да, это было бы здорово.

Я еще раз огляделся. Я что-то пропустил.

— Ты чувствуешь себя лучше?

— Да. Я спросила Джоша. Напрямую, как ты и сказал.

— О.

Она просияла.

— Он сказал, что моя попка выглядит потрясающе. Лучшая задница во всей школе.

О, Боже...

Если так пойдет дальше, то на наше следующее свидание Эйвери пойдет с нами.

Двадцать шесть лет

Мэгги поцеловала меня в щеку, прежде чем опуститься в кабинку.

— Привет, папа.

— Привет, моя девочка. — Сейчас я был папочкой в редких случаях.

Она взяла букет, который ожидал ее, и понюхала розовые и белые розы, вздохнув с удовольствием.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь.

Она улыбнулась мне, пальцами прослеживая соцветия.

— Бабушка говорит, что я похожа на маму, когда ты женился на ней.

— Да.

Она во всем была, как Эйвери. Мои сыновья оба были высокие — выше меня ростом — но Мэгги была похожа на Эйвери в каждом аспекте: светлые, вьющиеся волосы; маленький рост; нежная, заботливая душа. Она повсюду носила мятные конфеты и так же ненавидела клоунов. Они были так похожи, что моя грудь болела.

Ее глаза были единственным отличием. Вихри синего и зеленого составили ореховые ирисы. Их цвет ловил свет и отражал ее настроение. Сегодня они были спокойными — больше преобладал зеленый, и она выглядела, как Эйвери. Ее волосы были подхвачены зажимами и струились по спине массой завитков. Она утверждала, что ненавидит это, но мне нравилось. Так же, как и другому мужчине в ее жизни.

Я налил ей бокал вина, вспоминая наши более ранние свидания с пиццей и шоколадным молоком. Теперь они состояли из вина и каких-то интересных блюд, которые она выбирала для нас. Как ресторанный критик, Мэгги любила пробовать новые продукты, и мы были в разных ресторанах за последние несколько лет.

— Как твоя мама?

Ее глаза были взволнованными.

— Думаю, я утомила ее сегодня. Мальчики забрали ее на ужин.

— Хорошо. Все готово?

— Да, — она улыбнулась, больше похожая на подростка, чем на молодую женщину. — Через два дня я выхожу замуж! Ты можешь в это поверить?!

Я покачал головой, все еще не уверенный, как быстро прошло время.

Наши дети были уже взрослые и самостоятельные.

Картер был женат и в ожидании нашего первого внука. Мы с Эйвери обожали его жену Сюзанну — ласковую, добрую женщину. Картер работал со мной в клинике; его путь как ветеринара начался еще в раннем возрасте, и он никогда не колебался.

Долгое время мы думали, что Дилан обречен остаться диким холостяком, вечно приходящим домой только поесть и сменить одежду, пока он не познакомился с Лаурой.

Трансформация была невероятна. Дилан успокоился, его приоритеты и образ жизни кардинально изменились. Эйвери считала Лауру ангелом. Он все еще много путешествовал в качестве внештатного журналиста, но его жизнь превратилась во что-то, напоминающее норму.

Мэгги живет недалеко от нас и в пятницу выходит замуж за своего школьного друга Джоша. Он много лет был частью нашей жизни, практически стал нам еще одним сыном. В тот день, когда он пришел к нам с Эйвери просить разрешения жениться на Мэгги, никто из нас не колебался. Мы были взволнованы иметь его в качестве постоянного члена семьи. Он называл Эйвери его приемной мамой в течение многих лет, и та была рада, что он может официально стать ее сыном.

— Я так понимаю, что наши свидания закончены.

— Что? Нет, папочка! Я не хочу их заканчивать!

В груди потеплело от ее ласки.

— В самом деле?

Она накрыла мою руку своей.

— Я люблю наше время. Я слишком сильно скучаю.

Я сжал ее пальцы.

— Я тоже.

Прибыло основное блюдо.

— Возможно, мы могли бы обедать. Я немного стар для мини-гольфа.

Она хихикнула — звук вызвал у меня ностальгию.

— Ты не старый, папа. Мама до сих пор говорит, что ты самый сексуальный мужчина.

Эйвери все еще так думает. Я тоже думаю, что она до сих пор довольно горячая, и показываю это ей как можно чаще, но не скажу об этом дочери. Она бы, наверное, закрыла уши и вышла из-за стола, сдерживая тошноту.

— Независимо от того, насколько сексуальным меня считает твоя мама, я устал проигрывать вам, молодые люди.

— Но, может быть, не так часто? Ради старых времен?

Я смягчился. Никогда не мог ей отказать.

— Время от времени.

За ужином она рассказывала о некоторых деталях свадьбы. Когда пришло время кофе, я вздохнул.

— В следующий раз, когда мы сделаем это, ты будешь замужней женщиной.

— Я по-прежнему буду твоей маленькой девочкой, папочка. Всегда буду.

— Моя принцесса, — я полез в карман своей куртки и вынул небольшую коробочку, протянув ее через стол. — Это тебе.

— Папа? — ее голос был наполнен эмоциями.

— Это от нас с мамой. Она сказала, чтобы я отдал его тебе сегодня. Открой.

Ее глаза наполнились слезами, когда она посмотрела на ожерелье. Одна капля сапфира, висящая на цепочке из белого золота, отражалась на свету. Набор сережек шел в комплекте. Просто. Элегантно. Так же, как красивая женщина, которая будет их носить.

Моя дочь.

— Мама подумала, что это может стать твоим чем-то синим, — предложил я, борясь с эмоциями, сдавливающими грудь.

— И новым. О, папочка, они прекрасны, — в ее глазах появилось больше слез. — Просто идеальны. — Она посмотрела на меня. — Спасибо, — наклонившись, она сжала мою руку. — Я люблю тебя.

Все, что я мог сделать, это кивнуть.

Эйвери сидела на крыльце, ожидая меня, когда я выбрался из машины, чувствуя, как каждый год моего возраста бьет меня. Она протянула мне бокал вина, когда я сел рядом с ней, положив голову ей на плечо.

— Ей понравился подарок?

— Она плакала, — я вздохнул и потер рукой лицо. — Я тоже.

— Тяжелая ночь, папочка?

— Куда ушло время, Спрайт? Как может наша девочка выходить замуж? Мы будем бабушкой и дедушкой, — я покачал головой. — Боже мой, Эйвери, мне уже за пятьдесят. Как, черт возьми, это произошло?

Она рассмеялась.

— Время летит, — она провела пальцами по моим волосам, оставляя поцелуй на моем виске.

— Это была прекрасная жизнь. Ты такой же сексуальный, как в день, когда я познакомилась с тобой... и поцеловала тебя впервые.

— Мои волосы седые и их меньше.

— На самом деле, нет.

— Я теперь ношу очки все время.

— Твои очки только делают тебя сексуальнее, Даниэль.

Я усмехнулся от ее слов. Она видит только хорошее. В том числе и во мне.

Я посмотрел на ее прекрасное лицо.

— Ты ничуть не изменилась. Кроме того, что стала еще прекраснее с годами, я даже не думал, что это возможно.

— Смотри внимательнее, мой дорогой муж. Ты упускаешь морщины и бифокальные очки. Ты видишь меня через призму любви.

— Так же и ты.

Она коснулась моего плеча.

— Тогда мы все еще в порядке.

Подняв ее руку, я прижал к своим губам.

— Да, мы в порядке, — я немного помолчал, потягивая вино, когда заметил толстую книгу, лежащую рядом с Эйвери.

Я посмотрел на нее, и мое горло сжалось от умиления. Я точно знал, что это было: Эйвери сохраняла по одному цветку из каждого букета, которые я дарил Мэгги, один цветок с каждого свидания с моей девочкой на протяжении последних двадцати трех лет.

Двадцать три года цветов и воспоминаний.

— Книга Мэгги, — пробормотал я.

— Да, я просматривала ее сегодня вечером; думала, сколько лет уже пролетело, и вспоминала, как Мэгг выбирала один цветок из каждого букета, а я помогала ей высушивать и сохранять их. Она любит эту книгу.

Я поднял книгу и положил ее на колени. Листая ее, я останавливался, читая даты, и смотрел на каждый высушенный и спрессованный цветок. Под каждым цветком была короткая запись, написанная сначала Эйвери, потом Мэгги, когда она стала достаточно взрослой, чтобы делать это самой, из чего состояло наше свидание того вечера. Было много вечеров мини-гольфа, мы часто гуляли в парке, и по мере того, как она созревала — кино, каток, магазины и разговоры в кофейне. Она хранила корешки из кинотеатра, концертные билеты, а также программки на спектакли, которые мы посещали, тщательно добавляя их в свою книгу памяти. По мере того, как я переворачивал страницы, Мэгги выросла, и ее почерк менялся от детских каракулей цветными мелками до быстрого и элегантного — записи становились более длинными и детальными.

— Ей нужно будет добавить в книгу сегодняшней цветок.

Я кивнул. Были еще пустые страницы — и все я планировал заполнить. Еще больше лет воспоминаний, созданных с моей принцессой.

Я глубоко вздохнул и улыбнулся, закрыв ее, я прижал книгу к груди и закрыл глаза, смакуя все воспоминания, которые текли через мою голову.

Эйвери склонила голову на мое плечо, взяла меня за руку и сжала ее.

— Тебе нужно три?

Я положил свою голову на ее.

— Да.

— Мы вместе вырастили трех прекрасных детей.

— Мы сделали это.

— До сих пор у нас была удивительная жизнь.

— Да.

— У нас впереди еще много лет вместе.

— Я с нетерпением жду их.

— И вот твой бонус. С каждым днем я люблю тебя все больше и больше.

— Мне нравится твой бонус, — я поцеловал Эйвери в голову. — Я счастливейший человек в мире.

Она промурчала, и мы замолчали на минуту.

— Как насчет отпуска, Спрайт?

— Да?

На протяжении многих лет у нас было много семейных каникул, и время от времени мы пытались убежать самостоятельно, но это не всегда срабатывало. Я хотел увезти ее, провести время только с ней и создать больше воспоминаний о нас.

— Да. Некоторое время для нас. Ты, я, прекрасный пляж и очень мало одежды. Как в наш медовый месяц, — я провел пальцем по ее гладкой щеке. — Я хочу провести день, целуя тебя. Бесконечно целуя тебя.

— Я с удовольствием. Но почему именно сейчас?

Я пожал плечами.

— Потому что мы можем? После свадьбы, до рождения ребенка. Практика отлично справляется. Я могу взять немного времени, — я обернул руку вокруг ее талии, привлекая ближе. — Мы подняли нашу семью, Эйвери, и у нас есть остаток жизни, чтобы наслаждаться им. Давай наслаждаться нами.

— Звучит прекрасно.

— Что, если я скажу тебе, что собираюсь на пенсию? Попрошу тебя найти кого-то, кто возьмет отчетность на себя?

После беременности тройней Эйвери покинула бухгалтерскую фирму. Она работала над книгами для клиники и конюшни, что дало Кейтлин больше времени, чтобы расширять практику. Это оказалось успешным для всех нас. Она до сих пор вела их, потому что ей это нравилось, и она была занята.

— Сюзанна может вмешаться. Она много сейчас делает.

— Идеально. Это улажено. Как только свадьба закончится, мы посетим турагенство. Ты выбираешь первый пункт назначения.

— Гавайи, — ответила она без колебаний. Это было одно из наших любимых мест. Затем она усмехнулась. — Дальше Англия. Ты получаешь свой пляж, я — историю.

— Договорились.

Встав одним быстрым движением, я удивил ее, подняв на руки, и понес в дом; я остановился только один раз, чтобы положить драгоценную книгу на столик в прихожей.

Ее легкий вздох заставил меня улыбнуться.

— Я думала, ты чувствовал себя старым, доктор Спенсер?

Я повернулся и прижал ее к стене, игриво ухмыляясь ей, когда она сорвала мой галстук.

— Неожиданно, миссис Спенсер, я почувствовал себя на удивление резво.

Сияющая улыбка украсила ее губы. Потянувшись, она убрала заколку, и ее длинные, светлые волосы рассыпались по плечам. Ее глаза сверкали в приглушенном свете.

В этот момент она была похожа на Эйвери в первый день, когда я увидел ее, присел на корточки и влюбился.

Я отнес ее к нашей кровати, бросив на матрас, слушая ее беззаботный смех.

Мой сладкий, маленький Спрайт. Сейчас я хотел ее так же сильно, как и тогда.

Всегда буду — до последнего вздоха.

Она раскрыла свои объятия.

Я с готовностью пошел.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net